10 ЛУЧШИХ КНИГ АГАТЫ КРИСТИ

АГАТА КРИСТИ

УБИЙСТВА ПО АЛФАВИТУ

Agatha Christie®

Убийства по алфавиту
Агата Кристи

Аннотация
Агата Кристи. Убийства по алфавиту
Предисловие. капитана Артура Гастингса, кавалера ордена Британской империи
Глава I. Письмо
Глава II. (написано не от имени капитана Гастингса)
Глава III. Андовер
Глава IV. Миссис Ашер
Глава V. Мэри Дроуэр
Глава VI. Место преступления
Глава VII. Мистер Партридж и мистер Ридделл
Глава VIII. Второе письмо
Глава IX. Убийство в Бэксхилл-он-Си
Глава X. Барнарды
Глава XI. Меган Барнард
Глава XII. Дональд Фрэйзер
Глава XIII. Совещание
Глава XIV. Третье письмо
Глава XV. Сэр Кармайкл Кларк
Глава XVI. (написано не от имени капитана Гастингса)

Глава XVII. Ожидание
Глава XVIII. Пуаро произносит речь
Глава XIX. Шведская интерлюдия
Глава XX. Леди Кларк
Глава XXI. Описание убийцы
Глава XXII. (написано не от имени капитана Гастингса)
Глава XXIII. 11 сентября. Донкастер
Глава XXIV. (написано не от имени капитана Гастингса)
Глава XXV. (написано не от имени капитана Гастингса)
Глава XXVI. (написано не от имени капитана Гастингса)
Глава XXVII. Убийство в Донкастере
Глава XXVIII. (написано не от лица капитана Гастингса)
Глава XXIX. В Скотленд-Ярде
Глава XXX. (написано не от имени капитана Гастингса)
Глава XXXI. Эркюль Пуаро задает вопросы…
Глава XXXII. …и рассуждает об охоте на лис
Глава XXXIII. Александр Бонапарт Каст
Глава XXXIV. Пуаро объясняет

Аннотация

В английском алфавите 26 букв. В подписи преступника, затеявшего с Эркюлем Пуаро игру при помощи писем, всего три буквы – первые, A, B и C. Он планирует совершить убийства в местах, названия которых расположены в алфавитном порядке. Задача Пуаро – разгадать замыслы убийцы и не дать ему совершить задуманные 26 преступлений…

Этот роман практически произвел революцию в детективном жанре. В нем Агата Кристи не только проявила в полной мере свой талант – она с успехом применила несколько не виданных ранее приемов повествования. Все это привело в бешеный восторг как читателей, так и критиков. Недавно по этому роману был снят популярнейший телесериал BBC.

«Абсолютно уникальная идея».
Daily Telegraph
«Несомненно, она гений».
Элизабет Джордж, автор бестселлеров New York Times

Агата Кристи
Убийства по алфавиту

Agatha Christie
THE ABC MURDERS
Copyright © 1936 Agatha Christie Limited
All rights reserved

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.

© Петухов А. С., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Предисловие капитана Артура Гастингса, кавалера ордена Британской империи

В этом своем рассказе я отошел от своей обычной практики писать только о тех происшествиях и сценах, которым сам был свидетель.

Поэтому некоторые главы написаны от имени третьего лица.

Хочу заверить своих читателей, что я полностью отвечаю за события, описанные в этих главах. И если в некоторых из них я взял на себя смелость описывать какие-то мысли и чувства третьих лиц, то сделал это исключительно потому, что уверен, что описываю их с необходимой для повествования точностью. Могу также добавить, что эти мои литературные экзерсисы получили полное одобрение моего доброго друга Эркюля Пуаро.

В заключение хочу заметить, что если вам покажется, что я слишком много времени уделяю описанию некоторых второстепенных личных связей и отношений, которые возникли как ре-

зультат этой странной цепи преступлений, то я делаю это исключительно потому, что не могу и не хочу игнорировать личные отношения между участниками этой драмы. Однажды Эркюль Пуаро показал мне на очень драматическом примере, что любовь и взаимные симпатии могут быть производными от преступления.

Что же касается разгадки тайны А. В.С.[1], то могу только сказать, что здесь Пуаро продемонстрировал свою гениальность в том, как он подошел к решению этой загадки, которая не походила ни на одну из тех, с которыми ему приходилось сталкиваться ранее.

[1] Сноски: 1

Так в Англии называют алфавит. Здесь и далее используются буквы английского алфавита в их латинском написании.

Глава I
Письмо

В июне 1935 года я приехал в Англию со своего ранчо в Южной Америке, чтобы провести на родине около шести недель. Для нас это были непростые времена. Как и все, мы сильно страдали от мировой депрессии. Поэтому у меня накопился целый ряд дел, которые, как мне казалось, могли были быть решены только при моем личном участии. Жена моя осталась управлять ранчо.

Естественно, что, достигнув берегов Англии, я первым делом нанес визит своему старинному другу Эркюлю Пуаро.

Я нашел его живущим в Лондоне, в одном из новейших квартирных комплексов с гостиничным обслуживанием и сразу же предположил (с чем он полностью согласился), что здание было выбрано только по причине его идеальных с точки зрения геометрии пропорций.

— Ну конечно, друг мой, глаза отдыхают на его симметричности, вы не находите?

Я заметил, что в здании слишком много прямых

углов, и, вспомнив старую шутку, поинтересовался, не вывели ли они для этого супермодернового комплекса специальную породу кур, несущих квадратные яйца.

Пуаро искренне рассмеялся.

— Ах, так вы помните эту шутку? Увы! Наука, к сожалению, пока не смогла заставить кур подчиняться современным вкусам, и они так и продолжают нести яйца разных размеров и цветов!

Я внимательно осмотрел своего старого друга. Он выглядел просто великолепно и, казалось, совсем не постарел с момента нашей последней встречи.

— Вы отлично выглядите, Пуаро, — сказал я. — Время над вами не властно. Более того, я бы сказал, что у вас сейчас меньше седых волос, чем было раньше, если б такое было вообще возможно.

— А почему вы считаете это невозможным? — широко улыбнулся мне сыщик. — Вы абсолютно правы.

— Уж не хотите ли вы сказать, что ваши волосы из седых становятся черными, вместо того чтобы было наоборот?

— Именно так.

— Но ведь это невозможно с точки зрения науки.

— Как видите — возможно.

— Невероятно. Но в таком случае это противоречит законам природы.

— Как всегда, Гастингс, вы полагаетесь на выводы, которые делает ваш изумительный, но совсем не любознательный мозг. Годы вас совсем не изменили. Вы воспринимаете факт и даете ему свое объяснение практически мгновенно, даже не замечая этого!

Я уставился на него, слегка озадаченный.

Не сказав больше ни слова, маленький бельгиец направился в свою спальню и появился оттуда с бутылочкой в руках, которую и вручил мне.

Я взял ее, не догадываясь, что это такое.

На ней было написано: «РЕВИВИТТ, средство, которое возвращает вашим волосам их естественный цвет. РЕВИВИТТ — это НЕ краска. Поставляется в пяти цветах — пепельном, каштановом, темно-рыжем, коричневом и черном».

— Пуаро, — воскликнул я, — вы красите волосы!

— Ну, наконец-то вы поняли!

— Так вот почему ваши волосы выглядят сейчас темнее, чем в последний раз, когда мы с вами

встречались?

— Совершенно правильно.

— Боже мой, — произнес я, приходя в себя от шока. — Боюсь, что в следующий раз, когда я опять приеду в Англию, вы будете носить накладные усы. Или вы уже это делаете?

Пуаро содрогнулся — усы всегда были его самым деликатным местом. Он всегда ими невероятно гордился, и мои слова задели его за живое.

— Нет, нет и еще раз нет, *mon ami*[2]. Надеюсь, что этот день никогда не настанет. Накладные усы! *Quelle horreur!*[3]

Он несколько раз потянул себя за усы, чтобы убедить меня, что они настоящие.

— Что ж, пока они выглядят просто роскошно, — заметил я.

– *N'est-ce pas?*[4] Во всем Лондоне вы не найдете второй пары, которая могла бы с ними сравниться.

И тоже не без стороннего вмешательства, подумал я про себя. Но я бы ни за что на свете не

---

[2] Сноски: 2
Мой друг *(фр.)*.

[3] Сноски: 3
Какой кошмар! *(фр.)*

[4] Сноски: 4
Не так ли? *(фр.)*

решился обидеть Пуаро подобным высказыванием.

Вместо этого я поинтересовался, продолжает ли он изредка заниматься своим любимым делом.

— Я знаю, — пояснил я, — что несколько лет назад вы ушли на заслуженный покой.

— *C'est vrai*[5]. Чтобы выращивать кабачки на огороде. Но как только я погружаюсь в это занятие, немедленно происходит убийство, и мне приходится посылать кабачки прямой дорогой к дьяволу[6]. Я знаю, что сейчас вы скажете мне, что я похож на ту примадонну, которая дает прощальный концерт. И этот прощальный концерт повторяется неопределенное количество раз!

Я рассмеялся.

— По правде говоря, именно так все и происходит. Каждый раз я говорю: все, это конец. Но нет, появляется еще что-то! Должен признаться, мой дорогой, что я совсем не вижу себя ушедшим на покой. Ведь если маленькие серые клеточки постоянно не тренировать, то они приходят в негодность.

---

[5] Сноски: 5

Действительно *(фр.)*.

[6] Сноски: 6

Об этом рассказывается в романе А. Кристи «Убийство Роджера Экройда».

— Понятно, — согласился я. — Поэтому-то вы их и тренируете потихоньку.

— Именно так. Только сейчас я имею возможность выбирать. Сейчас Пуаро занимается только сливками совершенных преступлений.

— И много таких сливок было за последнее время?

– *Pas mai*[7]. Правда, совсем недавно я оказался на самом краю…

— Поражения?

— Нет, нет, — Пуаро был явно шокирован. — Но я, Эркюль Пуаро, был почти уничтожен.

Я присвистнул.

— Должно быть, какое-то хорошо продуманное убийство!

— Не столько хорошо продуманное, сколько небрежное, — пояснил сыщик. — Именно так — небрежное. Но давайте не будем об этом. Знаете, Гастингс, ведь я во многом считаю вас своим добрым талисманом…

— Правда? — удивился я. — Это каким же образом?

Но Пуаро не стал прямо отвечать на поставленный вопрос. Вместо этого он продолжил:

---

[7] Сноски: 7
Не очень *(фр.)*.

— Как только я узнал, что вы собираетесь появиться, я сказал себе: что-то обязательно случится. И, как в старые добрые времена, мы с вами выйдем на охоту. Вдвоем. Но это не должно быть каким-то проходным преступлением. Это должно быть чем-то особенным. — Здесь он в волнении взмахнул руками. — Чем-то *recherché*[8], утонченным, необыкновенным… — Последние слова он произнес с особым нажимом.

— Право слово, Пуаро, — заметил я, — послушаешь вас и подумаешь, что вы заказываете обед в «Ритце».

— А вы хотите сказать, что преступление заказать невозможно? Что ж, наверное, вы правы. — Маленький бельгиец вздохнул. — Но я верю в счастливую судьбу, если хотите. А вам судьбою предназначено быть рядом и не позволять мне совершать непростительные ошибки.

— А что вы называете непростительными ошибками?

— Игнорирование очевидного.

Я задумался, но так и не понял, что он хотел этим сказать.

— И что же, — улыбнулся я, — это сверхпре-

---

[8] Сноски: 8
Изысканный *(фр.)*.

ступление уже совершено?

– *Pas encore*[9]. Пока ничего не слышно.

Сыщик замолчал. На его лице появилось выражение растерянности. Руки Пуаро бессознательно положили на место несколько предметов, которые я успел сдвинуть на его столе.

— То есть я не уверен, — медленно произнес он.

Что-то в его тоне было столь необычным, что я удивленно посмотрел на него.

Выражение лица моего друга не изменилось.

Внезапно, приняв наконец какое-то решение, он решительно кивнул и пересек комнату, чтобы подойти к бюро, которое стояло около окна. Не стоит говорить о том, что его содержимое было самым тщательным образом разложено по полочкам, так, чтобы Пуаро мог мгновенно найти нужную ему бумагу.

Сыщик медленно вернулся ко мне, держа в руках распечатанное письмо. Еще раз прочитав его про себя, он протянул письмо мне.

— Скажите мне, *mon ami*, — задумчиво произнес он, — что вы обо всем этом думаете?

Несколько заинтригованный, я взял письмо

---

[9] Сноски: 9
Пока нет *(фр.)*.

из его рук.

Оно было напечатано на машинке на плотной белой бумаге для записок:

Господин Эркюль Пуаро!

Наверное, вам кажется, что вы с успехом решаете те загадки, которые оказываются слишком сложными для наших тупоголовых британских полицейских? Посмотрим, господин Умница Пуаро, насколько вы умны в действительности. Может быть, этот орешек окажется для вас слишком твердым. Обратите внимание на Андовер[10] *21-го числа сего месяца.*

Искренне и так далее,

А. В.С.

Я посмотрел на конверт. Адрес тоже был напечатан на машинке.

— Отправлено из западной части центра Лондона, — заметил Пуаро, увидев, что я рассматриваю почтовый штамп. — И что же вы об этом думаете?

---

[10] Сноски: 10

Название населенного пункта и фамилия жертвы в английском языке начинаются с буквы А (эй) — первой буквы английского алфавита.

Возвращая письмо, я пожал плечами.

— Мне кажется, что это какой-то сумасшедший.

— И больше вы ничего не можете добавить?

— А что, вам автор не кажется сумасшедшим?

— Увы, мой друг. Кажется.

Маленький бельгиец произнес это таким серьезным тоном, что я с любопытством посмотрел на него.

— Вижу, что вы воспринимаете это всерьез.

— Сумасшедших, *mon ami*, всегда надо воспринимать всерьез. Они бывают очень опасны.

— Ну что же, это действительно так… Я просто не подумал… Я хотел сказать нечто другое — все это выглядит какой-то совершенно идиотской мистификацией. Похоже на жизнелюбивого идиота, который слегка перебрал.

– *Comment?*[11] Перебрал? Перебрал чего?

— Да ничего. Просто есть такое выражение. Я имею в виду, что этот парень здорово принял на грудь. То есть опять не так… этот парень выпил лишку.

– *Merci*, Гастингс. Выражение «принять на грудь» мне знакомо. Вполне возможно, что все

---

[11] Сноски: 11
Как? *(фр.)*

было именно так, как вы говорите…

— Но вы так не думаете? — спросил я, пораженный неудовлетворенностью, которая сквозила в его тоне.

Пуаро в сомнении покачал головой, но ничего не ответил.

— И что же вы предприняли? — поинтересовался я.

— А что я мог предпринять? Показал письмо Джеппу. Его мнение совпало с вашим. Он даже употребил выражение «глупая мистификация». В Скотленд-Ярде они получают такие письма пачками. Да и мне тоже приходилось их получать.

— И все-таки вы относитесь к этому письму серьезно?

— В этом письме, Гастингс, — медленно произнес сыщик, — есть нечто, что мне не нравится…

— Что вы имеете в виду? — Я был невольно впечатлен тем, как он это произнес.

Маленький бельгиец покачал головой и, взяв письмо в руки, убрал его в ящик стола.

— Если вы считаете, что все так серьезно, то не кажется ли вам, что что-то надо предпринять? — спросил я.

— Узнаю человека действия! Но что здесь можно предпринять? Местная полиция тоже видела

это письмо, но не восприняла его всерьез. На нем нет отпечатков пальцев. Нет никаких улик, которые указывали бы на вероятного автора.

— Вы хотите сказать, что все это только ваши предчувствия?

— Не предчувствия, Гастингс. «Предчувствия» — это плохое слово. Мои знания и опыт подсказывают мне, что в этом письме таится опасность.

Пуаро жестами подчеркнул последние слова, а потом еще раз покачал головой.

— Вполне возможно, что я сильно преувеличиваю. В любом случае единственное, что нам остается, — ждать.

— Ну что же, двадцать первое число — это пятница. Если в этот день в Андовере произойдет неожиданно громкое ограбление, тогда…

— Это было бы прекрасно!

— Прекрасно? — Я уставился на сыщика. Слово, которое он использовал, показалось мне совсем неуместным. — Ограбление может быть сенсационным, но никак не прекрасным!

Пуаро энергично потряс головой.

— Вы делаете ошибку, мой друг. Вы не понимаете, о чем я говорю. Ограбление будет для меня большим облегчением, так как тогда мне не при-

дется бояться чего-то другого.

— Чего же именно.

— Убийства, — произнес Эркюль Пуаро.

Глава II
(написано не от имени капитана Гастингса)

Мистер Александр Бонапарт Каст[12] встал со своего места и близоруко оглядел убогую спальню. Его спину ломило от долгого пребывания в полусогнутом положении, и когда он распрямил ее, сторонний наблюдатель мог бы заметить, что Каст был довольно высоким мужчиной. Это его сутулость и близорукость производили такое обманчивое впечатление.

Подойдя к сильно поношенному пальто, висевшему на двери, он достал из его кармана пачку дешевых сигарет и спички. Прикурив, мужчина вернулся к столу, за которым сидел. Взял расписание поездов и еще раз внимательно просмотрел его, а потом вернулся к списку людей, напечатанному на машинке на листе бумаги. И ручкой поставил галочку рядом с одним из первых имен в списке.

---

[12] Сноски: 12

Имена и фамилия этого действующего лица в английском языке начинаются с букв A (эй), B (би) и C (си). Таким образом, его английские инициалы A. B.C.

Шел четверг, 20 июня.

Глава III
Андовер

Должен признаться, что на меня большое впечатление произвели дурные предчувствия Пуаро относительно полученного анонимного письма, но, признаюсь, это письмо совершенно вылетело у меня из головы. Поэтому, когда наконец наступило 21 июня, первым, кто мне о нем напомнил, оказался старший инспектор Джепп из Скотленд-Ярда, который зашел к моему другу. Мы знали этого полицейского, работавшего в отделе криминальных расследований, уже много лет, и он сердечно поприветствовал меня.

— Дьявол меня забери, — воскликнул Джепп, — если это не капитан Гастингс собственной персоной, вернувшийся из диких просторов черт знает чего! Совсем как в старые добрые времена — вы и мусье Пуаро снова вместе… А вы неплохо выглядите, капитан. Правда, волосы на макушке слегка поредели, правда? Да, от этого никуда не денешься. У меня все то же самое.

Я слегка нахмурился. Дело в том, что я был абсолютно уверен, что благодаря тщательному

расчесыванию волос на макушке я успешно скрываю их поредение, о котором говорил Джепп. Однако инспектор никогда не был для меня эталоном тактичности, поэтому я просто сделал вид, что пропустил его замечание мимо ушей и согласился, что, к сожалению, мы не становимся моложе.

— Кроме мусье Пуаро, — заметил Джепп. — Он прекрасная реклама тоника для волос, правда? Волосы на лице растут лучше, чем когда-либо. Да и сам на старости лет все чаще оказывается на виду. Участвует во всех мало-мальски известных расследованиях. Загадочные происшествия в поездах, самолетах, убийства в высшем обществе — мусье Пуаро у нас везде… Никогда не пользовался такой известностью до того момента, пока не ушел на покой.

— Я уже сказал Гастингсу, что похож на примадонну, которая всегда готова дать еще один «прощальный» концерт, — улыбнулся Пуаро.

— Не удивлюсь, если вашим последним делом будет расследование обстоятельств собственной смерти, — от души рассмеялся Джепп. — А что, черт возьми, неплохая идея… Стоит записать!

— А вот это уже вопрос к Гастингсу, — сказал маленький бельгиец, подмигнув мне.

— Ха-ха-ха! Вот будет шутка так шутка! — хохотал инспектор.

Я так и не понял, почему эта идея показалась ему столь увлекательной; со своей стороны я посчитал, что эта шутка — элементарное дурновкусие. Старина Пуаро действительно стареет, поэтому подобные шутки вряд ли могли доставить ему удовольствие.

Наверное, мое мнение было написано у меня на лице, потому что Джепп поспешил сменить предмет разговора.

— А вы слышали об анонимном письме, которое получил мусье Пуаро? — поинтересовался он.

— Позавчера я показал его Гастингсу, — заметил мой друг.

— Ну конечно! — воскликнул я. — Но оно совершенно вылетело у меня из головы. Дайте-ка вспомнить, о каком числе там шла речь?

— О двадцать первом, — сказал инспектор. — Именно поэтому я к вам сегодня и заглянул. Двадцать первое было вчера, и из чистого любопытства я вчера вечером позвонил в Андовер. Письмо действительно оказалось мистификацией. Там ничего не произошло. Окно, разбитое ребятишками, да парочка пьяниц и хулиганов. Поэтому на этот раз наш бельгийский друг ока-

зался на ложном пути.

— Должен сказать, что меня это очень успокоило, — признался Пуаро.

— А вы ведь здорово озаботились этим письмом, правда? — эмоционально произнес Джепп. — Ерунда, мы каждый день получаем сотни подобных писем! Обычно их пишут люди, которым нечего делать и у которых слегка поехала крыша. Они не имеют в виду ничего плохого! Для них это своего рода развлечение.

— Наверное, с моей стороны было глупо воспринимать все так серьезно, — сказал маленький бельгиец. — Я попал пальцем в осиное гнездо[13].

— Ну, тут вы тоже слегка запутались, — заметил инспектор.

– *Pardon?*

— В двух поговорках… Ну да ладно, мне уже пора. Дела. Должен проследить на соседней улице, как будут изымать украденные драгоценности. Просто подумал, что заскочу на минутку и успокою вас. Жаль заставлять эти маленькие серые клетки работать впустую…

С этими словами и громким смехом старший инспектор ретировался.

---

[13] Сноски: 13

Пуаро путает две поговорки: «попасть пальцем в небо» и «разворошить осиное гнездо».

— Старина Джепп не сильно изменился, а? — спросил Пуаро.

— Он выглядит сильно постаревшим, — ответил я. И мстительно добавил: — Поседел, как барсук.

Пуаро покашлял и сказал:

— Знаете, Гастингс, есть такая маленькая штучка… мой парикмахер — большой искусник… которая крепится у вас на макушке и на которую потом зачесываются волосы. Вы не подумайте, это не парик, но…

— Пуаро! — взревел я. — Запомните раз и навсегда, что я никогда не буду иметь дело с дьявольскими приспособлениями вашего мошенника-парикмахера. Что вам не нравится в моей макушке?

— Что вы, мне все, все нравится.

— Я ведь не лысею?

— Нет, нет! Ну конечно, нет!

— Жаркое летнее солнце там, где мы живем, заставляет волосы немного выпадать. Когда буду возвращаться, захвачу с собой хороший тоник для волос.

– *Précisément*[14].

---

[14] Сноски: 14
Точно *(фр.)*.

— В любом случае, какое до этого дело Джеппу? Он всегда был чертовски нахален. И у него совсем нет чувства юмора. Он относится к категории людей, которые смеются, когда из-под садящегося человека убирают стул.

— Многие люди в этом случае рассмеются.

— Это совершенно бесчувственно.

— С точки зрения того, кто садится, — здесь вы правы.

— Ладно, — сказал я, постепенно успокаиваясь. (Должен признаться, что я очень трепетно отношусь к выпадению волос на своей макушке.) — Мне жаль, что это анонимное письмо ни к чему нас не привело.

— Да, в отношении его я здорово ошибся. Но мне показалось, что от этого письма пахло какой-то приманкой. А оказалось, что это обыкновенная глупость. Увы, я становлюсь старым и подозрительным, как та слепая собака, которая рычит без всякой причины…

— Если вы хотите, чтобы я поработал с вами в паре, то нам надо срочно разыскать новые «преступные» сливки, — заметил я со смехом.

— А помните наш позавчерашний разговор? Если бы вы могли заказать преступление так, как заказываете обед в ресторане, то что бы вы

заказали?

— Дайте подумать… — Я заразился его идеей. — Давайте взглянем на меню. Ограбление?.. Мошенничество?.. Нет, не то. Слишком по-вегетариански. Это должно быть убийство — кровавое убийство со всякими приправами.

— Ну конечно. *Hors d'oeuvres*[15].

— Кто же будет жертвой? Мужчина или женщина? Думаю, мужчина. Какая-нибудь шишка. Американский миллионер, или премьер-министр, или владелец газеты. Место убийства — а чем не подходит старая добрая библиотека? Мне кажется, что с точки зрения атмосферы она идеальна. Что же касается оружия, то это должен быть какой-нибудь по-особому искривленный нож или какой-нибудь тупой предмет — каменный истукан, например…

Маленький бельгиец вздохнул.

— Ах да, конечно, — продолжил я. — Есть еще яд, но его всегда так сложно использовать… Или, например, револьверный выстрел, эхом раздавшийся в ночи… Потом должны быть одна или две хорошенькие девушки.

— С золотисто-каштановыми волосами, — про-

---

[15] Сноски: 15
Закуски *(фр.)*.

бормотал мой друг.

— Вы все шутите. Одна из девушек, естественно, должна попасть под подозрение, а кроме того, у нее с ее молодым человеком возникают какие-то трения. Ну и, конечно, должны быть другие подозреваемые: пожилая дама, очень опасная на вид, друг или соперник убитого, скромный секретарь — темная лошадка, жизнелюбивый мужчина с вульгарными манерами и идиот детектив, похожий на Джеппа. Вот, наверное, и всё.

— И это ваше представление об идеальном преступлении?

— Вижу, что вы со мной не согласны.

— Ну что ж, вы сделали совсем неплохое резюме почти всех детективных историй, которые когда-либо были написаны. — Сыщик грустно посмотрел на меня.

— Ну хорошо, — примирительно заметил я. — А что бы заказали вы?

Пуаро закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Его речь походила на мурлыканье кота.

— Очень простое преступление. Преступление без всяких витиеватостей. Тихое, домашнее, очень интимное и совсем бесстрастное.

— Как это преступление может быть интим-

ным?

— Давайте представим себе, — промурлыкал сыщик, — что четверо людей садятся, чтобы поиграть в бридж. Еще один, мужчина, оказавшийся лишним, усаживается в кресле у камина. А в конце вечера выясняется, что мужчина у камина мертв. Один из четверых игроков, пока сидел на раздаче, подошел и убил его. Трое же игроков, слишком занятые розыгрышем роббера, этого не заметили. Вот это, я понимаю, преступление! Кто, по-вашему, убийца?[16]

— Послушайте, — заметил я, — но в этом нет ничего интересного!

— Конечно, потому что здесь нет странно изогнутых ножей, шантажа или украденного изумруда, известного под именем «Око Божества». — Маленький бельгиец посмотрел на меня с осуждением. — Так же, как нет никаких следов восточных ядов. Вы слишком любите мелодрамы, Гастингс. Вы бы хотели заказать не одно убийство, а целую серию.

— Соглашусь, — признался я, — что второе убийство подчас очень оживляет повествование. Если, предположим, оно происходит в первой

---

[16] Сноски: 16

Именно этот сюжет А. Кристи немного позже использует в своем романе «Карты на столе».

главе, а потом, вплоть до предпоследней страницы, вы исследуете алиби всех присутствовавших, то это может несколько надоесть.

Зазвонил телефон, и Пуаро встал, чтобы ответить на звонок.

— Алло, — сказал он. — Я вас слушаю. Да, это говорит Эркюль Пуаро.

Несколько мгновений сыщик слушал, что ему говорили, и выражение его лица изменилось. Теперь он говорил короткими, отрывистыми фразами.

– *Mais oui…*[17] ну конечно… конечно, мы приедем… естественно… Возможно, вы и правы… Да, я привезу его… *á tout l'heure*[18].

Он положил трубку и подошел ко мне.

— Это звонил Джепп, Гастингс.

— Правда?

— Он только что вернулся в Скотленд-Ярд. Там его ждало известие из Андовера…

— Из Андовера? — взволнованно переспросил я.

— Пожилая женщина по имени Ашер, которая содержала крохотный табачный магазинчик, бы-

---

[17] Сноски: 17
Ну да *(фр.)*.

[18] Сноски: 18
В любое время *(фр.)*.

ла найдена убитой, — произнес сыщик, медленно выговаривая слова.

Я почувствовал себя обманутым. Интерес, который возник у меня при слове «Андовер», мгновенно улетучился. Я ожидал услышать что-то сногсшибательное, невероятное! Убийство же пожилой женщины — владелицы маленькой табачной лавчонки — показалось мне скучным и не заслуживающим внимания.

— Полиция Андовера считает, что сможет арестовать человека, который это совершил, — продолжил маленький бельгиец все тем же медленным и серьезным голосом.

И опять я испытал еще одно разочарование.

— Кажется, что у женщины были плохие отношения с ее мужем. Он алкоголик и вообще довольно неприятный тип. Много раз обещал убить ее. Тем не менее, — продолжил Пуаро, — в свете всего произошедшего местная полиция хочет еще раз ознакомиться с анонимным письмом, которое я получил. Я обещал, что мы с вами немедленно отправимся в Андовер.

Мое настроение слегка поднялось. В любом случае, каким бы скучным ни выглядело это преступление, это все-таки было преступление, а с моего последнего участия в расследовании

прошло уже очень много времени.

Я почти не обратил внимания на следующие слова маленького бельгийца. Их смысл я понял только значительно позже.

— Это только начало, — сказал тогда Эркюль Пуаро.

Глава IV
Миссис Ашер

В Андовере нас встретил инспектор Глен — высокий светловолосый мужчина с приятной улыбкой.

Думаю, что для точности повествования следует привести короткое резюме всего произошедшего.

Факт преступления был установлен констеблем Доувером в час утра 22 июня. Делая свой обход, он проверил дверь магазинчика и обнаружил, что она не заперта. Полицейский вошел и сначала подумал, что магазин пуст. Однако, направив свой фонарь за прилавок, он обнаружил скукоженное тело хозяйки магазина, старой миссис Ашер. Когда на место прибыл судмедэксперт, выяснилось, что женщину убили сильным ударом по затылку — возможно, в тот момент, когда она пыталась дотянуться до пачки сигарет на полке за прилавком.

Смерть наступила за семь-девять часов до обнаружения трупа.

— Однако нам удалось установить более точ-

ное время, — объяснил инспектор. — Мы нашли человека, который купил в магазине табак в семнадцать тридцать. Второй человек зашел в магазин и решил, что в нем никого нет, где-то в восемнадцать ноль пять. Так что убийство произошло в этом промежутке. Пока мне не удалось найти свидетелей, которые бы видели этого типа, Ашера, где-нибудь поблизости, однако прошло еще слишком мало времени. Известно, что в девять часов вечера он был в «Трех коронах» уже порядком набравшись. Когда мы его найдем, то задержим по подозрению в совершении убийства.

— Как я понимаю, он совсем не подарок, инспектор? — спросил Пуаро.

— Очень неприятная личность.

— С женой он вместе не жил?

— Нет. Они расстались много лет назад. Ашер немец. Когда-то он служил официантом, но потом стал пить и в конце концов потерял работу. Его жена тоже работала по найму. Последним местом была работа в качестве повара-домохозяйки у пожилой дамы, мисс Роуз. Миссис Ашер выделяла своему мужу какую-то часть своей зарплаты, чтобы тот не умер с голоду, но он, напившись, постоянно появлялся в тех местах, где она работала,

и устраивал там скандалы. Именно поэтому она пошла в услужение к мисс Роуз, которая жила в Гранже. Это в трех милях от Андовера, довольно далеко от человеческого жилья. Мужу не так легко было до нее добраться. Когда мисс Роуз умерла, то выяснилось, что она оставила миссис Ашер небольшое наследство, на которое женщина и начала свой маленький бизнес — магазин по продаже сигарет и газет. Бизнес был совсем крохотный, и женщина еле-еле сводила концы с концами. Ашер появлялся здесь регулярно и всячески оскорблял ее, поэтому она давала ему какую-то мелочь, чтобы от него избавиться. Это помимо еженедельного довольствия в пятнадцать шиллингов.

— У них были дети? — поинтересовался Пуаро.

— Нет. Есть племянница, которая трудится недалеко от Овертона. Исключительно порядочная и достойная молодая особа.

— И вы говорите, что этот человек, Ашер, часто угрожал своей жене?

— Именно так. Он бывал совершенно невыносим, когда напьется, и часто клялся, что оторвет ей голову. Жизнь у этой миссис Ашер была совсем не легкая.

— А сколько ей было лет?

— Около шестидесяти. Женщина она была работящая, и все ее уважали.

— И вы считаете, инспектор, что именно Ашер совершил это преступление? — мрачным голосом поинтересовался мой друг.

— Сейчас еще рано утверждать это наверняка, мистер Пуаро. — Инспектор осторожно кашлянул. — Однако я хотел бы услышать от самого Ашера, как он провел вчерашний вечер. Если он сможет дать разумные объяснения своим действиям, то хорошо; если же нет, то…

Он со значением замолчал.

— В магазине ничего не пропало?

— Ничего. До денег в кассе никто не дотрагивался. Никаких признаков ограбления.

— Вы полагаете, что этот Ашер, пьяный, появился в магазине своей жены, стал ее оскорблять и в конце концов убил ее?

— Это выглядит самым вероятным объяснением происшедшего. Но должен признаться, сэр, что мне хотелось бы еще раз взглянуть на то анонимное письмо, которое вы получили. Я все думаю, мог ли его написать этот Ашер?

Пуаро протянул письмо, и инспектор, нахмурившись, прочитал его.

— На Ашера это совсем не похоже, — произнес

наконец инспектор. — Сомневаюсь, чтобы он стал использовать термин «наша» в отношении британской полиции, если только он не хотел, чтобы это письмо было слишком хитроумным. Сомневаюсь, чтобы на это у него хватило мозгов. А потом, этот человек настоящая ходячая катастрофа — его руки слишком трясутся, чтобы он мог так аккуратно напечатать все буквы. Да и бумага достаточно высокого качества. Странно, что в письме упоминается двадцать первое июня. Хотя это может быть и простым совпадением.

— Да. Такое тоже возможно.

— Но лично мне такие совпадения не нравятся, мистер Пуаро. Слишком уж подготовленным заранее выглядит здесь все.

Наморщив лоб, инспектор помолчал несколько минут.

— А. В.С. Кто, черт побери, может быть этим А. В.С.? Посмотрим, сможет ли нам помочь Мэри Дроуэр… это племянница? Странно все это. Если б не это письмо, то я готов был бы биться об заклад, что убийца — Франц Ашер.

— А вы знаете что-нибудь о прошлом миссис Ашер?

— Она из Хэмпшира. Молоденькой девушкой попала в услужение в один из лондонских домов,

где и встретила Ашера, за которого потом вышла замуж. Думаю, что во время войны им пришлось несладко. В двадцать втором году она его бросила. В то время они еще жили в Лондоне. Сюда она приехала, чтобы окончательно избавиться от мужа, но он пронюхал о месте ее жительства и приперся сюда вслед за ней, постоянно требуя от нее денег… Что вы хотите, Бриггс? — спросил он у вошедшего констебля.

— Этот Ашер, сэр. Мы привели его.

— Отлично. Введите. И где же вы его отыскали?

— Прятался в старом грузовике, недалеко от станции.

— Ах, так он прятался?.. Хорошо. Пусть войдет.

Франц Ашер действительно оказался жалким и зачуханным существом. Он попеременно то рыдал, то фанфаронил, то пресмыкался, то хорохорился. Его мутные глазки бегали по сторонам.

— Чего вам от меня надо? Я ничего такого не сделал. Просто стыд и позор, что вы меня сюда притащили. Вы свиньи, да как вы смеете! — Внезапно его поведение резко изменилось. — Нет, нет. Я же знаю, что зря вы бедного старика не обидите, что вы не будете с ним слишком жестоки. Все так жестоко относятся к старине Францу… К

бедняге Францу…

И мистер Ашер разрыдался.

— Хватит, Ашер, — сказал инспектор, — возьмите себя в руки. Пока я вас ни в чем не обвиняю. И вы не обязаны ничего мне говорить, если только сами ничего не хотите рассказать. С другой стороны, если вы никак не замешаны в убийстве вашей жены…

Ашер прервал его, перейдя на визг:

— Я ее не убивал! Не убивал! Это все поклеп! Вы все, чертовы английские свиньи, все против меня. Я никогда, никогда ее не убивал.

— Но очень часто грозились, Ашер.

— Нет, нет. Вы ничего не понимаете. Это у нас такая шутка была. У Алисы и меня. И она все правильно понимала.

— Ничего себе шуточки! Не могли бы вы рассказать нам, как провели вчерашний вечер?

— Конечно. Конечно, я вам все расскажу. Я даже не приближался к Алисе. Я был с друзьями, с моими хорошими друзьями. Сначала мы были в «Семи звездах», а потом в «Красной собаке».

Он очень торопился, и некоторые его слова было трудно понять.

— Со мною были Дик Уиллоуш, и старина Керди, и Джордж, и Платт — целая куча ребят.

Говорю же вам, что я и не приближался к Алисе. *Ach Gott*[19], я говорю вам правду.

Он опять перешел на визг. Инспектор кивнул своим подчиненным:

— Уведите его. Он задержан по подозрению в убийстве.

— Просто не знаю, что и подумать, — сказал инспектор, когда этого неприятного трясущегося старика с приоткрытой дрожащей челюстью наконец увели. — Если б не это письмо, голову дал бы на отсечение, что это его рук дело.

— А что это за люди, о которых он говорил?

— Настоящие отбросы. Ни один не остановится перед лжесвидетельством. Я не сомневаюсь, что большую часть времени он провел именно с ними. Многое зависит от того, видел ли его кто-нибудь рядом с магазином в период между половиной шестого и шестью часами.

— А вы уверены, что из магазина ничего не пропало? — Пуаро в задумчивости покачал головой.

— Это как посмотреть, — пожал плечами инспектор. — Может быть, и пропала пачка-другая сигарет. Но за такое не убивают.

— И ничего, как бы это сказать, ничего нового

---

[19] Сноски: 19
О Боже *(нем.)*.

в магазине не появилось? Ничего странного или необычного?

— Там был железнодорожный справочник, — ответил инспектор.

— Железнодорожный справочник?

— Да. Он был раскрыт и лежал вверх обложкой на прилавке. Выглядело это так, как будто кто-то из покупателей изучал расписание поездов из Андовера. То есть или сама женщина, или один из ее покупателей.

— А она продавала что-нибудь подобное?

Инспектор отрицательно покачал головой.

— Она продавала дешевые листовки, ценой в пенни. А это был большой справочник. Такой можно увидеть только у «Смита»[20] или на большой станции.

Глаза Пуаро заблестели. Он даже наклонился вперед.

— Вы говорите, железнодорожный справочник… Это было расписание или алфавитный указатель?

В глазах инспектора тоже появились огоньки.

— Боже мой, — сказал он. — Это был алфавитный указатель. А. В.С.

---

[20] Сноски: 20

Ведущая розничная сеть в Великобритании, торгующая в частности и книгами.

Глава V
Мэри Дроуэр

Думаю, что интерес к этому делу возник у меня тогда, когда впервые были упомянуты алфавит и алфавитный справочник. До этого момента энтузиазма у меня было немного. Это подлое убийство пожилой женщины в магазине на заброшенной улице так походило на те убийства, которые обычно описываются в газетах под рубрикой «Криминальная хроника», что я совсем не придал ему значения. Для себя я отнес анонимное письмо с числом 21 июня, указанным в нем, к простым совпадениям, которые иногда случаются в жизни.

Я был почти уверен, что миссис Ашер пала жертвой своего мужа-алкоголика. Но вот упоминание железнодорожного справочника (широко известного под названием А. В.С., в котором все станции железной дороги приводились в алфавитном порядке) вызвало у меня некоторое оживление. Ведь не может же это быть еще одним совпадением?

Мерзкое убийство представало в новом свете.

Кто же был этот таинственный незнакомец, убивший миссис Ашер и оставивший алфавитный железнодорожный справочник на месте преступления?

Первый визит, после того как мы вышли из полицейского участка, мы нанесли в морг, чтобы воочию увидеть тело жертвы. Я ощутил какое-то странное чувство, когда смотрел на морщинистое старое лицо с жидкими седыми волосами, тщательно убранными с висков. Оно было таким мирным, таким далеким от любого насилия…

— Так и не поняла, кто или что ударило ее, — заметил сержант. — По крайней мере, так говорит доктор Керр. И мне бы хотелось, чтобы так все и было. Бедняжка была достойной женщиной.

— Когда-то она была настоящей красавицей, — задумчиво сказал Пуаро.

— Вы так думаете? — недоверчиво переспросил я.

— Ну конечно. Посмотрите на эту линию скул, подбородка, на форму головы…

Маленький бельгиец вздохнул, накрыл труп простыней, и мы вышли из морга.

После этого мы быстро пообщались с судмедэкспертом.

Доктор Керр был пожилым джентльменом,

имевшим очень компетентный вид. Говорил он кратко, но уверенно.

— Оружия убийства так и не нашли, — рассказал он. — Поэтому невозможно точно сказать, что это было. Тяжелая палка, дубинка, мешок, набитый песком, или любая другая из подобных вещей вполне могут подойти.

— И сколько силы нужно для того, чтобы нанести подобный удар?

Доктор бросил на Пуаро проницательный взгляд.

— Думаю, вас интересует, мог ли такой удар нанести трясущийся семидесятилетний старик? Конечно, это вполне возможно, если оружие будет иметь соответствующий вес. В этом случае необязательно быть силачом, чтобы достичь желаемого результата.

— То есть такой удар мог нанести как мужчина, так и женщина?

Казалось, что это замечание сыщика сбило доктора с толку.

— Женщина, вы говорите? Знаете, должен признаться, что мне в голову не пришло подумать о женщине как о возможном убийце… Конечно, это вполне возможно. Однако мне кажется, что с точки зрения психологии это совсем не женское

убийство.

Пуаро энергично кивнул, соглашаясь с ним.

— Отлично. Отлично. С первого взгляда это совершенно невозможно. Но нам приходится рассматривать все возможные варианты. Как лежало тело?

Судмедэксперт подробно описал, в каком положении было найдено тело жертвы. По его мнению, женщина стояла спиной к прилавку (и к убийце тоже), когда ей нанесли удар. После этого она грудой свалилась за прилавок, туда, где ее не могли увидеть посетители, случайно заглянувшие в магазин.

Мы поблагодарили доктора Керра и отправились дальше.

— Вы же понимаете, Гастингс, что у нас появился еще один аргумент в защиту Ашера. Если бы он оскорблял и угрожал своей жене, то она наверняка стояла бы лицом к нему. Вместо этого она поворачивается спиной к своему будущему убийце, пытаясь, очевидно, снять с полки табак или сигареты для него.

— Страшноватая картина, — поежился я.

Пуаро мрачно покачал головой.

– *Pauvre femme*[21], — пробормотал он и взглянул на часы. — Мне кажется, что Овертон где-то совсем недалеко. Может быть, съездим туда и переговорим с племянницей убитой?

— А разве вы сначала не посетите место преступления?

— Я хотел бы сделать это позже. На то у меня есть свои причины.

Сыщик не стал ничего объяснять, и через несколько минут мы уже ехали по лондонской дороге в сторону Овертона.

По адресу, которым нас снабдил инспектор, находился довольно большой дом, находивший на расстоянии мили по дороге в сторону Лондона.

На наш звонок дверь открыла хорошенькая темноволосая девушка с покрасневшими глазами. Было видно, что она недавно плакала.

— Мне кажется, что вы и есть та самая мисс Мэри Дроуэр, которая работает здесь горничной? — мягко спросил Пуаро.

— Вы не ошиблись, сэр. Называйте меня просто Мэри, сэр.

— Тогда, может быть, вы не откажетесь переговорить со мной, если, конечно, ваша хозяйка

---

[21] Сноски: 21
Бедная женщина *(фр.)*.

не будет возражать? Я хочу поговорить с вами о вашей тетке, миссис Ашер.

— Хозяйки нет дома, но я уверена, что она не стала бы возражать. Проходите, пожалуйста, сюда, сэр.

Девушка открыла перед нами дверь небольшой гостиной. Мы вошли, и Пуаро, расположившись в кресле около окна, поднял внимательные глаза на девушку.

— Вы, конечно, уже слышали о смерти вашей родственницы?

Девушка кивнула, и глаза ее мгновенно наполнились слезами.

— Еще утром, сэр. Сюда приезжала полиция. Боже! Это просто ужасно! Бедная тетушка! Ведь она прожила такую тяжелую жизнь. А теперь еще и это… Просто ужасно.

— Полиция не предложила вам вернуться в Андовер?

— Они сказали, что я должна присутствовать на досудебном разбирательстве, а это будет в понедельник, сэр. Но у меня там никого нет, а жить над магазином я бы точно не смогла. Ну и, кроме того, не дело, когда горничная долго отсутствует. Мне бы не хотелось доставлять моей хозяйке хлопот больше, чем это необходимо.

— Вы любили вашу тетю, Мэри? — осторожно поинтересовался Пуаро.

— Очень, сэр. Она всегда была добра ко мне, моя тетушка. Я приехала к ней в Лондон, когда мне было одиннадцать, после смерти моей матушки. А работать я начала в шестнадцать, но каждый свой выходной обычно проводила с тетушкой. У нее была масса проблем из-за этого немца. Она называла его «мой старый дьявол». Он никогда не давал ей расслабиться. Старый халявщик и вымогатель.

Теперь в голосе девушки слышалась ненависть.

— А ваша тетя никогда не подумывала о том, чтобы официально избавиться от подобных преследований?

— Понимаете, сэр, он был ее мужем, а от этого никуда не денешься.

В этих простых словах Мэри мне послышалась какая-то неизбежность.

— Скажите, Мэри, он ведь ей угрожал, не правда ли?

— Ну конечно, сэр. Он говорил такие ужасные вещи… Что он перережет ей горло и все такое прочее. И еще ругался и всячески ее поносил — и на немецком, и на английском. А тетушка все-таки

говорила, что он был очень приятным и красивым молодым человеком, когда она выходила за него замуж. Ужасно, сэр, когда подумаешь, до чего могут дойти люди…

— Да, вы правы… Итак, Мэри, зная обо всех этих угрозах, вы, я думаю, не слишком удивились, когда узнали о том, что произошло?

— Наоборот, сэр. Понимаете, сэр, мне и на секунду не приходило в голову, что он может это сделать. Мне всегда казалось, что все это простые угрозы и ничего больше. Да и тетушка его совсем не боялась. Я сама видела, как он выходил от нее, как побитая собака, поджав хвост. Это тогда, когда она бралась за него по-серьезному. Если хотите знать, сэр, то он ее боялся.

— И при этом она снабжала его деньгами?

— Но ведь вы же понимаете, сэр. Он же был ее мужем.

— Да, я это уже слышал. — Пуаро задумался на несколько минут, а потом продолжил: — Давайте представим себе, что он ее не убивал.

— Он не убивал тетушку? — Девушка с удивлением посмотрела на сыщика.

— Именно так я и сказал. Давайте представим себе, что вашу тетушку убил кто-то другой… Вы не знаете, кто бы это мог быть?

— У меня нет ни малейшего предположения, сэр. — Теперь Мэри смотрела на маленького бельгийца с еще большим удивлением. — Но ведь это маловероятно, правда?

— Ваша тетя никого не боялась?

— Тетушка не боялась людей. — Мэри в сомнении покачала головой. — У нее был острый язычок, и она всегда могла постоять за себя.

— Вы никогда не слышали, как она говорила о том, что кто-то затаил против нее обиду?

— Нет, конечно, сэр.

— Она когда-нибудь получала анонимные письма?

— Как вы сказали, сэр?

— Письма, которые не были подписаны или были подписаны отдельными буквами… А. В.С., например.

Пуаро внимательно наблюдал за выражением ее лица, но было ясно, что девушка не понимала, о чем идет речь. Она с сомнением покачала головой.

— У вашей тети были еще какие-то родственники, кроме вас?

— Нет, сэр, уже нет. Их в семье было десять человек детей, и только четверо дожили до того, чтобы стать взрослыми. Моего дядю Тома убили

на войне, мой дядя Гарри уехал в Южную Америку, и больше о нем никто ничего не слышал, а после смерти моей матушки осталась одна я.

— У вашей тети были сбережения? Какие-то деньги, отложенные на черный день?

— У нее было немного в сберегательной кассе, сэр, на похороны, как она обычно говорила. А так тетя с трудом сводила концы с концами, особенно с этим «старым дьяволом».

Пуаро задумчиво кивнул, а потом сказал, скорее себе, чем девушке:

— В настоящий момент мы блуждаем в полной темноте, и нет надежды, что что-то прояснится в ближайшее время. Если вы мне понадобитесь, Мэри, то я напишу вам на этот адрес, — добавил он, вставая.

— Дело в том, сэр, что я собралась увольняться. В деревне мне совсем не нравится. Я жила здесь только потому, что думала, что тетушке будет от этого полегче. Но сейчас, — слезы вновь показались на ее глазах, — сейчас мне незачем здесь больше оставаться, поэтому я перееду в Лондон. Там все-таки значительно веселее для молодой девушки.

— Тогда мне бы хотелось, чтобы, когда решите переезжать, вы сообщили мне ваш новый адрес.

Вот моя карточка.

Мэри с удивлением посмотрела на протянутую визитку.

— Так, значит, вы не из полиции, сэр?

— Нет. Я частный детектив.

Какое-то время девушка молча смотрела на Пуаро.

— Происходит что-то странное, сэр? — спросила она наконец.

— Да, дитя мое. Происходит нечто очень странное. И позже, возможно, вы сможете мне помочь.

— Я сделаю все, что смогу, сэр. Неправильно, что тетушку убили.

Эти слова прозвучали несколько странно, но они были очень трогательными.

Через несколько секунд мы уже ехали назад в Андовер.

Глава VI
Место преступления

Трагедия произошла в переулке, куда можно было попасть, свернув с главной улицы. Магазинчик миссис Ашер располагался где-то в середине переулка по правой стороне.

Когда мы повернули в переулок, Пуаро взглянул на часы, и я понял, почему он отложил свой визит на место преступления. Сейчас было половина шестого, и мой друг, по-видимому, решил восстановить атмосферу вчерашнего вечера с максимальной точностью.

Но если в этом была его цель, то он потерпел полную неудачу. Улица в настоящий момент очень мало походила на ту, какой она была вчера вечером. На ней находилось несколько небольших магазинчиков, втиснутых между домами представителей бедноты. Я полагаю, что обычно по этой улице проходило достаточно много людей, в основном представителей этой бедноты, а на тротуарах и самой дороге играло множество ребятишек.

В настоящий же момент на улице стояла

плотная масса людей, смотревших на один-единственный дом или магазин, причем догадаться, что именно это было, не составляло никакого труда. Мы увидели сборище обыкновенных людей, с интересом смотрящих на то место, где была убита одна из них.

Когда мы подошли ближе, то поняли, что все было именно так. Перед небольшим, но достойно выглядевшим магазином стоял молодой взъерошенный полицейский, который постоянно просил толпу «не задерживаться и проходить». С помощью еще одного коллеги ему время от времени удавалось заставить некоторых зрителей в первых рядах, ворча, заняться своими делами, однако их места мгновенно занимали другие зеваки, которые, остановившись, в упор рассматривали место, где произошло убийство.

Пуаро остановился на некотором расстоянии от центра толпы.

С того места, на котором мы стояли, надпись на дверях магазина была очень хорошо видна. Пуаро вслух произнес ее себе под нос.

— А. Ашер. *Oui, c'est peut être la*[22]. — И уже громче он добавил: — Давайте войдем внутрь,

---

[22] Сноски: 22
Да, так это и должно быть *(фр.)*.

Гастингс.

Я не стал возражать.

Мы протиснулись через толпу и оказались перед молодым констеблем. Пуаро показал ему документы, которыми снабдил нас инспектор. Полисмен кивнул и отпер дверь, чтобы дать нам пройти. Именно это мы и сделали под пристальными взглядами зевак.

Из-за того, что ставни были закрыты, внутри было почти темно. Констебль нащупал выключатель и зажег электрическую лампочку. Лампочка оказалась маломощной, поэтому обстановка продолжала тонуть в полумраке.

Я осмотрелся.

Сомнительное заведение. По нему были разбросаны несколько дешевых журналов и вчерашних газет. На всех на них лежал слой пыли. За прилавком на стене висели до самого потолка полки, заполненные пачками табака и коробками с сигаретами. На самом прилавке стояла пара банок, заполненных ментоловыми помадками и кусочками пиленого сахара. Обычный маленький магазинчик, один из тысяч таких же, разбросанных по всей стране.

Своим медленным хэмпширским говором констебль рассказывал:

— Кучей лежала прямо за прилавком, именно так, сэр. Доктор сказал, что она так и не поняла, что с нею произошло. Наверное, тянулась на одну из верхних полок, сэр.

— У нее в руках ничего не было?

— Нет, сэр, но рядом с ней лежала пачка «Плейера»[23].

Пуаро кивнул. Его внимательные глаза блуждали по комнате, все замечая и запоминая.

— А где был железнодорожный справочник?

— Вот здесь, сэр. — Констебль указал на точку на прилавке. — Он был открыт на странице Андовера и лежал обложкой вверх. Как будто кто-то смотрел поезда из Андовера в Лондон. Так что это был не наш, не из Андовера. Но, конечно, справочник ведь мог принадлежать и кому-то еще и не иметь никакого отношения к преступлению. Может быть, его здесь просто забыли, сэр.

— Отпечатки пальцев? — поинтересовался я.

— Все место сразу же осмотрели, сэр, — покачал головой полицейский. — И ничего не нашли.

— Даже на самом прилавке? — уточнил Пуаро.

— Вот там их было слишком много, сэр! Все запутаны, и многие полустерты.

---

[23] Сноски: 23

«Джон Плейер Спешиал» — марка популярных британских сигарет.

— А были там отпечатки Ашера?

— Слишком рано, чтобы о чем-то можно было говорить с уверенностью, сэр.

Пуаро кивнул и поинтересовался, жила ли миссис Ашер при магазине.

— Да, сэр. Надо пройти через вон ту дверь, сэр. Вы извините, но я с вами пройти не смогу. Должен оставаться здесь, сэр.

Пуаро открыл указанную дверь, и я прошел вслед за ним. За магазином располагалась микроскопическая прихожая, соединенная с кухонькой. Везде было очень чисто, но выглядело все безотрадно, и обстановка была очень скудной. На полке камина стояли фотографии. Я подошел, чтобы рассмотреть их, и мой друг присоединился ко мне.

Всего на камине стояло три фотографии. Одна была дешевым портретом девушки, с которой мы беседовали днем, — Мэри Дроуэр. Было очевидно, что для съемки она надела свою лучшую одежду, и у нее была та самая напряженная и деревянная улыбка, которая так часто полностью искажает лица на постановочных фотографиях. Мне всегда больше нравились моментальные снимки.

Вторая фотография была подороже — на ней было искусно размытое изображение пожилой

женщины с седыми волосами. На шее у нее красовался высокий меховой воротник.

Я подумал, что, скорее всего, это была та самая мисс Роуз, которая оставила миссис Ашер то небольшое наследство, которое позволило ей начать свое дело.

Третья фотография была очень старая, пожелтевшая и выцветшая. На ней были изображены мужчина и женщина, одетые в старомодные одежды и держащиеся за руки. В петлице у мужчины был цветок, и вся их поза говорила о давно минувшем счастье.

— Скорее всего, свадебное фото, — сказал Пуаро. — Кстати, Гастингс, разве я не говорил вам, что убитая была красавицей?

Он был абсолютно прав. Даже изуродованная старинной прической и странной одеждой, девушка на фотографии, без сомнения, была красоткой. Это было видно по ее скульптурным чертам лица и позе победительницы. Я внимательно посмотрел на вторую фигуру. В этом симпатичном молодом человеке с военной выправкой было практически невозможно узнать трясущегося старика Ашера.

Я вспомнил этого ухмыляющегося спившегося старика, изможденное, покрытое морщинами

лицо убитой женщины — и поежился от того, каким безжалостным бывает время…

Лестница из прихожей вела в две комнаты, расположенные наверху. В одной из них не было вообще никакой мебели, а вторая, по-видимому, служила для убитой спальней.

После обыска там все осталось как и было. Пара старых, изношенных одеял на кровати, стопка застиранного белья в одном ящике комода и кулинарные рецепты в другом. Роман в бумажном переплете, озаглавленный «Зеленый оазис», пара новых чулок, которые странно выглядели со своим дешевым блеском на фоне общего упадка, и парочка фарфоровых статуэток: сильно побитая овчарка из дрезденского фарфора и сине-желтая пятнистая собака. Висевшие на колышках, вбитых в дверь, черный плащ и вытянутый шерстяной свитер дополняли список земных предметов, принадлежавших убитой Алисе Ашер.

Если в комнате и находились какие-то личные документы, то их забрала полиция.

– *Pauvre femme*, — пробормотал мой друг. — Пойдемте, Гастингс. Больше нам здесь делать нечего.

Выйдя на улицу, Пуаро поколебался несколько

минут, а затем перешел на другую строну проезжей части. Почти напротив магазина миссис Ашер располагалась зеленная лавка, одна из тех, в которых большая часть товара находится на улице, а не внутри помещения.

Тихим голосом Пуаро проинструктировал меня, а потом вошел в магазин. Через пару минут я последовал за ним. Когда я вошел, он торговался из-за пучка салата. Сам я выбрал фунт свежей клубники.

Пуаро возбужденно говорил коренастой женщине, которая его обслуживала:

— Это ведь случилось прямо напротив вас, правда? Я имею в виду это убийство. Ведь это надо же! Вы, наверное, были потрясены…

Было видно, что коренастая дама уже устала говорить об убийстве, — она занималась этим, по-видимому, весь день. Поэтому в ответ только заметила:

— Было бы совсем неплохо, если бы эта безумная толпа наконец разошлась. И на что там смотреть, ума не приложу.

— Вчера вечером все должно было выглядеть по-другому, — продолжил сыщик. — Вы, может быть, даже видели, как убийца зашел в магазин: высокий, светловолосый мужчина, не правда ли?

Мне сказали, что он был русский.

— О чем это вы? — подозрительно посмотрела на него женщина. — Вы что, хотите сказать, что ее убили русские?

— Как я понимаю, полиция его уже арестовала.

— Ну, и как вам это понравится? — от волнения женщина стала многословной. — Иностранец!

– *Mais oui*. Вот я и подумал, что, может быть, вы видели его вчера вечером?

— Знаете, я не так уж много вчера заметила — это факт. Вечером мы обычно очень заняты — у нас всегда довольно много покупателей, которые возвращаются домой с работы. Высокий светловолосый мужчина с бородой… Нет, не могу сказать, что вчера я видела кого-то, кто был бы похож на это описание.

Теперь наступила моя очередь.

— Простите меня, сэр, — обратился я к Пуаро, — но мне кажется, что вас неправильно информировали. Мне сказали, что это был темноволосый мужчина невысокого роста.

После этого последовал заинтересованный обмен мнениями, в котором активное участие приняла коренастая женщина, ее высокий и худой муж и мальчишка-посыльный с хриплым голосом. Вчера здесь проходило не менее четырех

темноволосых невысоких мужчин, а хриплый мальчишка видел и одного высокого светловолосого.

— Но у него не было бороды, — с сожалением добавил он.

Наконец, заплатив за покупки, мы покинули это заведение, так якобы и оставшись каждый при своем мнении.

— Ну, и к чему был весь этот спектакль, Пуаро? — спросил я несколько раздраженно.

– *Parbleu*[24], я просто хотел понять, насколько велика вероятность того, что незнакомца, входящего в магазин, заметили бы.

— А что, просто так спросить было нельзя, вместо того чтобы городить весь этот огород из лжи?

— Нет, *mon ami.* Если б я «просто спросил», как вы это предлагаете, я не получил бы ответа ни на один из моих вопросов. Вы сами англичанин, но, к сожалению, не знаете английской реакции на прямо поставленный вопрос. Он обязательно вызовет подозрение, естественным результатом которого будет молчание. Если б я попросил этих людей дать мне какую-нибудь информацию, они сразу закрылись бы, как устричные раковины. Но

---

[24] Сноски: 24
Черт побери *(фр.).*

когда они слышат мое заявление — чем глупее и неожиданней, тем лучше — и то, как вы на него возражаете, их языки мгновенно развязываются. Вы же слышали, что это вечернее время считается «занятым», то есть все занимаются своим делом, а по тротуарам проходит достаточно большое количество людей. Наш убийца очень удачно выбрал время, Гастингс.

Он замолчал, а затем добавил с упреком:

— У вас что, совсем нет никакого здравого смысла? Я же велел вам купить *quelconque*[25], а вы намеренно выбираете клубнику! И вот она уже размокла и протекает сквозь упаковку, и угрожает вашему прекрасному костюму.

С некоторым смущением я увидел, что мой друг был прав.

Я поспешно передал клубнику вертевшемуся под ногами мальчишке, который был в высшей степени удивлен и слегка насторожен моими действиями. Пуаро добавил к моему подарку салат и таким образом положил конец последним сомнениям мальчугана.

Мой друг продолжил читать мне свою мораль.

— В дешевой зеленной лавке нельзя выбирать

---

[25] Сноски: 25
Что-нибудь *(фр.)*.

клубнику. Она, если не только что сорвана с грядки, рано или поздно изойдет соком. Я понимаю — бананы, яблоки, даже капуста; но клубника?

— Это было первое, что пришло мне в голову, — робко попытался я оправдаться.

— Это не делает чести вашему воображению, — жестко возразил Пуаро.

Он остановился на тротуаре. Дом и магазин с правой стороны от миссис Ашер были пусты. На окнах была видна надпись: «Сдается». По другую сторону располагался дом с несколько закопченными муслиновыми шторами.

Именно к этому дому Пуаро и направил свои стопы. Звонка не было, и моему другу пришлось несколько раз громко ударить дверным молотком.

Через некоторое время нам открыл невероятно грязный ребенок, из носа которого свисали сопли.

— Добрый вечер, — поздоровался сыщик. — Твоя мать дома?

— Чего? — произнесло дитя и уставилось на нас с неприязнью и глубоким подозрением.

— Твоя мать, — повторил Пуаро.

Понадобилось не менее двенадцати секунд,

чтобы до дитяти дошло, о чем его спрашивают, после чего оно повернулось, крикнуло в глубь дома: «Мам, к тебе пришли!» — и исчезло в тусклом свете прихожей.

Женщина с острыми чертами лица перегнулась через перила и стала спускаться по лестнице.

— Вы напрасно тратите свое время, — начала она, но Пуаро сразу прервал ее:

— Добрый вечер, мадам. Я сотрудник «Вечернего дятла»[26] и хотел бы уговорить вас принять от нас вознаграждение в пять фунтов за возможность поместить в газете ваш рассказ о вашей трагически ушедшей соседке, миссис Ашер.

Резкие слова застыли на губах женщины, и она спустилась вниз, поправляя прическу и разглаживая юбку.

— Пожалуйста, входите. Налево, будьте любезны. Присаживайтесь, сэр.

Крошечная комната была почти полностью заставлена мебелью в псевдоякобинском стиле, однако нам все же удалось протиснуться внутрь и устроиться на жесткой софе.

— Вы должны меня извинить, — проговорила женщина, — я сожалею, что так грубо с вами

---

[26] Сноски: 26
Название газеты выдумано Пуаро.

разговаривала, но вы себе представить не можете, сколько хлопот и неудобств доставляют эти торговцы, которые появляются у вас в доме и пытаются всучить вам и то, и другое, и третье: все эти пылесосы, чулки, лавандовые мешочки и тому подобную ерунду. А ведь при этом они так вежливо и культурно разговаривают… И имя ваше откуда-то знают, вы только подумайте. Миссис Фаулер то, миссис Фаулер это…

Мгновенно ухватившись за это имя, Пуаро сказал:

— Понимаете, миссис Фаулер, я надеюсь, что вы сделаете то, о чем я вас прошу.

— Я уверена, что знаю не так уж много. — Пятифунтовая банкнота соблазнительно раскачивалась перед ее глазами. — Конечно, я знала миссис Ашер, но вот насчет того, чтобы об этом писать…

Пуаро поспешно успокоил ее. С ее стороны не потребуется никаких усилий. Он просто выслушает факты, которые она ему сообщит, а потом сам напишет интервью.

Приободренная подобным заверением, миссис Фаулер с радостью погрузилась в пучину воспоминаний, предположений и слухов.

Эта миссис Ашер была не такая уж общительная. Таких обычно не называют приветливыми,

но, с другой стороны, жизнь-то у нее была не из легких — это все знали. И уж если говорить начистоту, то этого Франца Ашера надо было посадить еще много лет назад. Не то чтобы миссис Ашер слишком его боялась — она превращалась в настоящую фурию, когда ее задевали. И совсем была не жадная. Но муженек ее вел себя как тот кувшин, который слишком часто ходит по воду. Снова и снова она, то есть миссис Фаулер, говорила: «Рано или поздно этот человек тебя достанет». И вот так все и случилось, правда ведь? И ведь сама она, то есть миссис Фаулер, находилась в соседнем доме и не слышала ни звука.

Когда женщина на секунду замолчала, моему другу удалось задать свой вопрос:

— Получала ли когда-нибудь миссис Ашер неподписанные письма или письма, подписанные инициалами, например, А. В.С.?

К сожалению, миссис Фаулер ответила на этот вопрос отрицательно.

— Я знаю, о чем вы говорите. Это называется анонимными письмами, так ведь? Это такие письма, где обычно очень много слов, которые стыдно произносить вслух. Уверена, что если бы Франц Ашер написал бы что-нибудь подобное, то миссис Ашер мне обязательно об этом расска-

зала бы… Что вы говорите? Железнодорожный справочник? Алфавитный? Нет, ничего подобного я не видела, и если бы такой справочник прислали миссис Ашер, то она бы мне об этом рассказала. Клянусь вам, я совершенно окаменела, когда обо всем этом услышала. Моя малышка Эди пришла ко мне и сказала: «Мам, у соседних дверей очень много полиции». Она так сказала. Это совершенно выбило из колеи, точно говорю. И я сказала себе: «Ну вот, это только доказывает, что ей нельзя было оставаться в доме одной. Эта ее племянница должна была быть с ней. Ведь пьяный мужчина — он как дикий волк, именно так я и сказала. И еще я сказала: «По-моему, дикое животное — ничто по сравнению с этим старым дьяволом, ее мужем»… А я ведь ее предупреждала. Предупреждала, а теперь все это и сбылось. Я ведь говорила ей, что он ее достанет. И он таки ее достал! Никогда нельзя заранее предсказать, что сделает мужчина, если он напился, и это убийство — лишнее тому подтверждение.

Она закончила и глубоко вздохнула.

— Но мне кажется, что никто не видел, как этот Ашер входил в магазин, — заметил Пуаро.

Миссис Фаулер печально шмыгнула носом.

— Естественно, что он не выставлялся, — за-

явила она.

А как мистер Ашер мог незамеченным проникнуть в дом, она объяснять не стала, хотя и согласилась, что задней двери в доме не было, а Ашер был слишком хорошо известен всем в округе.

— Но он не хотел, чтобы его заметили, и поэтому хорошо прятался.

Мой друг продолжал беседу еще некоторое время, до тех пор, пока не убедился, что миссис Фаулер рассказала ему все, что знала, и не один, а много раз. После этого он прекратил интервью, не забыв при этом заплатить обещанный гонорар.

— Не много же вы получили за свои пять фунтов, Пуаро, — позволил я себе замечание, когда мы вышли на улицу.

— Пока — да.

— Вы что, считаете, что она знает больше, чем рассказала нам?

— Друг мой, мы находимся в особенной ситуации, когда не знаем, о чем спрашивать. Мы как дети, которые играют в жмурки в темноте. Вытягиваем руки и пытаемся что-то схватить вокруг себя. Миссис Фаулер рассказала нам все, что, по ее мнению, она знает. И к тому же высказала несколько предположений. Однако в будущем ее

показания могут оказаться полезными. Считайте, что эти пять фунтов я инвестировал в будущее.

Я не совсем понял, что он имеет в виду, но в этот момент мы столкнулись с инспектором Гленом.

Глава VII
Мистер Партридж и мистер Ридделл

Инспектор выглядел довольно мрачно. Как я понял, всю вторую половину дня он провел, пытаясь составить точный список людей, которых видели входящими в табачный магазин.

— И что, никто никого не видел? — задал вопрос Пуаро.

— Да нет, видели, конечно. Трех высоких мужчин с вороватым выражением лица, четырех невысоких мужчин с усами, двоих с бородами, трех толстяков — и все они были не местными и все, если верить свидетелям, имели очень подозрительный вид! Странно, что никто не увидел группу мужчин в масках и с револьверами в самый момент убийства.

Пуаро сочувственно улыбнулся.

— А кто-нибудь сказал о том, что видел этого Ашера?

— Нет, никто. И это еще одно доказательство его невиновности. Я только что сказал старшему констеблю, что дело надо передавать в Скотленд-

Ярд. Это совсем не местные разборки.

— Полностью с вами согласен, — серьезно произнес Пуаро.

— Знаете, месье Пуаро, все это очень и очень дурно пахнет… Мне это совсем не нравится… — сказал инспектор.

Прежде чем вернуться в Лондон, мы поговорили с двумя свидетелями.

Первым был мистер Джеймс Партридж. Он был последним человеком, который видел миссис Ашер живой. Мистер Партридж сделал покупку в ее магазине в 17.30.

Это был небольшой, скромно одетый человечек, банковский клерк по профессии. Он носил пенсне, был очень худ и неказист, но при этом очень тщательно формулировал свои высказывания.

Жил мистер Партридж в небольшом домике, таком же аккуратном и ухоженном, как и он сам.

— Мистер Пуаро, — произнес он, глядя на визитную карточку моего друга. — От инспектора Глена? Чем могу быть вам полезен?

— Если я правильно понимаю, мистер Партридж, вы были последним человеком, который видел миссис Ашер живой.

Мистер Партридж соединил перед собой кончи-

ки пальцев и посмотрел на маленького бельгийца так, как будто перед ним был не человек, а вызывающий сомнение чек.

— Это достаточно спорное заявление, мистер Пуаро, — произнес он. — Многие могли что-то купить у миссис Ашер после того, как я покинул ее магазин.

— Если это и так, то они об этом ничего не сообщили.

— Некоторые люди, мистер Пуаро, — откашлялся мистер Партридж, — не имеют никакого представления о своем гражданском долге.

И он посмотрел на нас совиными глазами сквозь стекла своего пенсне.

— Изумительно тонкое наблюдение, — пробормотал мой друг. — Как я понимаю, вы явились в участок по своей собственной инициативе?

— Разумеется. Как только услышал об этом шокирующем происшествии, я решил, что мое заявление, возможно, принесет пользу следствию, и поступил соответственно.

— Вот это позиция настоящего гражданина, — на полном серьезе заявил Пуаро. — А вы не будете столь любезны и не повторите ли мне ваши показания?

— Всенепременно. Я возвращался домой точно

в семнадцать тридцать…

— Простите, а почему вы так точно зафиксировали время?

Мистер Партридж выглядел так, как будто эта задержка расстроила его.

— Раздался звон церковных часов. Я посмотрел на свои и увидел, что они отстают на минуту. Это произошло как раз перед тем, как я вошел в магазин миссис Ашер.

— Вы что, часто совершали в нем свои покупки?

— Достаточно часто. Ведь он расположен по пути к моему дому. Раз или два в неделю я обычно покупал там пару унций легкого табака «Джон Коттон».

— А вы вообще знали миссис Ашер? Что-то об ее истории или жизни?

— Абсолютно ничего. Кроме названия предметов, которые я хотел приобрести, и замечаний о погоде, я не сказал с ней ни слова.

— А вы знали, что у нее муж-алкоголик, который постоянно грозится убить ее?

— Нет. Я о ней ничего не знал.

— Однако вы знали, как она выглядит. Что-нибудь в ее внешнем виде показалось вам не совсем обычным вчера вечером? Не выглядела ли она

взволнованной или озабоченной?

Мистер Партридж задумался.

— С моей точки зрения, она выглядела абсолютно обычно, — произнес он наконец.

Сыщик встал.

— Благодарю вас, мистер Партридж, за то, что вы согласились ответить на мои вопросы. Скажите, у вас дома, случайно, нет алфавитного железнодорожного справочника? Хотел взглянуть на расписание поездов до Лондона.

— На полке прямо за вами, — ответил мистер Партридж.

На полке в ряд выстроились алфавитный железнодорожный справочник, расписание поездов, ежегодный биржевой отчет, телефонный справочник Келли, справочник «Кто есть кто» и местный телефонный справочник.

Взяв справочник, Пуаро притворился, что изучает расписание, а потом мы с благодарностями покинули дом мистера Партриджа.

Наша следующая беседа была с мистером Альбертом Ридделлом, и проходила она по совсем другому сценарию. Мистер Альберт Ридделл был ремонтным железнодорожным рабочим, и наша беседа проходила под аккомпанемент стука посуды, которую мыла — очевидно, очень нерв-

ная — жена мистера Ридделла, ворчание собаки мистера Ридделла и неприкрытой враждебности самого мистера Ридделла.

Он был громадным, как великан, неуклюжим человеком, с широким лицом и крохотными подозрительными глазками. Когда мы пришли, мистер Ридделл занимался поглощением мясного пирога, который запивал чаем дегтярного цвета. На нас он посмотрел поверх чашки очень злыми глазами.

— Я же уже все один раз рассказал, нет? — прорычал мистер Ридделл. — Да и какое это имеет ко мне отношение? Все уже рассказал проклятой полиции, все полностью. А теперь еще должен все еще раз повторить паре каких-то проклятых иностранцев…

Пуаро бросил в мою сторону быстрый восхищенный взгляд, а потом сказал:

— По правде говоря, я вас очень понимаю, но что поделаешь? Ведь речь идет об убийстве, ни больше ни меньше, так? В таких вопросах надо быть очень, очень осторожным.

— Лучше скажи джентльмену все, чего ему нужно, Берт, — нервно вставила женщина.

— А ты заткни свой проклятый рот, — прорычал гигант.

— Как я полагаю, вы явились в полицию не по собственной воле? — аккуратно задал свой вопрос Пуаро.

— Это с какой это стати? Мое-то какое дело?

— Все зависит от точки зрения, — равнодушно заявил Пуаро. — Произошло убийство, и полиция хочет знать, кто был в магазине в то время. С моей точки зрения, было бы… как это сказать… было бы более естественным, если б вы явились сами.

— Мне надо было закончить свою работу. Я же не говорю, что не пришел бы позже.

— Но получилось так, что полиции сообщили ваше имя, как имя человека, который заходил в магазин миссис Ашер, и она сама к вам явилась. Полицейские были удовлетворены вашими показаниями?

— А почему нет? — свирепо потребовал ответа Берт Ридделл.

В ответ мой друг только пожал плечами.

— Вы это на что намекаете, мистер? Ничего ни у кого против меня нет! Все знают, кто укокошил старуху. Этот ее ё… муж.

— Но его в тот вечер там не было, а вы были.

— Вы чё, хотите это на меня повесить? Ничего у вас не выйдет. Да и какой был смысл мне это делать? Что, думаете, что я хотел стащить жестянку

ее чертового табака? Или думаете, что я маньяк-убийца, как вы таких называете в газетах?

Он угрожающе поднялся из-за стола. Его жена невнятно произнесла:

— Берт, Берт, не говори такие вещи. Берт, они подумают…

— Успокойтесь, месье, — сказал Пуаро. — Я хочу только услышать ваш собственный рассказ о происшедшем. То, что вы отказываетесь рассказать мне все, кажется мне слегка странным, мягко говоря.

— Кто сказал, что я от чего-то отказываюсь? — Мистер Ридделл опустился назад в кресло. — Спрашивайте.

— Вы вошли в магазин в шесть часов вечера?

— Точно. Или на пару минут позже. Хотел купить пачку сигарет. Я распахнул дверь…

— Значит, она была закрыта?

— Точно. Я даже было подумал, что магазин закрыт. Но нет. Я вошел внутрь, но там никого не было. Я постучал по прилавку и немного подождал. Никто не появился, и я ушел. Вот и всё. Хотите верьте, хотите нет.

— И вы не видели тело, лежавшее за прилавком?

— Нет. Да и вы тоже не увидели бы, разве что

специально бы искали.

— Там лежал железнодорожный справочник?

— Точно. Вверх обложкой. Мне еще пришло в голову, что старая леди куда-то в спешке уехала на поезде и забыла закрыть магазин.

— А вы не брали справочник в руки, не передвигали его по прилавку?

— И не думал дотрагиваться до этой ё… книги. Я сделал только то, что сказал.

— И вы не видели, чтобы кто-нибудь выходил из магазина, прежде чем вошли туда?

— Ничего я такого не видел. Не понимаю, чего вы ко мне привязались.

Пуаро встал.

— Пока к вам никто еще не привязывался. *Bon soir*[27], месье.

Челюсть у мистера Ридделла отвалилась, и я вышел вслед за своим другом.

На улице Пуаро посмотрел на часы.

— Если мы с вами поторопимся, то сможем успеть на поезд в 19.02. Давайте-ка пошевелимся.

---

[27] Сноски: 27
Доброго вечера *(фр.)*.

Глава VIII
Второе письмо

— Итак? — с нетерпением произнес я.

Мы сидели в вагоне первого класса, который был совершенно пуст. Экспресс Андовер — Лондон только что отошел от платформы в Андовере.

— Преступление, — сказал Пуаро, — было совершено рыжеволосым мужчиной среднего роста, со слегка косящим левым глазом. Он хромает на правую ногу, и у него большая родинка, чуть пониже плеча.

— Пуаро?! — воскликнул я.

На какую-то секунду я полностью поверил в сказанное, и только хитрый блеск в глазах моего друга сказал мне, что это была шутка с его стороны.

— Пуаро! — опять воскликнул я, на этот раз с некоторым осуждением.

– *Mon ami*, да что с вами происходит? Вы смотрите на меня глазами верной собаки и ждете от меня заявлений в стиле Шерлока Холмса! Если по правде, то я не имею ни малейшего понятия

ни как выглядит убийца, ни где он живет, ни как до него добраться.

— Если бы он только оставил хоть какие-нибудь следы, — тихо произнес я.

— Ну конечно, следы. Именно улики привлекают вас больше всего. К сожалению, он не курил сигареты, поэтому не оставил пепла, на который потом наступил ботинком, сношенным в очень необычной манере. Нет, такого подарка он нам не сделал. Но, мой друг, на худой конец у вас есть железнодорожный справочник. Алфавитный указатель — вот ваш след!

— Так что, вы считаете, что он оставил его не случайно?

— Конечно, нет. Он оставил его специально. Об этом говорят отпечатки пальцев.

— Но их же на нем не было.

— Именно это я и имею в виду. Каким был вчерашний вечер? Теплым, как и полагается в июне. Разве в такие вечера люди разгуливают в перчатках? Ведь это обязательно привлечет чье-то внимание. Поэтому, так как на справочнике нет никаких отпечатков, их, скорее всего, тщательно стерли. Невиновный оставляет отпечатки пальцев, преступник — никогда. Значит, убийца оставил справочник с какой-то целью, и

несмотря на то, что отпечатки отсутствуют, это все-таки след. Кто-то купил этот справочник, кто-то его принес — поэтому это дает нам некоторую надежду.

— Вы полагаете, что таким образом мы сможем что-то узнать?

— Честно говоря, Гастингс, я не очень на это рассчитываю. Этот человек, этот неизвестный нам Х, по-видимому, очень высокого мнения о своих способностях. Маловероятно, что он оставит нам след, по которому мы сможем его легко разыскать.

— То есть справочник по большому счету бесполезен.

— Я ожидаю от него не той пользы, о которой вы думаете.

— А какой же?

Помолчав, Пуаро медленно произнес:

— Я могу только ответить, что польза от него есть. Мы с вами столкнулись с никому не известной личностью. Эта личность прячется в темноте и хочет там и остаться. Но из-за самой природы происходящего он вынужден раскрывать нам какие-то свои тайны. С одной стороны, мы ничего о нем не знаем, но, с другой стороны, мы уже знаем достаточно много. Я вижу, как его фигура

медленно проявляется: это человек, который хорошо печатает на машинке, покупает дорогую бумагу и которому необходимо выразить себя. Я вижу, что, будучи ребенком, он, по-видимому, не получал достаточно внимания и заботы. Я вижу, как он рос с чувством неполноценности, смешанным с ощущением несправедливости… Я, наконец, вижу его внутреннюю потребность оказаться в фокусе внимания общества, которая постоянно усиливается. Я вижу, как обстоятельства его жизни давят на него, еще больше унижая его. Поэтому в душе у него настоящая пороховая бочка.

— Но все это чистые предположения, — возразил я. — Это ведь ничего не дает вам в практическом смысле.

— А вам больше нравятся сгоревшие спички, оставленный пепел и сношенные башмаки! Вам это всегда было ближе. Но тем не менее мы уже можем задать себе несколько конкретных вопросов. Почему алфавитный справочник? Почему миссис Ашер? Почему Андовер?

— Жизнь этой женщины кажется на первый взгляд достаточно простой, — заметил я. — Беседы с этими двумя мужчинами были совершенно бесполезны — они не смогли сообщить нам ни-

чего, чего бы мы уже не знали.

— Сказать по правде, я и не ожидал слишком многого от этих бесед. Но мы не можем отмахнуться от них, как от двух возможных кандидатов в убийцы.

— Но вы же не думаете…

— Есть очень небольшая вероятность, что убийца живет или в самом Андовере, или где-то недалеко. И это может быть ответом на наш вопрос: «Почему Андовер?» Понимаете, мы встретились с двумя мужчинами, о которых известно лишь то, что они находились в магазине в совершенно определенное время. Любой из них может быть убийцей. И пока у нас нет никаких доказательств, что это не так.

— Что касается этого здорового грубияна, Ридделла, то возможно, — согласился я.

— Ну конечно, Ридделла можно обвинить хоть сейчас. Он нервничал, бушевал и чувствовал себя явно не в своей тарелке.

— Вы же сами это видели.

— То есть вел себя прямо противоположно тому, как должен был вести себя автор письма. Мы с вами должны искать человека тщеславного и самоуверенного.

— Кого-то, кто держится достаточно заносчи-

во?

— Возможно. Но не надо забывать и о том, что иногда за скромным фасадом может скрываться бездна тщеславия и самоуверенности.

— Так вы что, думаете, что маленький мистер Партридж…

— Мне кажется, что он подходит больше. Большего я, к сожалению, не могу сказать. Но ведет он себя именно так, как должен был бы вести себя автор письма: добровольно является в полицию, громко заявляет о себе и явно наслаждается своим положением.

— И вы действительно думаете…

— Нет, Гастингс. Лично я думаю, что убийца был не из Андовера. Но мы не должны сбрасывать со счетов и такую возможность. И хотя я все время говорю «он», мы не должны исключать вероятность того, что убийцей окажется женщина.

— Вы так не думаете!

— Я соглашусь, что нападение было совершено «по-мужски». Однако анонимные письма женщины пишут гораздо чаще. И об этом тоже не стоит забывать.

Помолчав несколько минут, я спросил:

— И что же мы будем делать дальше?

— Мой всегда готовый действовать Гастингс, —

сказал Пуаро, улыбаясь мне.

— И все-таки. Что же мы будем делать?

— Ничего.

— Ничего? — Я не смог скрыть свое разочарование.

— Я что, волшебник? Или ясновидящий? Что вы хотите, чтобы я сделал?

Еще раз все обдумав, я не смог ответить на этот вопрос. Однако был глубоко уверен, что делать что-то надо и что мы не можем позволить себе выступать в роли сторонних наблюдателей.

— У нас есть алфавитный справочник, писчая бумага и конверт, — заметил я.

— Естественно, что все, что можно сделать в этом направлении, будет сделано. Для этого у полиции есть все возможности. И если эти предметы могут о чем-то рассказать, то будьте уверены — очень скоро полиция будет знать все.

Этим я был вынужден удовлетвориться.

В последовавшие за этим дни я заметил, что Пуаро всячески уклоняется от обсуждения этого случая. И если я начинал разговор о нем, то он от меня нетерпеливо отмахивался.

В какой-то момент я даже испугался от осознания того, что понимаю мотивы такого его поведения. В том, что касалось убийства миссис

Ашер, Пуаро потерпел поражение. Таинственный А. В.С. бросил ему вызов и выиграл. Мой друг, который привык к бесконечным успехам, очень трепетно относился к своим неудачам, до такой степени трепетно, что даже отказывался их обсуждать. Возможно, это была маленькая слабость великого человека, но ведь даже у самых трезвых из нас очень часто голова начинает кружиться от успехов. В случае с Пуаро это головокружение продолжалось уже многие годы. Неудивительно, что его результаты стали наконец заметны.

Поняв это, я стал с уважением относиться к слабости моего друга и больше этот случай с ним не обсуждал.

В газетах тем временем поместили отчет о досудебном разбирательстве. Он был очень коротким, и в нем ничего не говорилось об анонимном письме. Вынесенный вердикт говорил о том, что преступление было совершено неизвестным лицом или лицами. Вообще это преступление привлекло очень мало внимания со стороны прессы. Убийство пожилой женщины в небольшом переулке скоро уступило место более волнующим сюжетам.

По правде говоря, я тоже стал забывать об этом происшествии — возможно, потому, что не хо-

тел, чтобы имя Пуаро ассоциировалось у меня с неудачей. Все неожиданно изменилось 23 июля.

Я не видел моего друга уже несколько дней и уик-энд провел в Йоркшире. Вернулся я в понедельник, во второй половине дня, а письмо пришло с шестичасовой почтой. Я помню резкий и глубокий вздох Пуаро, когда он открыл этот конверт.

— Вот и начинается, — сказал сыщик.

— Что начинается? — не понял я.

— Продолжение дела А. В.С.

Какое-то время я смотрел на него, ничего не понимая. Все это действительно стерлось из моей памяти.

— Прочитайте вот это. — Пуаро протянул мне письмо.

Как и предыдущее, оно было напечатано на пишущей машинке на качественной бумаге:

Уважаемый мистер Пуаро,

как вы себя ощущаете? Мне кажется, что я выиграл первый гейм. В Андовере все прошло без сучка без задоринки, не правда ли? Но веселие только начинается. Позвольте мне обратить ваше внимание на

Бэксхилл-он-Си[28] *25 июля с. г. Мы с вами живем в очень веселые времена.*

Искренне и т. д.

А. В.С.

— Боже мой, Пуаро! — воскликнул я. — Это что, значит, что этот враг рода человеческого попытается совершить еще одно преступление?

— Естественно, Гастингс. А чего еще вы ожидали? Вы что, думали, что убийство в Андовере — это единичный случай? Вы разве не помните, как я сказал: «Это только начало»?

— Но ведь это ужасно!

— Согласен — ужасно.

— Мы столкнулись с маньяком-убийцей!

— И здесь вы правы.

Его спокойствие произвело на меня впечатления больше, чем все героические слова, вместе взятые. С дрожью я возвратил ему письмо.

Следующее утро застало нас на встрече сильных мира сего. На ней присутствовали, помимо

---

[28] Сноски: 28

Название населенного пункта и фамилия следующей жертвы начинаются в английском языке с буквы B (би) — второй буквы английского алфавита.

нас, главный констебль[29] Сассекса, помощник комиссара по криминальным расследованиям, инспектор Глен из Андовера, суперинтендант Картер из полиции Сассекса, Джепп, молодой инспектор по имени Кроум и доктор Томпсон, известный психиатр. Новое письмо было отправлено из Хэмпстеда, но, по мнению Пуаро, это было не так уж и важно.

Ситуация была обсуждена подробнейшим образом. Доктор Томпсон, приятный мужчина средних лет, несмотря на свою ученость, говорил вполне понятным языком, стараясь не усложнять свою речь техническими подробностями.

— Нет никаких сомнений, — заявил помощник комиссара, — что оба письма написаны одной и той же рукой. У них один и тот же автор.

— И с большой долей вероятности мы можем предположить, что этот человек виновен в убийстве в Андовере.

— Именно так. И у нас есть точная информация о следующем преступлении, которое должно произойти двадцать пятого июля в Бэксхилле. А это уже завтра. Что мы можем сейчас сделать?

— Картер, что вы думаете по этому поводу? —

---

[29] Сноски: 29

Должность начальника полиции города (за исключением Лондона) или графства.

Главный констебль Сассекса посмотрел на своего суперинтенданта.

— Вопрос сложный, сэр, — тот мрачно покачал головой. — У нас нет ни малейшей улики, которая указывала бы на имя следующей жертвы. Честно говоря, не представляю, что мы сейчас можем предпринять.

— Можно я выскажу предположение? — тихо проговорил маленький бельгиец.

Все повернулись к нему.

— Думаю, что фамилия следующей жертвы будет начинаться на букву В.

— Ну что же, это уже кое-что, — с сомнением произнес суперинтендант.

— Комплекс алфавита, — задумчиво сказал доктор Томпсон.

— Я только высказываю предположение, не более того. Это пришло мне в голову в тот момент, когда я увидел фамилию Ашер, написанную на двери магазина той несчастной женщины, которую убили в прошлом месяце. Когда я получил письмо, в котором упоминался Бэксхилл, то мне пришло в голову, что имя жертвы, так же как и место преступления, должно быть выбрано по алфавиту.

— Такое возможно, — согласился доктор. —

С другой стороны, вполне возможно, что имя Ашер — это просто совпадение, и жертвой вновь окажется пожилая женщина, которая держит небольшой магазинчик. Не забывайте, что мы имеем дело с маньяком. И до сих пор у нас нет и намека на его мотивы.

— А разве у маньяка могут быть мотивы, сэр? — скептически поинтересовался суперинтендант.

— Вне всякого сомнения. Дело в том, что железная логика — это один из признаков острого периода заболевания. Маньяк верит, что он избран, чтобы убивать священников, или докторов, или пожилых хозяек табачных магазинов, и за этим всегда стоит какое-то очень логичное, с его точки зрения, объяснение. Мы не должны позволить этому алфавиту отвлечь нас. Бэксхилл, следующий после Андовера, может быть простым совпадением.

— Однако мы можем принять некоторые предосторожности, Картер. И обратите, пожалуйста, особое внимание на всех владельцев небольших магазинчиков, чья фамилия начинается с буквы В. Возьмите под наблюдение все табачные и газетные киоски. Думаю, что ничего больше мы в настоящий момент сделать не можем. И, естественно, постарайтесь следить за всеми при-

езжими, насколько это возможно.

Суперинтендант издал стон.

— Это с закрывшимися-то школами и начавшимися каникулами? На этой неделе в городишко приехало очень много людей.

— Мы обязаны сделать все, что в наших силах, — резко ответил главный констебль.

Затем слово взял инспектор Глен.

— Я буду продолжать следить за всеми, кто связан с делом Ашер. За двумя свидетелями, Партриджем и Ридделлом и, конечно, за самим Ашером. Если они соберутся покинуть Андовер, то за ними проследят.

После еще нескольких предложений и бессистемного обсуждения совещание закончилось.

— Пуаро, — спросил я, когда мы шли вдоль реки, — а вы уверены, что это преступление можно предотвратить?

Мой друг повернул ко мне свое измученное лицо.

— Город, полный нормальных людей, против одного ненормального? Боюсь, что нет, Гастингс, боюсь, что нет. Вспомните историю Джека-потрошителя[30].

---

[30] Сноски: 30

Псевдоним, присвоенный так и оставшемуся неизвестным серийному убийце, который действовал в Лондоне во второй половине 1888 г.

— Это ужасно, — произнес я.

— Сумасшествие всегда ужасно, Гастингс. Боюсь… Я действительно очень боюсь…

Глава IX
Убийство в Бэксхилл-он-Си

Помню, как я проснулся утром 25 июля. Было около половины восьмого утра.

Стоя у изголовья моей кровати, Пуаро осторожно тряс меня за плечо. Одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы окончательно прийти в себя.

— Что случилось? — спросил я, быстро садясь на кровати.

Его ответ был прост, но за этими двумя словами скрывалась целая буря эмоций.

— Это случилось.

— Что? — воскликнул я. — Но ведь двадцать пятое только наступило!

— Это случилось ночью, или, скорее, ранним утром.

Пока, выбравшись из кровати, я поспешно приводил себя в порядок, мой друг вкратце рассказал мне то, что он узнал по телефону.

— На берегу в Бэксхилле было обнаружено тело молодой девушки. Ее опознали как Элизабет Барнард, официантку одного из кафе, которая

жила с родителями в недавно построенном доме. Судмедэксперт определил, что смерть наступила между половиной двенадцатого ночи и часом утра.

— И они уверены, что это именно то преступление? — спросил я, в спешке намыливая лицо.

— Дело в том, что под телом лежал алфавитный железнодорожный справочник, открытый на странице с поездами до Бэксхилла.

— Это ужасно! — воскликнул я, содрогнувшись.

– *Faites attention*[31], Гастингс, я не хочу, чтобы у меня в доме тоже появился труп!

Я осторожно вытер кровь с подбородка.

— И каковы наши дальнейшие планы? — поинтересовался я.

— Через несколько минут за нами заедет машина. Я сейчас принесу вам сюда чашку кофе, чтобы вы не теряли зря время.

Через двадцать минут мы уже сидели в полицейской машине, которая быстро выбиралась из Лондона.

В машине вместе с нами находился инспектор Кроум, тот самый, что вчера принимал участие

---

[31] Сноски: 31
Осторожно *(фр.)*.

в совещании и теперь официально возглавлял расследование.

Кроум сильно отличался от инспектора Джеппа. Он был значительно моложе того и представлял собой довольно молчаливого и заносчивого типа. Хорошо образованный и начитанный, он, по-моему, слишком много из себя воображал. Совсем недавно инспектор получил признание, умудрившись выследить преступника, убившего несколько детей; сейчас этот негодяй находился в Бродмуре[32].

Наверное, Кроум был вполне достойной кандидатурой на руководство этим расследованием, но меня смущало то, что сам он был в этом абсолютно уверен.

С Пуаро инспектор вел себя с некоторым превосходством, а если и соглашался, то так, как соглашается со старшим младший выпускник закрытой частной школы.

— Я довольно долго беседовал с доктором Томпсоном, — рассказал он. — Он профессионально интересуется «цепными», или серийными, убийствами. Считает, что они являются результатом особого извращения психики. Естественно, что,

---

[32] Сноски: 32

Тюрьма в Лондоне, в которой содержатся психически больные преступники.

как обыватели, мы не можем в полной мере насладиться всеми прелестями медицинского анализа ситуации. — Инспектор откашлялся. — Кстати, моим последним делом — не знаю, слышали ли вы о нем, — было дело Мэйбел Хоумер, девочки, которая жила на Мусвелл-Хилл. Так вот преступник, Каппер, был в своем роде выдающимся человеком. Было невероятно сложно связать его с этим убийством, а ведь оно у него было уже третьим! И выглядел он таким же нормальным, как вы или я. Но существует много тестов, всяких вербальных ловушек — очень современных, кстати; уверен, что в ваше время такого не было. И как только вам удается разговорить человека, то считайте, что он у вас в руках! Он понимает это, и его нервы не выдерживают. И он начинает делать ошибки направо и налево.

— Даже в мое время такое иногда случалось, — заметил Пуаро.

— Да неужели? — Инспектор Кроум произнес это таким тоном, как будто вел светскую беседу.

На какое-то время в машине установилась тишина. Когда мы проезжали мимо станции Нью-Кросс, полицейский предложил задавать ему вопросы по поводу преступления, на которое мы ехали.

— Полагаю, что у вас нет описания убитой девушки?

— Ей было двадцать три года от роду, и она работала официанткой в кафе «Рыжая кошка».

– *Pas ça*[33]. А была ли она хорошенькой?

— Вот чего не знаю, того не знаю, — ответил инспектор Кроум, как бы умывая руки. Весь его вид говорил: «Ох уж эти иностранцы! Всегда одно и то же!»

В глазах Пуаро вспыхнул интерес.

— Так вы не считаете это важным? Хотя *pour une femme*[34] это очень важно. Очень часто это определяет ее судьбу!

Инспектор Кроум придерживался в разговоре все той же светской манеры.

— Да неужели?

Опять установилась тишина.

И только когда мы уже проезжали мимо «Семи дубов», мой друг возобновил беседу:

— А вы, случайно, не знаете, как и чем была убита девушка?

— Задушена собственным поясом, — быстро ответил полицейский. — Как я понимаю, толстым

---

[33] Сноски: 33
Не слишком много *(фр.)*.

[34] Сноски: 34
Для женщины *(фр.)*.

вязаным поясом.

Глаза Пуаро широко раскрылись.

— Ах вот как, — произнес он. — Наконец-то у нас есть точная информация… Это уже о чем-то говорит, не правда ли?

— Я этого пояса еще не видел, — холодно ответил Кроум.

Осторожность и отсутствие воображения в этом человеке вызывали у меня раздражение.

— Это многое говорит нам о природе убийцы, — заметил я. — Задушить девушку ее же поясом! Это доказывает его особое зверство.

Мой друг бросил на меня взгляд, который я так и не смог расшифровать. Мне показалось, что он был полон притворного раздражения. Я подумал, что, может быть, Пуаро хочет предостеречь меня от слишком большой откровенности в присутствии инспектора. Поэтому я тоже погрузился в молчание.

В Бэксхилле нас встретил суперинтендант Картер. Вместе с ним был симпатичный молодой инспектор с интеллигентным лицом, по имени Келси. Последний должен был работать под руководством Кроума.

— Наверняка вы захотите сами все осмотреть, Кроум, — сказал суперинтендант. — Поэтому я

изложу вам основные факты, а подробности вы узнаете уже сами.

— Благодарю вас, сэр, — ответил инспектор.

— Мы рассказали обо всем ее матери и отцу, — начал свой рассказ суперинтендант. — Конечно, это был для них жуткий шок. Я дал им возможность побыть одним и прийти в себя, прежде чем начинать допрос, поэтому вы станете первым, кто будет с ними разговаривать.

— Есть другие члены семьи? — поинтересовался мой друг.

— Ее сестра работает машинисткой в Лондоне. Ее тоже поставили в известность. Есть еще молодой человек — в действительности вчера вечером несчастная должна была быть с ним.

— А в справочнике есть что-нибудь интересное? — спросил Кроум.

— Да вон он лежит. — Суперинтендант кивнул на стол. — Никаких отпечатков пальцев. Был открыт на странице Бэксхилла. Книга новая — должен заметить, что пользовались ею нечасто. И куплена не здесь. Придется проверить все крупные станции!

— А кто обнаружил тело, сэр?

— Да один из этих любителей свежего утреннего воздуха. Полковник Джером. Он вышел с

собакой около шести утра. Сначала пошел в сторону Кудена, а потом спустился на берег. Собака что-то унюхала и убежала. Полковник позвал ее, но она не появилась. Полковник поискал ее взглядом и понял, что что-то не так. Решил подойти поближе и посмотреть. Вел себя очень правильно — не стал ни до чего дотрагиваться, а немедленно сообщил нам.

— А умерла она в районе полуночи?

— Между полуночью и часом утра. Наш шутник-убийца держит свое слово. Если сказал двадцать пятого, то все произойдет именно двадцать пятого, хотя бы и всего через несколько минут после полуночи.

— Да, такова его природа, — кивнул Кроум. — И больше ничего? Никто не видел ничего интересного?

— Если и видел, то нам об этом не известно. Хотя сейчас еще слишком рано. Уверен, что очень скоро у нас появятся свидетели, которые видели, как девушка в белом шла вчера вечером с мужчиной по берегу. И думаю, что таких девушек окажется штук четыреста или пятьсот, так что нам еще придется попотеть.

— Ну что же, сэр. Тогда я, пожалуй, начну. Кафе, где девушка работала, и дом, где она жила.

Мне придется зайти и туда, и туда. Келси может пройти со мной.

— А месье Пуаро? — спросил суперинтендант.

— Я составлю вам компанию, — сказал мой друг Кроуму с легким поклоном.

Мне показалось, что инспектору это не очень понравилось. Келси, который никогда раньше не видел маленького бельгийца, широко улыбнулся.

Почему-то люди, которые видели моего друга в первый раз, всегда принимали его за недоразумение чистейшей воды.

— А что с этим поясом, которым ее задушили? — поинтересовался Кроум. — Пуаро считает, что это очень важная улика. Думаю, что он захочет его увидеть.

– *Du tout*[35], — быстро отреагировал сыщик. — Вы меня не так поняли.

— Он ничего вам не даст. Это не кожаный пояс, на котором могли бы остаться отпечатки пальцев. Просто толстый жгут, сплетенный из шелка и идеально подошедший в качестве орудия убийства.

Я вздрогнул.

---

[35] Сноски: 35
Отнюдь нет *(фр.)*.

— Ну что ж, — сказал Кроум. — Тогда, наверное, пошли.

И мы отправились за ним.

Первый свой визит мы нанесли в «Рыжую кошку». Расположенное на набережной кафе ничем не отличалось от обыкновенной небольшой чайной. В нем находились маленькие столики, покрытые клетчатыми оранжевыми скатертями, и очень неудобные плетеные стулья с оранжевыми же подушками. Это было заведение, которое специализировалось на утреннем кофе и пяти разных сортах чая (девонширский, фермерский, фруктовый, «Карлтон» и натуральный). Здесь же подавали небольшие, «женские», порции горячих блюд: жареные яйца, креветки и макароны с тертым сыром.

Сейчас как раз наступило время утреннего кофе. Администратор пригласила нас в очень неприглядную заднюю комнату.

— Мисс Мэррион? — поинтересовался Кроум.

Мисс Мэррион проблеяла высоким, напряженным голосом:

— Именно так меня зовут. Все это совершенно ужасно. Совершенно ужасно! Не могу даже представить себе, как это все повлияет на нашу работу.

Мисс Мэррион была очень худой сорокалетней женщиной с копной тонких оранжевых волос (она сама удивительно напоминала рыжую кошку). Женщина нервно играла разными кружавчиками и рюшами, которые были частью ее официального костюма.

— У вас не будет отбоя от посетителей, — пообещал ей инспектор Келси. — Вот увидите! Вы не будете успевать обслужить всех желающих!

— Отвратительно, — сказала мисс Мэррион. — Действительно отвратительно. Это заставляет терять веру в человечество.

Однако в глазах ее появились радостные искорки.

— Что вы можете рассказать об убитой девушке, мисс Мэррион?

— Ничего, — решительно ответила она. — Абсолютно ничего!

— А как долго она здесь работала?

— Второе лето.

— И вы были ею довольны?

— Она была хорошей официанткой, поворотливой и услужливой.

— Она была хорошенькая, да? — спросил Пуаро.

Мисс Мэррион в свою очередь посмотрела на

него взглядом «ох, уж эти иностранцы» и неопределенно ответила:

— Она была чистая, милая девушка.

— Во сколько она вчера закончила? — спросил Кроум.

— В восемь. В восемь мы закрываемся. Обеда мы не подаем. Нет спроса. Только яичницу-болтунью и чай. — (Пуаро содрогнулся.) — Люди обычно заходят до семи часов, иногда чуть позже. Но основная суета заканчивается в шесть тридцать вечера.

— Она не говорила, как собирается провести вечер?

— Конечно, нет, — ответила мисс Мэррион с нажимом. — Мы с ней были не в таких отношениях.

— За ней никто не приходил? Ее никто не вызывал?

— Нет.

— Она вела себя как обычно? Не выглядела возбужденной или подавленной?

— Я правда не могу ничего сказать, — сухо ответила мисс Мэррион.

— А сколько официанток у вас работает?

— Обычно две, но на период с двадцатого июля и до конца августа мы нанимаем еще двух.

— Элизабет Барнард была одной из них?

— Нет, мисс Барнард работала у нас на постоянной основе.

— А кто вторая?

— Мисс Хигли? Очень приятная молодая особа.

— Они дружили с мисс Барнард?

— Знаете, я не могу сказать точно.

— Тогда нам, наверное, лучше переговорить с ней самой.

— Сейчас?

— Если позволите.

— Я пришлю ее сюда. — Мисс Мэррион встала. — Только, пожалуйста, не задерживайте ее. У нас сейчас время утреннего кофе.

Похожая на рыжую кошку женщина вышла из комнаты.

— Очень культурно, — заметил инспектор Келси и передразнил жеманный голос женщины: — Знаете, я не могу сказать точно.

В комнату вошла, слегка задыхаясь, пухлая девушка. У нее были темные волосы, румяные щеки и темные глаза, которые блестели от любопытства.

— Меня прислала мисс Мэррион, — сообщила она, пытаясь отдышаться.

— Мисс Хигли?

— Это я.

— Вы знали Элизабет Барнард?

— Ну конечно, я знала Бетти. Разве же это не ужасно? Это просто слишком ужасно! Я в это не могу поверить. Я все утро девочкам говорю — я не могу в это поверить! Знаете, девочки, сказала я, это просто нереально. Бетти! Та Бетти Барнард, которая всегда здесь была. И убита! Я просто не могу в это поверить, сказала я. Я себя пять или шесть раз ущипнула, просто чтобы убедиться, что не сплю… Это… ну, вы понимаете, о чем я, это просто нереально.

— Вы хорошо знали покойную? — спросил Кроум.

— Ну, она работала здесь дольше меня. Я ведь только в этом марте пришла. А она была здесь уже с прошлого года. Она была такая спокойная, ну вы меня понимаете. Не так уж часто смеялась или шутила. То есть я не говорю, что она была совсем спокойная, в душе она была заводила, но она была спокойная, то есть я хочу сказать, что она была спокойная и не была спокойная, если вы меня понимаете.

Должен сделать инспектору Кроуму комплимент — он был невероятно терпелив. Как свидетельница, пышная мисс Хигли могла свести

с ума кого угодно. Каждое свое утверждение она повторяла полдесятка раз, а конечный результат был совершенно ничтожен.

Между нею и погибшей не было большой близости. Как можно было догадаться, Элизабет Барнард считала себя выше мисс Хигли. Она вполне дружелюбно вела себя во время работы, но в свободное время девушки почти не встречались. У Элизабет Барнард был «друг», который работал в агентстве по торговле недвижимостью, что возле вокзала. «Корт энд Брунскил». Нет, нет, это не мистер Корт и не мистер Брунскил. Он работал там клерком. Мисс Хигли не знала его имени. Но хорошо знала, как он выглядит. Симпатичный, очень симпатичный и всегда прекрасно одет. В голосе мисс Хигли слышалась плохо скрываемая зависть.

В конце концов все, что нам удалось выяснить, было следующее: Элизабет Барнард ни с кем в кафе не обсуждала свои планы на вечер, но, по мнению мисс Хигли, она собиралась встретиться со своим «другом». На ней было надето новое белое платье, «такое миленькое, с этим новомодным воротником».

Мы переговорили и с двумя другими официантками, но больше ничего не выяснили. Бетти

Барнард никому ничего не рассказывала о своих планах на вечер, более того, никто не видел ее в Бэксхилле за время вчерашнего вечера.

Глава X
Барнарды

Родители Элизабет Барнард жили в крохотном бунгало, одном из пятидесяти, построенных пронырливым застройщиком на окраине города. Бунгало носило громкое имя «Лландидно»[36].

Мистер Барнард, коренастый мужчина лет пятидесяти пяти или около того, у которого был очень озадаченный вид, заметил, как мы подходим к дому, и уже ждал нас у входа.

— Входите, джентльмены, — пригласил он нас.

Инспектор Келси сразу взял инициативу в свои руки.

— Это инспектор Кроум из Скотленд-Ярда, — представил он. — Прибыл из Лондона, чтобы помочь нам в расследовании.

— Из Скотленд-Ярда? — с надеждой переспросил мистер Барнард. — Очень хорошо. Этого негодяя убийцу надо прижать к ногтю. Бедная моя девочка…

Его лицо исказилось судорогой горя.

---

[36] Сноски: 36
Морской курорт и город в Уэльсе.

— А это мистер Эркюль Пуаро, тоже из Лондона, и э-э-э…

— Капитан Гастингс, — вставил мой друг.

— Рад познакомиться, джентльмены, — механически произнес мистер Барнард. — Проходите в наше гнездышко. Не знаю, сможет ли моя женушка поговорить с вами… Совсем разбита, вы же понимаете.

Однако, к тому моменту, как мы оказались в гостиной бунгало, там же появилась и миссис Барнард. По ее красным глазам было видно, что она только что горько плакала, а двигалась женщина неуверенной походкой человека, который только что пережил сильный шок.

— Мать, тебе не надо было… — заметил мистер Барнард. — Ты уверена, что с тобой всё в порядке, а?

Он похлопал жену по плечу и усадил в кресло, пояснив:

— Суперинтендант был очень добр. После того как все рассказал нам, он сказал, что допрос состоится только после того, как мы оправимся после первого шока.

— Это очень жестоко. Боже, как это жестоко, — проговорила миссис Барнард со слезами на глазах. — Ничего более жестокого со мной

никогда не случалось.

У нее был легкий напевный акцент, который я вначале принял за иностранный, но затем, вспомнив надпись на воротах бунгало, понял, что его источником является ее валлийское происхождение.

— Я знаю, что это очень больно, мадам, — сказал инспектор Кроум, — и поверьте, все мы сочувствуем вашему горю, но нам необходимо узнать все подробности, чтобы как можно быстрее приступить к поискам преступника.

— Понятно, это абсолютно понятно, — кивнул в знак одобрения мистер Барнард.

— Насколько я знаю, вашей дочери было двадцать три года. Она жила здесь и работала в кафе «Рыжая кошка», правильно?

— Правильно.

— Это ведь новый дом. А где вы жили раньше?

— Я занимался торговлей скобяными товарами в Кеннингтоне. Ушел на покой два года назад. Мы всегда хотели жить около моря.

— У вас две дочери?

— Именно так. Моя старшая дочь работает в Сити, в Лондоне.

— Вас не обеспокоило то, что ваша дочь вчера не пришла ночевать?

— А мы ничего не знали об этом, — сказала миссис Барнард со слезами в голосе. — Отец и я, мы рано ложимся спать. Обычно в девять вечера. Мы и не знали, что Бетти не вернулась домой, пока не появился полицейский и не сказал… сказал…

Она опять разрыдалась.

— А у вашей дочери не было привычки поздно возвращаться домой?

— Вы же знаете нынешнее поколение, инспектор, — сказал Барнард. — Все такие независимые, по-другому и не скажешь. И сейчас, когда на дворе лето, они совсем не торопятся домой по вечерам. Хотя Бетти обычно возвращалась в одиннадцать часов.

— А как она входила в дом? Вы оставляли дверь открытой?

— Мы всегда оставляли ключ под ковриком, вот.

— Ходят слухи, что ваша дочь была обручена и собиралась замуж?

— Ну, нынешнее поколение не смотрит на это с такой формальной точки зрения, — ответил Барнард.

— Его зовут Дональд Фрэйзер, и мне он очень нравился, — вмешалась миссис Барнард. — Бедняга, для него это будет ужасно. Интересно, знает

ли он уже об этом?

— Как я понимаю, он работает в «Корт энд Брунскил».

— Да, они занимаются недвижимостью.

— Он обычно встречал вашу дочь после работы?

— Не всегда. Раз или два в неделю, если быть точным.

— А вы не знаете, собиралась ли она встретиться с ним вчера?

— Она ничего не говорила. Бетти вообще не любила говорить о том, куда идет или что будет делать. Но она была хорошая девочка, наша Бетти. Боже мой, я не могу в это поверить…

Миссис Барнард вновь стала всхлипывать.

— Старушка, возьми себя в руки. Держись, мать, — уговаривал ее муж. — Так уж нам суждено — выпить эту чашу до дна…

— Я уверена, Дональд никогда, никогда… — всхлипывала женщина.

— Постарайся взять себя в руки, — повторил мистер Барнард.

Он повернулся к полицейским.

— Я бы очень хотел сообщить вам что-нибудь полезное, но правда состоит в том, что я не знаю ничего, совсем ничего из того, что могло бы вас

заинтересовать и помогло бы найти этого негодяя. Бетти была простой веселой девушкой, у которой был приличный парень, с которым она, как говорили в наше время, «гуляла». Почему кто-то вдруг захотел убить ее, не укладывается у меня в голове. В этом нет никакого смысла.

— В этом вы совсем недалеки от истины, мистер Барнард, — сказал Кроум. — А теперь я хотел бы осмотреть комнату Бетти. Вдруг там есть какие-нибудь письма или дневник…

— Конечно, если это необходимо, — сказал мистер Барнард и поднялся.

Он пошел первым, за ним Кроум, потом Пуаро, потом Келси, а я замыкал эту процессию.

На секунду я наклонился, чтобы завязать шнурок, и в этот момент увидел, как к дому подъехало такси, из которого выскочила девушка. Она расплатилась с водителем и поспешила к дому, держа в руках небольшой чемоданчик. Войдя в прихожую, девушка увидела меня и замерла на месте.

Что-то в ее позе настолько привлекло мое внимание, что я был заинтригован.

— Кто вы? — спросила она.

Я сделал несколько шагов вперед. Почувствовав неловкость, я не знал, как ей ответить. Надо

ли мне назваться? Или сказать, что я попал сюда вместе с полицией? Однако девушка не дала мне времени, чтобы что-то решить.

— Ах да, — произнесла она, — могла бы и сама догадаться.

Девушка стянула с головы белую вязаную шапочку и бросила ее на пол. Затем слегка повернулась, так, что свет стал падать прямо на нее, и я смог рассмотреть ее получше.

С первого взгляда мне показалось, что передо мною живая голландская кукла, в которые играли мои сестры, когда мы были детьми. Ее волосы были темными, и прямая челка падала ей на лоб. У нее были высокие скулы, а во всем теле присутствовала современная угловатость, которая почему-то не показалась мне непривлекательной. Она не была красавицей, скорее просто милой, но в ней чувствовалась какая-то глубина и сила, которые не позволяли пройти мимо нее в толпе.

— Вы мисс Барнард? — спросил я.

— Я Меган Барнард. А вы, полагаю, из полиции?

— Ну, — ответил я, — не совсем так.

— Я думаю, что мне нечего вам рассказать, — прервала она меня. — Моя сестра была милая

молодая девушка, не замеченная в порочащих ее связях. Так что всего вам доброго.

Произнося эту фразу, девушка коротко усмехнулась и с вызовом посмотрела на меня.

— Я ведь все правильно сказала?

— Я не репортер, если вы об этом беспокоитесь.

— Тогда кто же вы? — Меган осмотрелась кругом. — А где мама с папой?

— Ваш отец показывает полиции комнату вашей сестры. Ваша мать тоже там. Она очень расстроена.

Казалось, девушка приняла решение.

— Идите сюда, — сказала она и, распахнув дверь, вошла в помещение.

Войдя вслед за ней, я оказался на небольшой, но уютной кухоньке. Я уже хотел было закрыть за собой дверь, но почувствовал неожиданное сопротивление. В следующее мгновение в дверь проник Пуаро и закрыл ее за собой.

— Мадемуазель Барнард? — спросил он, быстро поклонившись.

— Это Эркюль Пуаро, — представил я своего друга.

Меган Барнард бросила на маленького бельгийца быстрый оценивающий взгляд.

— Я о вас слыхала, — сказала она. — Вы ведь та самая модная частная ищейка, правда?

— Характеристика не совсем точная, но сойдет и такая, — согласился Пуаро.

Девушка присела на край кухонного стола и стала шарить в сумке в поисках сигареты. Она зажала ее губами, прикурила, а затем сказала между двумя затяжками:

— Не могу понять, почему сам месье Эркюль Пуаро заинтересовался этим скромным маленьким преступлением.

— Мадемуазель, — ответил маленький бельгиец, — того, что не понимаете вы, и того, что не понимаю я, хватит, чтобы заполнить толстенный том. Но все это не имеет никакого практического значения. А то, что имеет это значение, будет не так-то просто найти.

— Что именно?

— К сожалению, смерть всегда создает пристрастные мнения, и эти пристрастные мнения всегда в пользу умершего. Я слышал, как вы только что сказали моему другу Гастингсу: «Милая молодая девушка, не имевшая порочащих ее связей». Когда вы говорили это, вы пытались издеваться над тем, что пишут газеты. И вы абсолютно правы: когда умирает молодая девушка, то

именно так обычно и пишут. Она была мила. Она была счастлива. У нее был хороший характер. Ничто в этом мире ее не беспокоило. У нее не было нежелательных знакомств. Мертвых всегда превозносят. Знаете, чего мне хочется сейчас больше всего? Я хочу найти человека, который знал бы Элизабет Барнард, но который еще не знает, что она умерла. Наверное, только в этом случае я смогу услышать что-то полезное для себя — правду.

Меган Барнард молча смотрела на сыщика, пока не докурила сигарету. Наконец она заговорила, и ее слова заставили меня подпрыгнуть на месте:

— Бетти была законченной маленькой идиоткой!

Глава XI
Меган Барнард

Как я уже сказал, слова Меган Барнард, а еще скорее тот сухой, деловой тон, которым они были произнесены, заставили меня подскочить на месте.

Пуаро же просто наклонил голову с серьезным видом.

– *À la bonne heure*[37], — произнес он. — Вы очень умны, мадемуазель.

А Меган продолжила все тем же беспристрастным тоном:

— Я всегда очень любила Бетти. Но моя любовь не мешала мне видеть, какой же дурой она была в действительности, о чем я ей при случае говорила совершенно открыто! Сестры ведь для этого и существуют.

— А она прислушивалась к вашим замечаниям?

— Скорее всего, нет, — последовал циничный ответ.

---

[37] Сноски: 37
Неплохое начало *(фр.)*.

— А если поточнее, мадемуазель?

Девушка заколебалась.

— Я вам помогу, — сказал Пуаро с легкой улыбкой. — Я ведь слышал, что вы сказали Гастингсу. Что ваша сестра была хорошей, счастливой девушкой, не имевшей порочащих ее связей. А в действительности все было *un peu*[38] наоборот? Не так ли?

— В Бетти не было ничего плохого, — медленно сказала Меган. — Я хочу, чтобы вы это поняли. Она всегда была очень прямолинейна. Никогда не заводила интрижки на воскресные дни. Совсем нет. Но она любила, когда ее выводили в свет, любила танцевать, обожала дешевую лесть и комплименты и все такое прочее.

— И она была хорошенькая, да?

На этот раз на вопрос, который, на моей памяти, Пуаро задавал уже в третий раз, он получил наконец простой и ясный ответ.

Меган соскользнула со стола, подошла к своему чемоданчику, открыла его и достала из него что-то, что она протянула Пуаро.

В кожаной рамке был портрет светловолосой улыбающейся девушки. Было видно, что ее воло-

---

[38] Сноски: 38
Немного *(фр.)*.

сы были только что завиты, — они представляли собой массу мелких колечек. Улыбка была широкая и насквозь деланая.

Это было не то лицо, которое можно было назвать красивым, но оно, без сомнения, было хорошеньким.

— Вы с ней совсем не похожи, мадемуазель, — заметил Пуаро, возвращая фотографию.

— Меня в семье всегда считали простушкой. И я всегда об этом знала. — Казалось, она отбросила этот факт, как не заслуживающий внимания.

— Так почему же именно вы считаете свою сестру дурой? Может быть, вы имеете в виду ее отношения с мистером Дональдом Фрэйзером?

— Вот именно. Дон — человек очень закрытый, но и ему что-то может перестать нравиться, и тогда…

— И тогда что, мадемуазель?

Сыщик не отводил от девушки твердого взгляда.

Может быть, это моя фантазия, но мне показалось, что она слегка заколебалась, прежде чем ответить.

— Я боялась, что он мог ее навсегда бросить. А это было бы ужасно. Он очень надежный и работящий парень и был бы для Бетти прекрасным

мужем.

Пуаро продолжал смотреть на девушку. Она не покраснела, а в ответ посмотрела на него таким же твердым взглядом. В ее взгляде было что-то, что напомнило мне о той вызывающей и надменной манере, в которой она начала разговор.

— Вот как, — произнес сыщик в конце концов. — Мы перестали говорить правду.

Девушка пожала плечами и повернулась к двери.

— Что ж, — сказала она, — я сделала все, что могла, чтобы помочь вам.

— Подождите, мадемуазель. — Голос Пуаро заставил ее остановиться. — Я хочу вам кое-что рассказать. Прошу вас, вернитесь.

Мне показалось, что она нехотя повиновалась.

К моему нескрываемому удивлению, Пуаро рассказал ей все: и про убийство в Андовере, и про железнодорожный справочник, который находили рядом с трупами жертв. Маленький бельгиец не мог пожаловаться на отсутствие заинтересованности со стороны его слушательницы. Губы ее приоткрылись, глаза заблестели, и она внимала каждому его слову.

— И все это правда, месье Пуаро?

— Да, это правда.

— И вы действительно хотите сказать, что моя сестра была убита каким-то ужасным маньяком-убийцей?

— Вот именно.

— О Бетти, Бетти! Как это все… как это все ужасно!

— Теперь вы понимаете, мадемуазель, что можете спокойно рассказать мне обо всем, о чем я вас спрашиваю. Рассказать, не боясь, что это может причинить кому-нибудь зло.

— Да, теперь я это понимаю.

— Тогда давайте продолжим нашу беседу. У меня создалось впечатление, что у Дональда Фрэйзера вспыльчивый и ревнивый характер, это правда?

— Теперь я вам верю, месье Пуаро, — тихо начала Меган Барнард, — и расскажу вам всю правду. Как я уже сказала, Дон — очень закрытый человек. О таких говорят «вещь в себе», если вы понимаете, что я имею в виду. Он не всегда высказывает то, что чувствует внутри. Но в душе Дон принимает все очень близко к сердцу. И он очень ревнив. Он всегда ревновал Бетти. Он любил ее, и ей он очень нравился, но Бетти была не тем человеком, который будет хранить верность одному мужчине и не замечать никого вокруг.

Она просто была выпечена из другого теста. У нее был, я бы сказала, нюх на приятных мужчин, которые были не прочь провести с ней денек. А работая в «Рыжей кошке», она каждый день сталкивалась с подобными мужчинами, особенно во время летних отпусков. Бетти никогда не лезла за словом в карман, поэтому если они с нею заговаривали, то она им с удовольствием отвечала. Может быть, даже встречалась с ними — ходила в кино, например… Вы только не подумайте, ничего серьезного. Бетти просто любила веселиться. Она часто говорила, что если уж ей суждено в один прекрасный день остепениться с Доном, то она будет веселиться, пока у нее есть такая возможность.

Меган замолчала, и сыщик произнес:

— Продолжайте. Я вас понимаю.

— И вот именно этот ее взгляд на жизнь Дон и не мог никак понять. Он никак не мог понять, почему, если она его любит, это не мешает ей проводить время с другими мужчинами. Пару раз они здорово сцепились из-за этого.

— Месье Дон наконец высказался?

— Он такой же, как все эти сдержанные люди. Если уж они выходят из себя, то забывают обо всем на свете. Дон так разозлился, что Бетти даже

испугалась.

— А когда это произошло?

— В первый раз — около года назад. А второй раз — около месяца назад, и это было совсем ужасно. Я была дома на выходные, и мне пришлось мирить их. Именно тогда я попыталась вбить в голову моей сестрицы хоть немного здравого смысла и сказала ей, что она дура. А она все твердила, что в этом не было ничего плохого. Где-то она была права, но такое поведение не могло довести ее до добра. Понимаете, после ссоры годичной давности она взяла себе за правило говорить иногда безвредную ложь — по принципу «меньше знаешь, крепче спишь». И вот последняя ссора случилась потому, что Бетти сказала Дону, что едет в Гастингс встретиться с подружкой, а сама с каким-то мужчиной отправилась в Истборн. Как оказалось, мужчина был женат, поэтому он пытался сохранить этот визит в тайне, что только усугубило ситуацию. Сцена была просто ужасная: Бетти говорила, что еще не вышла за Дона замуж и поэтому имеет право встречаться с кем хочет, а тот, весь белый и трясущийся как в лихорадке, повторял только, что в один прекрасный день… в один прекрасный день…

— Продолжайте.

— Он убьет ее. — Меган понизила голос.

Закончив, она уставилась на моего друга.

Пуаро несколько раз серьезно покивал.

— И, естественно, вы боялись…

— Нет, я ни на минуту не подумала, что он действительно это сделал! Но я боялась, что история об этой ссоре и о том, что он тогда говорил, может выплыть наружу — ведь это слышали несколько человек.

— Вот именно. — Маленький бельгиец еще раз серьезно кивнул. — И должен заметить, что если бы не это эгоистичное тщеславие убийцы, то именно это и произошло бы. И если сейчас Дональда Фрэйзера не в чем подозревать, то это только благодаря маниакальному фанфаронству А. В.С.

Он помолчал несколько секунд, а потом спросил:

— А вы не знаете, встречалась ли ваша сестра с этим женатым мужчиной или с каким-нибудь другим мужчиной в последние дни?

— Не знаю. Меня же здесь не было. — Девушка покачала головой.

— А как вы думаете?

— Возможно, что конкретно с тем мужчиной она больше и не встречалась. Думаю, что он про-

сто исчез, испугавшись возможных последствий. Но меня совсем не удивит, если Бетти опять не рассказала свою очередную «невинную ложь» Дону. Понимаете, она так любила танцы и кино, а Дон не мог себе позволить выводить ее в свет каждый день.

— Если это так, то могла ли она кому-то рассказать об этом? Девушкам в кафе, например?

— Не думаю, чтобы такое было возможно. Бетти на дух не переносила эту Хигли. Она считала ее слишком заурядной. Другие же были совсем новенькими. Да и вообще, Бетти не любила делиться своими тайнами с кем бы то ни было.

Над головой девушки задребезжал электрический звонок. Она подошла к окну и выглянула, а затем резко убрала голову.

— Это Дон.

— Приведите его сюда, — быстро распорядился Пуаро. — Я хочу переговорить с ним прежде, чем он попадет в руки нашего друга инспектора.

Меган Барнард молнией вылетела из кухни и через несколько минут вернулась, ведя за руку Дональда Фрэйзера.

Глава XII
Дональд Фрэйзер

Мне сразу же стало жалко этого молодого человека. Его измученное лицо и ошеломленные глаза ясно показывали, в каком он был шоке.

Дональд Фрэйзер был ладно скроенным, симпатичным молодым человеком около шести футов ростом. Его нельзя было назвать красавцем, но у него было приятное веснушчатое лицо с высокими скулами и ярко-рыжей шевелюрой.

— Что случилось, Меган? — спросил он. — Почему ты здесь? Ради бога, скажи мне… Я только что слышал, что Бетти…

Его голос ослаб.

Пуаро подставил ему стул, на который он и опустился. После этого мой друг достал из кармана небольшую фляжку и налил из нее немного в подвернувшуюся под руку кружку, которая стояла на полке.

— Выпейте, мистер Фрэйзер. Вам станет полегче.

Молодой человек повиновался. Коньяк вернул краски его лицу. Он выпрямился на стуле и еще

раз повернулся к девушке.

— Так это правда? — спросил он. — Бетти мертва… убита?

— Это правда, Дон.

— Ты что, только приехала из Лондона? — спросил Дональд механическим голосом.

— Да. Папа мне позвонил.

— Наверное, поездом на девять двадцать? — продолжил Фрэйзер. Он пытался отвлечься от действительности, обращая внимание на подобные мелкие детали.

— Да.

Последовала минутная пауза, а потом Фрэйзер спросил:

— А полиция? Они что-нибудь делают?

— Они сейчас наверху. Наверное, осматривают вещи Бетти.

— И они никого не подозревают? Они не знают, кто это сделал? — Молодой человек замолчал.

Как и все чувствительные, застенчивые люди, он не мог назвать жестокие вещи своими именами.

Пуаро вышел вперед и задал вопрос. Говорил он при этом в деловой небрежной манере, как будто речь шла о чем-то неважном.

— Мисс Барнард говорила вам, куда она собира-

лась вчера вечером?

Ответ Фрэйзера прозвучал абсолютно механически:

— Она сказала мне, что вместе с подругой отправится в Сент-Леонардс.

— И вы ей поверили?

— Я… — Внезапно автомат превратился в живого человека. — Что, черт возьми, вы имеете в виду?

Глядя на его угрожающее лицо, искаженное гримасой ярости, я понял, почему девушка так боялась разозлить его.

— Бетти Барнард убил серийный маньяк-убийца, — сухо сказал сыщик. — И вы сможете помочь нам напасть на его след, только если будете говорить абсолютную правду.

На мгновение Фрэйзер перевел взгляд на Меган.

— Это правда, Дон, — подтвердила девушка. — Сейчас не время думать о своих или чьих-то еще чувствах. Ты должен все рассказать.

Фрэйзер взглянул на моего друга с подозрением.

— А вы кто такой? Вы что, тоже из полиции?

— Я лучше, чем вся полиция вместе взятая, — ответил Пуаро без всяких признаков хвастовства.

Для него это была простая констатация факта.

— Расскажи ему все, — посоветовала Меган.

— Я не был уверен, — сдался наконец Фрэйзер. — То есть я поверил ей, когда она это сказала. Ничего другого мне в голову тогда не пришло. Ну а потом что-то в ее манерах… В общем, я задумался.

— И… — поторопил его Пуаро.

Мой друг сидел напротив Дональда Фрейзера. Казалось, что его глаза, которые он не отрывал от молодого человека, гипнотизировали последнего.

— Мне было стыдно, что я такой подозрительный. Но… но я подозревал… Я решил пойти на набережную и проследить за ней, когда она выйдет из кафе. И я туда и отправился. А потом подумал, что не смогу сделать этого. Бетти могла меня увидеть и разозлиться. Она бы сразу поняла, что я слежу за ней.

— И что же вы сделали?

— Я отправился в Сент-Леонардс. Попал туда около восьми часов вечера. И стал следить за подъезжающими автобусами. Но ее в них не увидел…

— А после этого?

— Наверное, я слегка потерял голову. Я был

уверен, что она пошла с каким-то мужчиной. Я подумал, что, наверное, они поехали на его машине в Гастингс. И направился туда. Искал в гостиницах, ресторанах, бродил вокруг кинотеатров, побывал на пирсе… Абсолютный идиотизм. Даже если бы она там была, у меня практически не было шансов ее обнаружить, а кроме того, есть масса других мест, куда он мог ее отвезти. На Гастингсе свет клином не сошелся.

Молодой человек замолчал. Хотя его тон и не изменился, но мне послышались в нем нотки слепого, ошеломленного отчаяния и гнева, которые овладели им во время этого рассказа.

— В конце концов я сдался и вернулся назад.

— В какое время?

— Не знаю. Я шел пешком. Наверное, было что-то около полуночи к тому моменту, как я попал домой.

— А потом?

Дверь кухни раскрылась.

— Ах, вот вы где, — раздался голос инспектора Келси.

Инспектор Кроум протиснулся в дверь, бросил взгляд на Пуаро и стал рассматривать двух незнакомцев.

— Мисс Меган Барнард и мистер Дональд Фрэй-

зер, — представил их мой друг. — А это инспектор Кроум из Лондона, — пояснил он. — Обернувшись к инспектору, он сказал: — Пока вы вели расследование наверху, я здесь беседовал с мисс Барнард и мистером Фрэйзером, пытаясь выяснить хоть что-то, что могло бы пролить свет на это дело.

— Да неужели? — произнес инспектор Кроум, не прислушиваясь к словам моего друга, а полностью сосредоточившись на двух вновь прибывших.

Пуаро вышел в холл. Когда он проходил мимо инспектора Келси, тот любезно поинтересовался, есть ли что-нибудь новенькое. Однако все его внимание было обращено на коллегу, и ответа он дожидаться не стал.

Присоединившись к Пуаро в холле, я спросил:

— На вас что-нибудь произвело впечатление, Пуаро?

— Только невероятное великодушие убийцы, — ответил маленький бельгиец.

Я так и не осмелился сказать ему, что совершенно не понял, что он имеет в виду.

Глава XIII
Совещание

Совещания!

Кажется, что все мои воспоминания о деле А. В.С. связаны с совещаниями.

Совещания в Скотленд-Ярде. У Пуаро. Официальные совещания. Неофициальные совещания.

Нынешнее было посвящено вопросу, стоит или не стоит делать достоянием прессы информацию, связанную с анонимными письмами.

Убийство в Бэксхилле привлекло гораздо больше внимания публики, чем убийство в Андовере. Но у него и было гораздо больше черт, которые могли вызвать интерес, — начать с того, что жертвой была молодая хорошенькая девушка. Да и произошло убийство на популярном морском курорте.

Все подробности преступления были сообщены в газеты и ежедневно подробно в них обсуждались. Свою долю внимания получил и железнодорожный алфавитный справочник.

Основной теорией была та, что последний приобретался где-то неподалеку от места убийства и

был важным ключом к определению личности преступника. Кроме того, он указывал на то, что преступник каждый раз прибывал на поезде и после убийства уезжал в Лондон.

Так как тот же железнодорожный справочник вообще не фигурировал в скудных отчетах об убийстве в Андовере, то для публики было сложно объединить оба убийства в единое целое.

— Мы должны решить, какой политики будем придерживаться, — заявил помощник комиссара. — Весь вопрос состоит в том, какая из них даст нам наилучшие результаты. Должны ли мы сообщить публике все факты и таким образом как бы обратиться к ней за помощью? Не забывайте, что мы говорим о помощи нескольких миллионов людей, которые вместе с нами будут искать этого сумасшедшего…

— Но он совсем не выглядит сумасшедшим, — заметил доктор Томпсон.

— …следя за продажами справочников и так далее. Или нам надо работать тайно, не давая преступнику понять, что мы замышляем? Но здесь мы должны помнить о том, что ему очень хорошо известно все то, что́ известно нам. Своими письмами он намеренно привлекает внимание к своей персоне. Итак, Кроум, что вы об этом

думаете?

— Мне кажется, что если мы выносим все подробности на публику, то мы делаем именно то, чего добивается А. В.С. Ведь ему необходима именно публичность. И ее он и добивается. Я прав, доктор? Он хочет произвести как можно больше шума.

Томпсон кивнул.

— Значит, вы за то, чтобы умолчать обо всем, — задумчиво произнес помощник комиссара. — Не обеспечивать ему той публичности, за которую он борется. А вы что думаете, месье Пуаро?

Несколько мгновений мой друг молчал, а потом стал говорить, очень тщательно подбирая слова.

— Мне сложно говорить, сэр Лайонелл, — сказал он. — Как вы могли заметить, я являюсь заинтересованной стороной. Вызов был брошен именно мне. Если я скажу: «Скройте эти факты и не делайте их достоянием общественности», то не покажется ли всем, что вместо меня говорит мое тщеславие? Что я беспокоюсь за свою репутацию? Все это очень сложно! То, что мы сделаем все факты доступными широкой публике, имеет свои преимущества. Ведь на худой конец это можно рассматривать как предупреждение… Но с другой стороны, я, так же как инспектор Кроум,

уверен, что убийца ждет от нас именно этого.

— Хм… — произнес помощник комиссара, потер подбородок и посмотрел на доктора Томпсона. — Давайте представим себе, что наш псих не получил той публичности, о которой мечтает. Что он сделает дальше?

— Совершит еще одно преступление, — не задумываясь ответил врач. — Можете в этом не сомневаться.

— А если мы расскажем обо всем в передовицах газет? Какова будет его реакция в этом случае?

— Ответ тот же. В одном случае вы играете на руку его мании величия, в другом — умалчиваете о нем. Результат будет тот же. Еще одно преступление.

— Вы хотите что-то сказать, месье Пуаро?

— Я согласен с доктором.

— Прямо какое-то безвыходное положение… И сколько еще преступлений намерен совершить наш сумасшедший?

Доктор Томпсон взглянул через стол на Пуаро.

— Как мне кажется, от A до Z, — весело сказал он. — Конечно, до Z[39] он не доберется. Даже и близко не подойдет. Вы схватите его гораздо рань-

---

[39] Сноски: 39

Буква Z (зет) — последняя, двадцать шестая буква английского алфавита.

ше. Было бы интересно посмотреть, что он станет делать с буквой X... — Он с виноватым видом отвлекся от своих научных изысканий. — Уверен, что вы возьмете его гораздо раньше — где то на уровне F[40] или G[41].

Помощник комиссара ударил кулаком по столу:

— Черт возьми, уж не хотите ли вы сказать мне, что нас ждет еще пять убийств?

— Поверьте мне, их будет гораздо меньше, — вмешался инспектор Кроум; в его голосе слышалась уверенность.

— И на какой же букве алфавита это произойдет, как вы думаете, инспектор? — спросил Пуаро. В голосе его звучала ирония.

Как мне показалось, Кроум посмотрел на него с некоторым неодобрением, которое заняло место его обычного чувства спокойного превосходства.

— Вполне возможно, что я отыщу его уже в следующий раз, месье Пуаро. В любом случае я гарантирую, что возьму его до того, как он доберется

---

[40] Сноски: 40
Буква F (эф) — шестая буква английского алфавита.

[41] Сноски: 41
Буква G (джи) — седьмая буква английского алфавита.

до буквы D...[42] Мне кажется, что я достаточно хорошо понял психологию преступника, — продолжил инспектор, повернувшись к помощнику комиссара. — Доктор Томпсон поправит меня, если я в чем-то не прав. Мне кажется, что каждый раз, когда он успешно совершает преступление, его самоуверенность увеличивается на все сто процентов. Каждый раз он говорит себе: я слишком умен, им меня не поймать. Он становится настолько самоуверенным, что теряет осторожность. Он превозносит свой собственный ум, подчеркивая глупость всех остальных. Очень скоро он вообще забудет о мерах предосторожности. Вы согласны со мной, доктор?

— Обычно все так и происходит, — кивнул Томпсон. — Простым языком я не смог бы объяснить лучше. Вы ведь кое-что знаете об этом, месье Пуаро. Вы не согласны?

Не думаю, чтобы Кроуму понравилось это обращение доктора к моему другу. Он ведь считал себя единственным экспертом в данном вопросе.

— Думаю, что все так, как сказал инспектор Кроум, — согласился Пуаро.

— Паранойя, — тихо сказал доктор.

---

[42] Сноски: 42
Буква D (ди) — четвертая буква английского алфавита.

— Появились ли в деле какие-то интересные материальные улики? — обратился маленький бельгиец к инспектору Кроуму.

— К сожалению, ничего определенного. Официант в гостинице «Сплендид» в Истборне узнал девушку по фотографии. По его словам, она обедала там в компании пожилого мужчины в очках. Ее также узнали в придорожном заведении, которое называется «Пурпурный бегун» и расположено на полпути между Бэксхиллом и Лондоном. Его работники сказали, что она была там вместе с мужчиной, похожим на морского офицера. Не может быть, чтобы и те и другие говорили правду, но по отдельности к их показаниям стоит прислушаться. Естественно, есть еще целый ряд «узнаваний», но большинство из них для меня под большим вопросом. Нам не удалось выследить А. В.С.

— Ну что же, Кроум, видно, что вы делаете все возможное, — подвел черту помощник комиссара. — Что вы скажете по этому поводу, месье Пуаро? Какой линии вы сами отдаете предпочтение?

— Мне кажется, что существует один очень важный ключ к раскрытию преступления, — медленно произнес сыщик. — Это его мотив.

— А разве он не очевиден? Алфавитный комплекс. Ведь так вы, кажется, это назвали, доктор?

– *Mais oui*, — сказал Пуаро. — Алфавитный комплекс, несомненно, имеет место. Но обычно сумасшедший очень тщательно обосновывает совершаемые им преступления.

— Ладно, ладно, Пуаро. Но вспомните Стоунмана в двадцать девятом году. Он ведь закончил тем, что пытался покончить с любым, кто хоть немного раздражал его.

— Совершенно с вами согласен. — Мой друг повернулся к инспектору. — Но если вы — значительная и уверенная в себе личность, то на небольшие неприятности внимания обращать не будете. Ведь если муха снова и снова садится вам на лоб, доводя до белого каления, то что вы сделаете? Вы попытаетесь эту муху убить. И ни на минуту над этим не задумаетесь. Важны вы, а не муха. Вы убьете ее, и неприятность исчезнет. Ваши действия не вызывают у вас никаких сомнений. Есть еще одна причина, по которой муху необходимо убить, — это если вы зациклены на гигиене. Муха — потенциальный источник заражения для населения, поэтому она должна быть убита. Именно так работает логика психически больного преступника. А теперь посмотрите на

наш случай — жертвы выбираются в алфавитном порядке, а не уничтожаются потому, что представляют какое-то «неудобство» лично для преступника. Это было бы очень большой случайностью, если б мы смогли найти что-то общее между двумя жертвами.

— Именно в этом вся загвоздка, — заметил доктор Томпсон. — Помню случай, когда мужа одной женщины приговорили к смертной казни. И она стала убивать присяжных одного за другим. Прошло очень много времени, пока все убийства смогли соединить вместе, потому что на первый взгляд они выглядели абсолютно бессистемными. Но, как правильно заметил месье Пуаро, не существует преступников, которые убивают наобум. Преступник или убивает людей, которые, по его мнению, стоят у него на пути (и неважно, так это или не так в действительности), или он совершает свои преступления «по убеждению». Например, убивает священников, или полицейских, или проституток, потому что твердо убежден, что они должны быть уничтожены. Но, насколько я понимаю, ничего этого в нашем случае не наблюдается. Миссис Ашер и Бетти Барнард не могут быть соединены на основе принадлежности к одному и тому же классу

общества. Конечно, остается вероятность, что мы имеем дело с ненавистью на основе половой принадлежности — ведь обе жертвы женщины. Но с уверенность утверждать это мы сможем только после третьего убийства.

— Ради всего святого, Томпсон, не говорите с такой уверенностью о следующем преступлении, — раздраженно сказал сэр Лайонелл. — Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы предотвратить его.

Доктор Томпсон сдержался и громко высморкался. Казалось, этими звуками он хотел сказать: думайте что хотите, если не хотите верить фактам.

— Мне кажется, что я понимаю, на что вы намекаете, но еще не до конца, — обратился помощник комиссара к маленькому бельгийцу.

— Я задал себе вопрос, — пояснил Пуаро, — что же в действительности происходит в голове убийцы. Как видно из его писем, он убивает *pour le sport*[43], для развлечения. Может ли это быть правдой? И даже если это правда, то по какому принципу он выбирает свои жертвы, кроме порядка букв в алфавите? Если он убивает просто

---

[43] Сноски: 43
Из спортивного интереса *(фр.)*.

чтобы развлечься, то не должен рекламировать эти убийства, потому что в этом случае исчезает фактор безнаказанности. Ведь мы все согласились с тем, что он жаждет создать как можно больше шума в глазах общества, привлечь внимание к своей персоне. До какой же степени должна была быть подавлена его личность, чтобы это оправдало выбор первых двух жертв? И еще один вопрос: а не направлена ли его ненависть непосредственно на меня, на Эркюля Пуаро? Может быть, он бросает мне этот публичный вызов потому, что я, сам того не ведая, взял над ним в какой-то момент верх за время своей долгой карьеры? Или это просто ненависть, направленная против иностранца? А если это так, то все тот же вопрос — что вызвало ее? Какую рану могла нанести ему «рука иностранца»?

— Все это очень серьезные вопросы, — заметил доктор Томпсон.

— Да неужели? — Инспектор Кроум прочистил горло. — Правда, ответить на них будет трудновато, по крайней мере сейчас.

— И тем не менее, мой друг, — сказал Пуаро, глядя прямо на него, — именно в этих вопросах кроется разгадка всего преступления. Если мы узнаем настоящую причину — неважно, насколь-

ко фантастической она может нам показаться, главное, что она будет вполне логичной для преступника, — по которой наш сумасшедший совершает именно такие преступления, то, может быть, сможем предсказать, кто будет следующей жертвой.

— Он выбирает их наобум, я в этом совершенно уверен, — покачал головой инспектор Кроум.

— Великодушный убийца, — произнес Пуаро.

— Что вы сказали?

— Я сказал: великодушный убийца! Франца Ашера арестовали бы за убийство своей собственной жены, а Дональда Фрэйзера вполне могли арестовать за убийство Бетти Барнард, если бы только не письма, подписанные А. В.С. Он что, так мягкосердечен, что не может видеть, как другие страдают за то, чего не совершали?

— Я слыхал и о более невероятных вещах, — заметил доктор Томпсон. — Я видел преступника, который убил с полдесятка человек и раскололся только потому, что последняя жертва не умерла сразу и испытывала физические страдания. Но тем не менее я не думаю, что подобное «милосердие» объясняет поступки нашего клиента. Он хочет, чтобы эти преступления принесли ему славу и известность. На мой взгляд, это един-

ственное логичное объяснение его поступков.

— Итак, мы так и не пришли ни к какому решению по поводу того, насколько публичным должно быть расследование, — резюмировал помощник комиссара.

— Могу ли я высказать предложение, сэр? — заговорил Кроум. — Почему бы нам не подождать третьего письма? А уже потом придать делу публичность — с помощью специальных выпусков газет и так далее. Это вызовет панику в одном из населенных пунктов, но насторожит всех, чья фамилия начинается с третьей буквы алфавита. А кроме того, это успокоит нашего преступника. Он будет уверен в успехе, и в этот-то момент мы его и накроем.

Как мало мы в тот момент знали о том, что нам предстоит в будущем…

Глава XIV
Третье письмо

Я хорошо помню, как мы получили третье письмо, подписанное буквами А. В.С.

Могу сказать, что были приняты все меры для того, чтобы в случае, когда преступник возобновит свою кампанию, все действовали без малейшего промедления. У нас в доме расположился молодой сержант из Скотленд-Ярда. Его задачей было открывать все письма в то время, когда нас с Пуаро не было дома. В этом случае информация была бы сообщена в штаб-квартиру без малейшей задержки.

Но дни проходили один за другим, и нервы наши натягивались все сильнее и сильнее. Холодная и снисходительная манера инспектора Кроума становилась все холоднее и снисходительнее, тогда как самые надежные его улики на поверку оказывались пшиком. Смутные описания мужчин, которых якобы видели с Бетти Барнард, ничего не дали. Машины, которые видели в окрестностях Бэксхилла и Кудена, были все или проверены, или их не смогли разыскать.

Изучение покупателей алфавитных железнодорожных справочников принесло кучу неудобств массе невинных людей.

Каждый раз, когда мы слышали знакомый стук почтальона, наши сердца начинали колотиться в ожидании этого письма. По крайней мере, я чувствовал себя именно так, и у меня нет никаких причин думать, что Пуаро чувствовал себя по-другому.

Я знал, что он был очень расстроен всем происходившим. Он отказывался уезжать из Лондона, чтобы в случае тревоги оказаться на месте. В эти жаркие дни даже его знаменитые усы обвисли, заброшенные своим владельцем.

Третье письмо пришло в пятницу. Вечерняя почта прибыла в десять часов вечера. Когда мы услышали знакомые шаги и стук почтальона, я встал и пошел к почтовому ящику. Насколько я помню, в нем было четыре или пять писем. На последнем конверте адрес был напечатан на машинке.

— Пуаро, — воскликнул я… и мой голос мне изменил.

— Пришло? Открывайте, Гастингс. Скорее. Каждое мгновение на счету. Мы должны успеть подготовиться.

Я разорвал конверт (впервые в жизни Пуаро не выговорил мне за мою неаккуратность) и вытащил листок бумаги, покрытый печатными буквами.

— Читайте, — велел сыщик.

Я громко прочитал:

Бедный мистер Пуаро,

оказывается, вы не настолько сильны в решении маленьких загадок, как вам казалось, правда? Или ваши лучшие времена уже позади? Посмотрим, может быть, на этот раз вам повезет больше? На этот раз все очень просто. Керстон[44]*, 30-го. Постарайтесь не ударить лицом в грязь, а то мне уже надоело, что все случается по-моему.*

Удачной охоты, всегда ваш,

А. В.С.

— Керстон, — проговорил я, вскакивая и хватаясь за наш экземпляр алфавитного железнодорожного справочника. — Надо посмотреть,

---

[44] Сноски: 44

Название городка, так же как имя и фамилия следующей жертвы, на английском языке начинаются с буквы С (си), третьей буквы английского алфавита.

где же это?

— Гастингс, — резкий голос Пуаро прервал меня, — когда было написано письмо? Там есть дата?

Я взглянул на письмо, которое держал в руках.

— Написано двадцать седьмого числа, — сообщил я.

— Я правильно услышал вас, Гастингс? Он говорит об убийстве тридцатого числа?

— Именно так. Позвольте-ка… да, тридцатого.

– *Bon Dieu*[45], Гастингс, вы что, не понимаете? Ведь тридцатое — это сегодня.

И он выразительным жестом указал на календарь, висевший на стене. Я же сверился с числом по дневной газете.

— Но почему… Как… — Я даже стал заикаться.

Пуаро поднял с пола разорванный конверт. Еще в самом начале мне смутно показалось, что с адресом на конверте было что-то странное, но я слишком спешил прочитать содержимое конверта, чтобы обратить на это внимание.

В то время Пуаро жил в многоквартирном комплексе Уайтхэвен, а в адресе значилось Уайт-

---

[45] Сноски: 45
Боже *(фр.)*.

хорс[46]. В углу конверта было написано: «Ни в доме Уайтхорс в центре Лондона, ни в Уайтхорс-Кортс такой адресат неизвестен. Попытаться в Уайтхэвен».

– *Mon Dieu!* — пробормотал Пуаро. — Неужели этому сумасшедшему помогает сама фортуна? Но спокойно, спокойно… Это необходимо сообщить в Скотленд-Ярд.

Через несколько минут мы уже говорили с Кроумом по телефону. На этот раз сдержанный инспектор не сказал «да неужели?». Вместо этого он сдавленно выругался. Он выслушал все, что мы имели ему сообщить, а затем отключился, чтобы связаться с Керстоном.

– *C'est trop tard*[47], — произнес Пуаро.

— А может быть, и нет, — возразил я, правда, без большой надежды.

— Двадцать минут одиннадцатого? — спросил Пуаро, посмотрев на часы. — Осталось час сорок. Будет ли А. В.С. ждать так долго?

Я раскрыл справочник, который перед этим достал с полки, и прочитал вслух:

— Керстон, город в Девоншире, находится в

---

[46] Сноски: 46
Может быть переведено как «Белая лошадь» — известный сорт виски.

[47] Сноски: 47
Слишком поздно *(фр.)*.

двухстах четырех милях от Паддингтонского вокзала. Население — пятьсот пятьдесят четыре человека. Похоже, что это совсем крохотный городишко. Нашего клиента там обязательно заметят.

— Даже если и так, все равно еще один труп, — тихо сказал Пуаро. — Какое расписание поездов? Думаю, что поездом будет быстрее, чем машиной.

— Есть полуночный поезд со спальным вагоном до Ньютон — Эбботс. Туда он прибывает в шесть ноль восемь утра, а в Керстон — в семь пятнадцать.

— Отправление с Паддингтона?

— Да, с Паддингтона.

— Мы поедем на нем, Гастингс.

— Но до отправления поезда мы не сможем узнать ничего нового.

— А что, так ли уж важно, когда мы получим плохие новости — сегодня вечером или завтра утром?

— С этим трудно спорить.

Пока Пуаро еще раз звонил в Скотленд-Ярд, я сложил несколько вещей в чемодан.

Через несколько минут он появился в спальне и требовательно поинтересовался:

– *Mais qu'est-ce que vous faites la?*[48]

— Я складывал ваши вещи. Думал, что таким образом сэкономлю время.

– *Vous prouvez trop d'emotion*[49], Гастингс. Это влияет на ваши физические и умственные способности. Разве так складывают пиджак? А теперь то, что касается моей пижамы. Если раскроется шампунь для волос, то что с нею станет?

— Боже мой, Пуаро! — вскричал я. — Речь идет о жизни и смерти. Какая разница, что станет с нашей одеждой?

— У вас начисто отсутствует всякая логика, Гастингс. Мы ведь не сможем сесть на поезд раньше того времени, которое указано в расписании, а то, что наша одежда будет уничтожена, совсем не поможет нам в поисках убийцы.

И решительно взяв у меня из рук чемодан, мой друг стал укладываться сам. При этом он объяснил, что мы должны взять письмо и конверт с собою на вокзал. Там нас встретит представитель Скотленд-Ярда.

Первый, кого мы увидели, прибыв на вокзал, был инспектор Кроум.

---

[48] Сноски: 48
Ну, и что вы здесь делаете? *(фр.)*

[49] Сноски: 49
Вы слишком эмоциональны *(фр.)*.

— Пока никаких новостей, — ответил он на вопросительный взгляд Пуаро. — Задействованы все люди. Всех людей, фамилия которых начинается на «С», предупреждают по телефону, если есть такая возможность. Хотя надежд мало. Где письмо?

Пуаро протянул письмо.

Инспектор внимательно осмотрел его, чуть слышно ругаясь себе под нос.

— Этого еще нам только не хватало. Даже звезды защищают этого негодяя.

— А вы не думаете, — предположил я, — что это было сделано специально?

Кроум отрицательно покачал головой:

— Нет. У него есть свои правила — сумасшедшие, но правила, — и он играет строго по ним. Предупреждать о преступлении заранее. Он делает из этого фетиш. Именно с этого начинается его хвастовство. Я уже давно задумывался над этим, а теперь готов держать пари, что этот парень еще и пьет. И пьет он «Белую лошадь».

– *Ah, c'est ingénieux ça*[50], — сказал Пуаро, восхищаясь помимо своей воли. — Он пишет буквы, а бутылка стоит перед ним…

---

[50] Сноски: 50
Это просто гениально *(фр.)*.

— Вот именно, — согласился Кроум. — Все мы это когда-то делали: машинально копировали что-то, что было у нас прямо перед глазами. Он начал с «Уайт» и продолжил «хорс» вместо «хэвен»…

Как мы выяснили, инспектор ехал одним поездом с нами.

— Даже если по невероятному стечению обстоятельств ничего не произошло, нам сейчас надо быть в Керстоне. Наш убийца сейчас там. Или был там сегодня днем. Один из моих людей будет дежурить на вокзале у телефона до того момента, пока мы не тронемся. На тот случай, если что-то выяснится в самый последний момент.

Когда поезд уже отходил от платформы, мы увидели человека, бегущего вдоль состава. Он добежал до окна, в котором был виден инспектор, и что-то выкрикнул.

Мы с Пуаро поспешили вдоль вагона и постучались в купе инспектора.

— У вас есть какие-то новости, правда? — потребовал Пуаро.

— Худшего нельзя было себе представить, — тихо сказал Кроум. — Сэр Кармайкл Кларк был найден сегодня с проломленной головой.

Сэр Кармайкл Кларк, хотя его имя и не было

знакомо широкой публике, был хорошо известен в определенных кругах. В свое время он был очень хорошим врачом-отоларингологом. Уйдя на покой и будучи уже достаточно состоятельным человеком, Кларк смог заняться тем, что было его единственной страстью, — коллекционированием китайской посуды и фарфора. Через несколько лет после этого он унаследовал значительное состояние от своего пожилого дядюшки и теперь мог в полной мере отдаться своей страсти. В настоящее время он владел одной из лучших частных коллекций предметов китайского искусства. Кларк был женат, но не имел детей. Жил он в доме, построенном лично для него на побережье в Девоншире, и редко бывал в Лондоне, в основном в дни больших аукционов.

Не надо было быть ясновидцем, чтобы понять, что его смерть, которой предшествовала смерть молодой и хорошенькой Бетти Барнард, станет одной из самых больших газетных сенсаций за последние годы. Тот факт, что на дворе стоял август и газетам не о чем было писать, только усугублял ситуацию.

– *Eh bien*[51], — заметил мой друг, — теперь мож-

---

[51] Сноски: 51
Итак *(фр.)*.

но предположить, что общество сможет добиться результатов там, где потерпели поражение его отдельные члены. Теперь вся страна будет искать А. В.С.

— К сожалению, — заметил я, — это именно то, чего он добивается.

— Да, правда. Но в этом, возможно, кроется и его слабость. Усыпленный своими достижениями, он может потерять осторожность… Именно на это я и надеюсь — на то, что у него закружится голова от собственных успехов.

— Как же все это странно, Пуаро! — воскликнул я, пораженный пришедшей мне в голову идеей. — Представьте себе, ведь это первое преступление такого рода, над которым мы работаем вместе с вами. Ведь все наши прошлые убийства были… как это сказать? Частными, что ли…

— Вы абсолютно правы, друг мой. Всегда, до сегодняшнего дня, мы с вами пытались раскрыть преступление изнутри. Для нас была важна история жертвы. А самым важным было найти ответы на вопросы: кому это выгодно; какие возможности были у окружения жертвы, чтобы совершить убийство? Это всегда были «интимные» преступления. И вот теперь, впервые за все время нашего сотрудничества, мы с вами столкнулись с хлад-

нокровным обезличенным убийством. Этаким «убийством со стороны».

— Ужасно… — поежился я.

— Да. Уже получив первое письмо, я почувствовал, что происходит что-то не то. — Он нетерпеливо махнул рукой. — Но мы не должны давать волю эмоциям… В конце концов, это не ужаснее, чем обычное убийство…

— Это… Это…

— Вас, наверное, мучает вопрос, что хуже — убивать чужих, не известных вам людей, или убить кого-то близкого, дорогого вам, того, кто вам доверяет и верит в вас?

— Это преступление хуже, потому что совершено сумасшедшим…

— Нет, Гастингс. Оно не хуже. Оно просто сложнее.

— Нет, нет, я с вами не согласен. Это преступление значительно страшнее.

— По идее, найти убийцу должно быть легче, потому что он сумасшедший, — задумчиво проговорил Пуаро. — Преступление, совершенное нормальным и проницательным человеком, раскрыть всегда гораздо труднее. Ведь в нашем случае главное — это понять, что лежит за всем этим… Я чувствую, что в этом алфавите тоже

есть какие-то нестыковки. Если бы я только мог понять… тогда все остальное было бы гораздо легче.

Он вздохнул и покачал головой.

— Но эти убийства должны прекратиться. Скоро, уже очень скоро я увижу свет в конце тоннеля… Давайте ложиться, Гастингс. Нам надо выспаться. Завтра нас ждет трудный день.

Глава XV
Сэр Кармайкл Кларк

Керстон, расположенный между Бриксхэмом с одной стороны и Пейнтоном и Торки с другой, находится как раз в середине дуги Торбэй[52]. Еще десять лет назад здесь были сплошные поля для игры в гольф и полоска зелени, круто спускавшаяся прямо на берег моря. Человеческое присутствие ограничивалось только одной или двумя фермами.

Однако в последние годы между Керстоном и Пейнтоном началось большое строительство, и теперь береговую линию украшали новые коттеджи, бунгало, дороги и так далее.

Сэр Кармайкл Кларк приобрел здесь участок площадью в два акра, находившийся на первой линии домов и имевший великолепный, ничем не испорченный вид на море. Здесь он построил себе белый четырехугольный дом современного дизайна, на который было приятно смотреть. Сам дом был не так уж велик, если не брать в расчет

---

[52] Сноски: 52
Залив в Девоншире.

две громадные галереи, в которых хранились его сокровища.

Мы приехали около 8.00 часов утра. Представитель местной полиции встретил нас на станции и ввел в курс дела.

Оказалось, что сэр Кармайкл Кларк имел привычку каждый вечер после обеда совершать пешую прогулку. Когда полиция позвонила в дом где-то после одиннадцати вечера накануне, то все посчитали, что он просто еще не вернулся со своего променада. А поскольку ходил он всегда по одному и тому же маршруту, то поисковая команда быстро обнаружила его тело. Смерть наступила от сильного удара каким-то тупым предметом по затылку. Рядом с телом был обнаружен алфавитный справочник железных дорог.

Итак, мы появились в Комбсайде (так назывался дом сэра Кларка) около восьми часов утра. Дверь открыл пожилой дворецкий, чьи трясущиеся руки и взволнованное лицо говорили о том, как сильно на него повлияла случившаяся трагедия.

— Доброе утро, Деверил, — поздоровался с ним местный полицейский.

— Доброе утро, мистер Уэллс.

— Эти джентльмены прибыли из Лондона,

Деверил.

— Прошу вас, сюда господа. — Дворецкий проводил нас в длинную столовую, где был накрыт завтрак. — Я приглашу господина Франклина, сэр.

Через пару минут в комнату вошел крупный светловолосый мужчина с загорелым лицом. Это и был Франклин Кларк, единственный брат умершего. Держался он как человек, привыкший действовать в критических ситуациях.

— Доброе утро, джентльмены.

Инспектор Уэллс представил нас.

— Инспектор Кроум из отдела криминальных расследований, мистер Эркюль Пуаро и… э-э-э… капитан Хайтер.

— Гастингс, — холодно поправил его я.

Каждому из нас Франклин Кларк пожал руку, и каждый раз рукопожатие сопровождалось острым изучающим взглядом.

— Позвольте предложить вам позавтракать, — сказал он. — Ситуацию мы можем обсудить и за едой.

Мы не заставили себя долго уговаривать и очень скоро отдали должное великолепной яичнице с беконом и кофе.

— Итак, теперь о наших делах, — произнес

Франклин Кларк. — Инспектор Уэллс вкратце описал мне всю ситуацию вчера около полуночи, хотя должен сказать, что это самая невероятная история, которую мне когда-либо приходилось слышать. Неужели я должен поверить, господин инспектор, что мой брат пал жертвой серийного маньяка-убийцы, что это уже третье преступление и что каждый раз около тела жертвы находят раскрытый алфавитный железнодорожный справочник?

— Все обстоит именно так, мистер Кларк.

— Но зачем? Какую пользу могло принести подобное преступление даже самому извращенному негодяю?

— Вы попали в самую точку, мистер Кларк, — с одобрением кивнул Пуаро.

— Мне кажется, что сейчас не время рассуждать о мотивах, мистер Кларк, — сказал инспектор Кроум. — Это дело психиатров. Хотя должен заметить, что у меня есть некоторый опыт в судебной психиатрии, в связи с чем хочу сказать, что в большинстве случаев эти мотивы оказываются абсолютно несоразмерны с тяжестью деяния. В основном преступником движет желание самоутвердиться, громко заявить о себе и стать «всем» вместо того, чтобы оставаться «никем».

— Это так, месье Пуаро?

По-видимому, Кларк был человеком недоверчивым, однако его обращение к моему другу не понравилось инспектору Кроуму, который нахмурился.

— Именно так, — подтвердил маленький бельгиец.

— Но тогда такой человек не сможет долго скрываться от правосудия, — задумчиво произнес Кларк.

– *Vous croyez?*[53] Но они очень изобретательны, *ces gens lit*[54]. Вы не должны забывать, что в обычной жизни такие типы абсолютно незаметны. Они относятся к той категории людей, на которых обычно не обращают внимания, которую игнорируют и над которой иногда просто смеются!

— Позвольте мне задать вам несколько вопросов, господин Кларк, — вмешался в их беседу инспектор Кроум.

— Ну конечно.

— Ваш брат, как я понимаю, вел себя вчера как обычно? Он не получал неожиданных писем? Его ничего не расстроило?

---

[53] Сноски: 53
Вы в это верите? *(фр.)*

[54] Сноски: 54
Эти люди *(фр.)*.

— Да нет. Я бы сказал, что вел он себя как всегда.

— Он не был расстроен или взволнован?

— Простите, инспектор, но этого я не говорил. Дело в том, что волнение и расстройство как раз и были нормальным состоянием моего брата.

— А почему?

— Вы, наверное, этого не знаете, но моя свояченица, леди Кларк, очень больна. Между нами говоря, она страдает от неизлечимой формы рака, и жить ей осталось не так уж долго. Ее болезнь ужасно повлияла на душевное состояние моего брата. Вернувшись с Востока, я был поражен тем, как сильно он изменился.

— Давайте представим себе, мистер Кларк, — тщательно сформулировал свой вопрос Пуаро, — что вашего брата нашли у подножия утеса с пулей в голове и револьвером, лежащим рядом. Какая мысль пришла бы вам в голову в первую очередь?

— Если честно, то я решил бы, что это самоубийство, — ответил Кларк.

– *Encore*[55], — сказал Пуаро.

— А это что значит?

---

[55] Сноски: 55
Опять *(фр.)*.

— Это означает повторение чего-то, но сейчас это неважно.

— В любом случае это было не самоубийство, — заметил Кроум с раздражением. — Если я правильно понимаю, то ваш брат, мистер Кларк, имел привычку прогуливаться перед сном?

— Именно так. Он делал это обязательно.

— Каждый вечер?

— Ну, если только не лило как из ведра.

— И все в доме знали об этой его привычке?

— Естественно.

— А за пределами дома?

— Я не совсем понимаю, что вы этим хотите сказать. Знал ли об этом садовник или нет, мне не известно.

— А в деревне?

— Строго говоря, у нас здесь нет никакой деревни. Есть почтовое отделение и коттеджи в Керстон-Феттерс, но магазинов или деревни как таковой нет.

— Полагаю, что незнакомец, ошивающийся неподалеку, был бы сразу же замечен?

— Как раз напротив. В августе эта часть света наполнена толпой незнакомцев. Они каждый день приезжают сюда из Бриксхэма, Торки или Пейнтона. Приезжают на машинах, на автобусах,

приходят пешком. Броудсэндс, который расположен вон там, — он махнул рукой куда-то в сторону, — это очень популярный пляж, так же как и пещера Элбери — это очень известное живописное место, куда люди обычно приезжают на пикник. Лучше бы они этого не делали! Вы себе представить не можете, насколько красивой и умиротворяющей бывает эта местность в июне и начале июля.

— То есть вы считаете, что незнакомца было бы сложно заметить?

— Да, если, конечно, он не выглядел сумасшедшим.

— Этот человек сумасшедшим не выглядит, — уверенно произнес Кроум. — Я вот к чему это все веду. Он должен был заранее следить за вашим домом и каким-то образом выяснить о привычке вашего брата гулять по вечерам. Кстати, никто из незнакомцев не приходил в дом и не спрашивал сэра Кармайкла вчера?

— Я об этом не слышал, но давайте спросим у Деверила.

Он позвонил в звонок и задал вопрос появившемуся дворецкому.

— Нет, сэр. Вчера никто не спрашивал о сэре Кармайкле. И я не заметил, чтобы кто-нибудь

незнакомый крутился возле дома. Горничные тоже ничего не видели, сэр, я их уже спрашивал.

Дворецкий подождал несколько мгновений, а затем спросил:

— Это все, сэр?

— Да, Деверил. Вы можете идти.

Дворецкий удалился, задержавшись в дверях, чтобы пропустить в комнату молодую женщину.

Когда она вошла, Франклин Кларк поднялся.

— Это мисс Грей, джентльмены. Секретарша моего брата.

Я был мгновенно поражен невероятной скандинавской красотой вошедшей. У нее были почти совершенно белые волосы, светло-серые глаза и та прозрачная светящаяся бледность, которую иногда можно видеть у норвежцев или шведов. Ей было около двадцати семи лет, и ее профессионализм, по-видимому, не уступал ее красоте.

— Я могу чем-нибудь вам помочь? — спросила женщина, усаживаясь.

От еды она отказалась, и Кларк принес ей чашку кофе.

— Вы занимались корреспонденцией сэра Кармайкла? — задал вопрос Кроум.

— Да, обязательно.

— Скажите, он никогда не получал писем, под-

писанных инициалами А. В.С.?

— А. В.С.? — Женщина покачала головой. — Уверена, что нет.

— А он не упоминал никого, кто находился бы рядом с домом во время его вечерних прогулок?

— Нет, ни о чем подобном он не говорил.

— А вы сами не замечали никаких незнакомцев?

— По крайней мере, никто из них не увивался вокруг дома. Конечно, в это время года по округе бродит масса людей. Часто видишь таких, которые с бесцельным видом передвигаются среди лунок для гольфа или вдоль берега моря. Поэтому в это время года незнакомые люди не являются чем-то из ряда вон выходящим.

Мой друг задумчиво кивнул.

Инспектор Кроум попросил показать ему маршрут ежевечерней прогулки сэра Кармайкла Кларка. Франклин пошел первым, а мисс Грей тоже решила присоединиться к нам. Мы с ней немного отстали от основной группы.

— Вы все, наверное, пребываете в жутком шоке, — заметил я.

— Все это кажется просто невероятным. Я уже легла, когда полиция позвонила вчера вечером. А потом я услышала внизу голоса и в конце концов

спустилась, чтобы узнать, что же произошло. Мистер Кларк и Деверил, вооруженные фонарями, как раз собирались выходить.

— А когда сэр Кармайкл обычно возвращался с прогулки?

— Где-то без четверти десять. Обычно он входил через боковую дверь. Он или шел прямо в постель, или проходил в галереи, где располагалась его коллекция. Именно поэтому, если бы не позвонили из полиции, никто бы не заметил, что его нет, до момента, когда бы его пришли будить утром.

— Для его жены это должно быть ужасно.

— Почти все время леди Кларк находится под воздействием морфина. Мне кажется, что она в состоянии такого оцепенения, что плохо понимает, что происходит вокруг нее.

Через садовую калитку мы вышли на поля для гольфа. Пройдя вдоль их края и перебравшись через изгородь, мы оказались перед крутой и извилистой дорогой.

— Она ведет вниз, к пещере Элбери, — объяснил Франклин Кларк. — Правда, два года назад построили новую дорогу, которая теперь ведет и до пляжа Броудсэндс, и до Элбери, поэтому этой практически никто не пользуется.

Мы двинулись вниз по дороге. В конце ее тропинка шла между колючими кустами ежевики и папоротника к морю. Неожиданно мы вышли на покрытый травой мыс, с которого открывался невероятный вид на море и пляж, состоявший из белых камней, сверкавших в солнечных лучах. Вечнозеленые деревья спускались прямо к воде. Место было потрясающим: здесь соединялись темно-зеленый цвет деревьев, белый — прибрежной гальки и сапфировый — моря.

— Как красиво! — невольно воскликнул я.

— Ведь правда? — Кларк с энтузиазмом повернулся ко мне. — И зачем только люди едут на Ривьеру, когда у них есть такая красота! В свое время я объехал весь белый свет и, клянусь богом, нигде такого не видел.

А затем, как бы устыдившись своего порыва, он сказал уже более безразличным голосом:

— Вот здесь мой брат обычно гулял по вечерам. Он доходил до этого места, затем поднимался вверх по тропинке и поворачивал направо. Проходил мимо фермы и через поле попадал прямо к дому.

Мы пошли этим путем и вскоре подошли к месту около живой изгороди, где и было найдено тело убитого.

— Все очень просто, — кивнул Кроум. — Убийца прятался в тени. Ваш брат ничего и не заметил, пока не получил этот удар.

Девушка, стоявшая рядом со мной, вздрогнула.

— Держитесь, Тора, — сказал ей Кларк. — Все это ужасно, но не имеет смысла прятать голову под крыло.

Тора Грей — это имя ей очень шло.

Мы вернулись в дом, куда тело перенесли после того, как сфотографировали на месте преступления.

Как раз когда мы поднимались по широкой лестнице, из дверей одной из комнат вышел врач, держа в руках черный саквояж.

— Что-нибудь расскажете, доктор? — спросил Кларк.

— Очень простой случай, — покачал головой доктор. — Технические подробности я приберегу для досудебного разбирательства. В любом случае, он не испытывал страданий. Смерть наступила мгновенно. Я пойду и навещу леди Кларк, — продолжил он и прошел мимо нас.

Из комнаты, расположенной дальше по коридору, вышла медицинская сестра, и он присоединился к ней.

Все мы вошли в комнату, из которой вышел

доктор.

Я почти сразу же вышел из нее. Тора Грей все еще стояла на верхней площадке лестницы. На ее лице было странное испуганное выражение.

— Что-то случилось, мисс Грей? — поинтересовался я.

— Я думала, — ответила девушка, взглянув на меня, — я думала о «D».

— О «D»? — не сразу сообразил я.

— Да, о следующем убийстве. Что-то необходимо сделать. Этому надо положить конец.

Сзади меня из комнаты вышел Кларк.

— Чему надо положить конец, Тора? — спросил он.

— Этим кошмарным убийствам.

— Согласен. — Его нижняя челюсть агрессивно выдвинулась вперед, и он повернулся ко мне. — Я хотел бы переговорить с месье Пуаро на эту тему. Что вы думаете об этом Кроуме?

Вопрос прозвучал совершенно неожиданно. Я ответил, что Кроум на хорошем счету в Скотленд-Ярде, однако мой голос, наверное, звучал не так уверенно, как должен был бы звучать.

— У него очень неприятные манеры, — заметил Кларк. — Ведет себя так, как будто ему все известно наперед. А что ему известно, в конце концов?

Совсем ничего, насколько я могу судить… Я делаю ставку на Пуаро, — добавил он, помолчав немного. — У меня есть план. Мы обсудим его позже.

После этого он прошел дальше по коридору и постучал в ту же дверь, в которую раньше вошел доктор. Я остался стоять в нерешительности, а девушка смотрела прямо перед собой.

— О чем вы думаете, мисс Грей?

Она подняла на меня глаза.

— Я думаю, где бы он мог сейчас быть. Я имею в виду убийцу. После всего случившегося не прошло еще и двенадцати часов… Боже мой! Ну неужели не существует таких ясновидящих, которые могли бы разглядеть, где он сейчас… и что делает?

— Полиция занимается розыском… — начал я.

Эти самые обычные слова нарушили все очарование момента. Тора Грей взяла себя в руки.

— Конечно, — сказала она. — Вы правы.

И она спустилась по ступенькам. Я еще постоял на верхней площадке лестницы, мысленно повторяя ее слова. А. В.С. Где же он теперь?

Глава XVI
(написано не от имени капитана Гастингса)

Вместе с остальными зрителями мистер Александр Бонапарт Каст вышел из павильона в Торки, в котором он наслаждался просмотром этого очень эмоционального художественного фильма «Ни одна птица». Он заморгал, выйдя на полуденный солнечный свет, и оглянулся с тем видом потерявшейся собаки, который был для него столь характерен.

— А что, это идея, — пробормотал он себе под нос.

Мимо него с криками «Последние новости… Маньяк-убийца в Керстоне…» промчались мальчишки-газетчики. На груди у них висели объявления, на которых было написано:

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ О КЕРСТОНСКОМ УБИЙСТВЕ

Мистер Каст порылся в карманах, нашел монетку и купил газету, однако не стал сразу же открывать ее.

Войдя в Принцесс-гарденс, он медленно прошел под навес, откуда открывался вид на Торбэйский залив. Усевшись, он наконец раскрыл газету.

Сначала шли крупные заголовки:

УБИТ СЭР КАРМАЙКЛ КЛАРК

УЖАСНАЯ ТРАГЕДИЯ В КЕРСТОНЕ

ДЕЙСТВУЕТ МАНЬЯК-УБИЙЦА

После этого шла сама статья:

> Всего месяц назад Англия была потрясена и шокирована убийством Элизабет Барнард, молодой девушки, которое произошло в Бэксхилле. Читатели, наверное, помнят, что рядом с телом жертвы был обнаружен алфавитный железнодорожный справочник. Такой же справочник был найден и рядом с телом сэра Кармайкла Кларка – поэтому полиция склоняется к тому, что оба убийства были совершены одним и тем же лицом. Возможно ли, что маньяк-убийца бродит рядом с нами по нашим приморским курортам?..

Молодой человек во фланелевых брюках и ярко-синей рубашке, пропитанной «аэротек-

сом»[56], который сидел рядом с мистером Кастом, заметил:

— Паршивое дело, а?

Мистер Каст подпрыгнул от неожиданности.

— Да, очень, очень…

Молодой человек заметил, что руки его собеседника тряслись так, что он с трудом мог держать газету.

— С этими психами никогда не знаешь точно, — продолжил молодой человек светским тоном. — Знаете ли, ведь они не всегда выглядят ненормальными. Иногда ничем не отличаются от нас с вами…

— Наверное, вы правы, — согласился мистер Каст.

— Точно вам говорю. Иногда это они от войны. Не могут прийти в себя после нее.

— Соглашусь с вами.

— Мне войны совсем не нравятся, — заметил молодой человек.

Его сосед повернулся к нему.

— А мне не нравятся эпидемии чумы, и сонная болезнь, и голод, и рак… но они все равно случаются!

---

[56] Сноски: 56
Средство против сминания ткани.

— Но войны-то можно предотвратить, — с уверенностью заявил молодой человек.

Мистер Каст рассмеялся. Какое-то время он не мог остановиться. Молодой человек слегка насторожился.

«Кажется, ты сам тоже не в себе», — подумал он про себя.

— Простите, сэр, — вслух произнес он. — Наверное, вы воевали…

— Воевал, — ответил мистер Каст. — И это несколько… несколько выбило меня из колеи. Голова моя так с тех пор и не восстановилась. Знаете, она иногда болит. Ужасно болит.

— Ой! Мне очень жаль, — неуклюже произнес молодой человек.

— И иногда я с трудом понимаю, что делаю…

— Неужели?.. Знаете, мне, кажется, уже пора. — Молодой человек поспешно встал. Он знал, во что могли превратиться люди, когда начинали рассказывать о своем здоровье.

Мистер Каст остался наедине со своей газетой.

Он читал ее и перечитывал…

Перед ним взад-вперед ходили люди. Большинство из них обсуждало убийство.

— Ужасно… Как ты думаешь, китайцы не имеют к этому отношения? Та официантка в китайском

кафе, разве она…

— И прямо на поле для гольфа…

— А я слышал, что это случилось на берегу…

— Но, дорогой, мы только вчера ездили пить чай в Элбери…

— Полиция уверена, что поймает его…

— Говорят, что его могут арестовать с минуты на минуту…

— Вполне вероятно, что он в Торки… та, другая женщина… ну, которая убила… как их, черт побери, звали…

Мистер Каст аккуратно сложил газету и положил ее на скамейку. Затем он встал и неторопливым шагом направился в сторону города.

Мимо него проходили девушки. Они были одеты в белые, голубые и розовые летние платья, пижамы или шорты. Они веселились и хихикали. Их глаза оценивали мужчин, мимо которых они проходили.

Но их глаза ни на секунду не задержались на мистере Касте…

Мужчина присел за маленький столик и заказал чай и девонширские сливки.

Глава XVII
Ожидание

После убийства сэра Кармайкла Кларка загадка А. В.С. была на первых полосах всех газет. Они просто больше ни о чем не писали. Постоянно сообщалось о разного рода «уликах», которые якобы находили. Сообщалось о скорых и неминуемых арестах.

Газеты пестрели фотографиями людей и мест, которые имели хоть какое-то отношение к убийствам. Публиковались интервью с любым, кто соглашался его дать. Были даже сделаны запросы в парламент.

Убийство в Андовере все еще никак не соединяли с последующими двумя.

В Скотленд-Ярде считали, что абсолютная публичность была единственным надежным способом обнаружить убийцу. Все население Великобритании превратилось в армию ищеек-любителей.

«Дейли фликер» набралась наглости и напечатала заголовок

«ОН МОЖЕТ БЫТЬ В ВАШЕМ ГОРОДЕ!»

Естественно, что имя Пуаро упоминалось сотни раз в день. Публиковались факсимиле писем, которые направлялись в его адрес. С одной стороны, его всячески оскорбляли за то, что он не смог предотвратить преступления, с другой — превозносили за то, что он вот-вот арестует преступника.

Журналисты безуспешно пытались получить у него интервью.

В газетах появлялись заголовки:

«ЧТО НАМ СЕГОДНЯ РАССКАЗАЛ МЕСЬЕ ПУАРО»

После этого обычно помещали полколонки несусветных глупостей.

ПУАРО
МРАЧНО СМОТРИТ НА СИТУАЦИЮ

ПУАРО НА ПОРОГЕ УСПЕХА

КАПИТАН ГАСТИНГС, БОЛЬШОЙ ДРУГ МЕСЬЕ ПУАРО, РАССКАЗАЛ НАШЕМУ СПЕЦИАЛЬНОМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ…

— Пуаро! — воскликнул я, увидев это. — Клянусь, что я ничего подобного не говорил.

На это мой друг терпеливо ответил:

— Я знаю, Гастингс, я все знаю. Существует ко-

лоссальная пропасть между словом произнесенным и словом напечатанным. Иногда сказанные вами предложения переворачиваются так, что истинное значение полностью извращается.

— Мне бы не хотелось, чтобы вы думали, что я мог сказать нечто подобное.

— Не волнуйтесь. Все это неважно. Более того, эти глупости могут нам даже помочь.

— Каким образом?

– *Eh bien*, — сурово сказал сыщик, — если наш сумасшедший прочитает в сегодняшней газете всю ту ахинею, которую я якобы сказал, то он потеряет ко мне всякое уважение как к возможному противнику!

У вас может создаться впечатление, что никаких практических шагов по розыску преступника вообще не предпринималось. Совсем наоборот, Скотленд-Ярд и местные полицейские управления нескольких графств внимательнейшим образом изучали малейшие улики. Работники гостиниц и владельцы частных пансионатов на значительном расстоянии от места совершения преступлений были тщательнейшим образом допрошены. Сотни историй, рассказанных людьми с неуемным воображением, о том, что они видели «очень странно выглядевшего мужчину с вра-

щающимися глазами» или «заметили мужчину со зловещим лицом, крадущегося вдоль...» были проверены до мельчайших деталей. Никакая информация, даже самая туманная, не оставалась без внимания. Поезда, автобусы, трамваи, носильщики, кондукторы, сотрудники книжных лавок и газетных киосков — все тщательно обследовалось и подвергалось допросу.

В результате этих розысков был задержан целый ряд людей, которые были отпущены только после того, как смогли удовлетворительно ответить на вопросы полиции относительно места их нахождения и действий в момент свершения преступлений.

И нельзя сказать, что не было получено вообще никакого результата. Некоторые факты были взяты на карандаш и отложены, как имеющие определенную ценность, но без дальнейших свидетельств они ничего не могли дать.

Но если Кроум и его коллеги работали не покладая рук, то Пуаро, на мой взгляд, вел себя на удивление бездеятельно. Мы даже время от времени спорили с ним из-за этого.

— Но, мой друг, чего же вы ждете от меня? Полиция лучше, чем я, может проводить рутинные опросы. Вы всегда, всегда хотите, чтобы я носился

везде, как охотничья собака, идущая по следу.

— А вместо этого вы сидите дома, как… как…

— Как мудрый человек. Моя сила, Гастингс, в моей голове, а не в моих ногах. Все то время, когда вы считаете, что я ничего не делаю, я размышляю!

— Размышляете? Вы что, считаете, сейчас подходящее время для размышлений?

— Да, Гастингс, тысячу раз да!

— Но что эти размышления могут вам дать? Вы же знаете обстоятельства всех трех преступлений наизусть.

— А я размышляю не о фактической стороне дела, а о мыслях преступника.

— О мыслях сумасшедшего?!

— Вот именно. И именно потому, что мне не так легко их понять. Но когда я пойму, что из себя представляет этот убийца, я смогу его найти. И с каждым преступлением мы узнаем о нем чуточку больше. Что мы знали о нем после убийства в Андовере? Да почти ничего. После преступления в Бэксхилле? Чуточку больше. После убийства в Керстоне? Еще больше. Я начинаю постепенно видеть, различать — но не то, чего ждете вы. Не его фигуру или абрис его лица. Я начинаю понимать его мысли. Мысли, которые двигаются и

работают в определенных направлениях. После следующего преступления…

— Пуаро!

— А что вы хотите, Гастингс? — Мой друг бесстрастно посмотрел на меня. — Я почти уверен, что произойдет еще одно преступление. Конечно, многое здесь зависит от случая. Пока нашему противнику везло. На этот раз, кто знает, может быть, удача от него отвернется. Но в любом случае после нового преступления мы будем знать еще больше. Ведь преступление — это, в сущности, очень разоблачительное действо. Вы можете менять свои методы, точно так же, как меняете свои вкусы, свои привычки, свой образ мыслей, но в конце концов вас выдадут ваши действия. Сейчас я сталкиваюсь с некоторыми взаимоисключающими фактами, как будто действовал не один, а два человека, но скоро контуры прояснятся, и я пойму…

— Поймете, кто это?

— Нет, Гастингс! Ни его имя, ни его адрес не явятся мне в моих размышлениях. Но я пойму, что это за человек.

— А что потом?

– *Et alors, je vais a la police*[57].

Вид у меня, по-видимому, был довольно глупый, поэтому мой друг продолжил:

— Вы же знаете, Гастингс, что хороший рыбак всегда точно знает, какой рыбе предложить какую муху. И я предложу ему правильную приманку.

— А что потом?

— А что потом, а что потом… Вы ничем не отличаетесь от этого зазнайки Кроума, с его постоянным «да неужели?». *Eh bien*, а потом он заглотит наживку вместе с крючком, и мы потянем за леску.

— А пока люди будут умирать…

— Пока мы говорим о трех жертвах. А на дорогах еженедельно погибает около ста сорока человек.

— Но ведь это совсем другое дело.

— Для тех, кто умирает, разницы нет никакой. Для остальных, для близких и друзей, разница действительно существует. Но меня во всем этом радует одна вещь.

— Буду рад услышать хоть что-то радостное.

— Этот ваш сарказм совсем ни к чему. Меня радует то, что в нашем случае невинные люди не

---

[57] Сноски: 57
А потом я отправлюсь в полицию *(фр.)*.

подвергаются преследованиям.

— Но ведь это плохо, когда совсем нет подозреваемых.

— Нет, нет и еще раз нет! Нет ничего страшнее, чем жить в атмосфере постоянного подозрения, чувствовать на себе подозревающие взгляды и самому подозревать тех, кто тебе близок и дорог… Это совершенно отвратительная атмосфера. Так что по крайней мере мы не можем обвинить А.В.С. в том, что он отравляет жизнь невинных людей.

— Вы скоро начнете искать для него оправдания, — горько заметил я.

— А почему бы и нет? Ведь сам он наверняка считает свои действия абсолютно оправданными. И не исключаю, что в какой-то момент мы начнем симпатизировать его точке зрения.

— Послушайте, Пуаро, это уже слишком!

— Увы! Вы на меня рассердились. Сначала мое бездействие, а потом мои взгляды…

Ничего не отвечая, я только покачал головой.

— Но, несмотря ни на что, у меня есть один план, который вас, несомненно, порадует, поскольку он подразумевает действие, а не созерцание. Кроме того, нам не придется думать, а только говорить.

Тон его мне не очень понравился, поэтому я

осторожно спросил:

— И что это за план?

— План получения от друзей, родственников и слуг убитых всей информации, которой они располагают.

— А вы что, подозреваете, что они чего-то недоговаривают?

— Ни в коем случае; по крайней мере — не специально. Но рассказать все это — значит сделать определенный выбор. Если бы я попросил вас, расскажите мне, как вы провели вчерашний день, то, скорее всего, вы бы ответили: встал в девять утра, позавтракал в половине десятого — съел на завтрак яичницу с ветчиной и выпил кофе. Потом поехал в клуб и так далее… Вы ведь не станете рассказывать мне о том, что сломали ноготь, что у вас кончилась горячая вода для бритья, что вы пролили немного кофе на скатерть, что вы почистили вашу шляпу, прежде чем ее надеть… Все рассказать просто невозможно, и именно поэтому человек всегда выбирает, о чем говорить. Когда речь идет об убийстве, люди обычно рассказывают то, что они считают важным. Но очень часто они в своем выборе ошибаются!

— Ну и каким же образом можно узнать необходимые вещи?

— Очень просто. Как я только что сказал — разговаривая! Обсуждая какое-то событие, или каких-то людей, или какое-то время; обсуждая все это снова и снова — и тогда вы наверняка обнаружите новые детали.

— И какие же детали?

— Естественно, я не знаю какие — если б я знал, то мне не нужно было бы их узнавать. Прошло уже достаточно много времени, чтобы все опять стало на свои места. То, что во всех трех случаях мы не имеем ни одной улики или не слышали ни одной фразы, имеющих непосредственное отношение к преступлениям, противоречит законам математической логики. Наверняка произошла какая-то тривиальная вещь или прозвучала какая-то тривиальная фраза, которая сможет указать нам на разгадку. Я понимаю, что это похоже на поиски иголки в стогу сена, но на этот раз мы хотя бы точно знаем, что она там есть.

Для меня все это выглядело очень смутным и непонятным.

— Вы не понимаете? Даже простая служанка, Гастингс, оказалась догадливее вас…

Пуаро протянул мне письмо. Оно было написано аккуратным ученическим почерком:

УВАЖАЕМЫЙ СЭР!

Надеюсь, что вы извините меня за то, что взяла на себя смелость написать вам. Я много думала после того, как эти двое бедняг были убиты, как и моя несчастная тетушка. Мне думается, что теперь мы все оказались в этой самой одной лодке. В газете я увидела портрет молодой леди, той молодой леди, которая сестра той молодой леди, которую убили в Бэксхилле. И я набралась смелости и написала ей, и сообщила, что скоро приеду в Лондон в поисках работы. И спросила, могу ли я встретиться с нею или с ее несчастной матушкой, потому что одна голова хорошо, но две точно лучше, и что мне ничего не надо, кроме как найти этого негодяя, и что, может быть, нам двоим это лучше удастся, если мы поделимся тем, что сами знаем.

Молодая леди очень хорошо мне ответила и написала, что работает в Лондоне в офисе, а живет в гостинице, и посоветовала написать вам. А еще она написала, что сама думает об том же самом. И написала, что мы в одной беде и должны

держаться дружка за дружку. Вот я и пишу, сэр, чтобы сказать, что еду в Лондон и вот мой адрес.

Надеюсь, что не очень досаждаю вам.

Уважающая вас, Мэри Дроуэр.

— Мэри Дроуэр — девушка очень умная, — заметил Пуаро.

После этого он предложил мне прочитать еще одно письмо.

На этот раз письмо было от Франклина Кларка, в котором он сообщал о своем приезде в Лондон и просил Пуаро встретиться с ним на следующий день, если это ему удобно.

— Не расстраивайтесь, *mon ami*, — сказал мой друг. — Все только начинается.

Глава XVIII
Пуаро произносит речь

Франклин Кларк появился у нас в доме в три часа пополудни и сразу перешел к делу, взяв быка за рога.

— Месье Пуаро, — сказал он, — я очень недоволен.

— Недовольны, мистер Кларк?

— Я не сомневаюсь в том, что Кроум достойный офицер, но, по правде сказать, он меня уже достал. Этот его вид всезнайки!.. Когда вы были в Керстоне, я намекнул кое на что вашему другу, но до сего дня я был слишком занят тем, что утрясал все дела своего брата. Моя идея, месье Пуаро, состоит в том, что негоже нам ждать у моря погоды.

— То же самое мне всегда говорит Гастингс!

— Нам надо думать о будущем и готовиться к следующему преступлению.

— Так вы считаете, что следующее преступление неизбежно?

— А вы как думаете?

— Совершенно с вами согласен.

— Очень хорошо. Именно поэтому я и предла-

гаю организоваться.

— Расскажите мне о вашей идее поподробнее.

— Я предлагаю, месье Пуаро, создать спецкоманду из друзей и родственников убитых, которая будет работать под вашим руководством.

– *Une bonne idée*[58].

— Рад, что вы ее одобряете. Думаю, что, объединив наши усилия, мы сможем хоть чего-то достичь. Кроме того, когда придет предупреждение о следующем преступлении, один из нас, находящийся поблизости, сможет — я не говорю, что это обязательно произойдет, но, может быть, сможет — опознать кого-то, кто присутствовал при совершении предыдущих преступлений.

— Я вас понимаю и приветствую ваше начинание. Однако, мистер Франклин, вы должны помнить, что родственники и друзья других жертв не являются вашей собственностью. Это все работающие люди, и хотя думаю, что они и смогут получить короткий отпуск…

— Я именно об этом, — прервал его Франклин Кларк. — Так уж получилось, что я единственный из нас, кто способен платить по счетам. Не думайте, что я такой уж богач, но мой брат

---

[58] Сноски: 58
Хорошая идея *(фр.)*.

умер богатым человеком, и все его состояние достанется мне. Как я сказал, я предлагаю создать специальную команду, члены которой будут получать жалованье за свои труды. Это жалованье не будет ниже их нынешнего, и, кроме того, их расходы тоже будут оплачиваться.

— Кого вы предлагаете включить в команду?

— Я уже думал об этом. Дело в том, что я написал мисс Меган Барнард, и это отчасти и ее идея. Предлагаю себя, мисс Барнард, мистера Дональда Фрайзера, который был обручен с убитой девушкой; кроме того, есть еще племянница женщины, убитой в Андовере, — у мисс Барнард есть ее адрес. Думаю, что муж убитой нам не помощник — как я слышал, он все время пьян. Я также думаю, что Барнарды, отец и мать убитой, немного староваты для такой активной работы.

— Кто-нибудь еще?

— Ну, и еще мисс Грей.

Он слегка покраснел, произнеся это имя.

— Ах вот как, мисс Грей?

Никто в мире не может лучше Пуаро добавить в свои слова самую чуточку иронии. Франклин Кларк словно помолодел лет на тридцать пять. Внезапно он превратился в застенчивого школьника.

— Да, мисс Грей. Понимаете, она была с моим братом последние два года. Она знает местность и местных жителей и все такое прочее. Меня же в течение полутора лет здесь не было.

Мой друг пожалел Кларка и решил сменить тему разговора:

— Вы были на Востоке? В Китае?

— Да. У меня было своего рода задание: приобретать экспонаты для коллекции брата.

— Наверное, это было очень интересно. *Eh bien*, мистер Кларк, я полностью поддерживаю вашу идею. Только вчера я говорил Гастингсу, что нам необходимо еще раз встретиться со всеми заинтересованными людьми. Необходимо, чтобы люди начали вспоминать, чтобы они сравнивали свои впечатления, чтобы еще раз проговорили все происшедшее; чтобы говорили, говорили и еще раз говорили… Просветление может принести самая на первый взгляд невинная фраза.

Через несколько дней на квартире Пуаро состоялась первая встреча «специальной команды».

Пока все сидели, преданно глядя на маленького бельгийца, который, словно председатель совета директоров, восседал во главе стола, я рассматривал их со стороны, чтобы подтвердить или изменить свои первые впечатления от встречи

с ними.

Все три девушки, сидящие за столом, были по-своему экстраординарны: и мисс Тора Грей, со своей выдающейся красотой, и полная огня мисс Барнард, со своим невозмутимым, как у красно-кожего индейца, лицом, и аккуратно одетая в черный пиджак и юбку Мэри Дроуэр, с хорошеньким и умным личиком. Большой, бронзоволицый и шумный Франклин Кларк был прямой противоположностью Дональду Фрэйзеру, тихому и полностью погруженному в себя.

Конечно, Пуаро не смог побороть искушение и произнес небольшую речь:

— Дамы и господа! Все вы знаете, для чего мы здесь сегодня собрались. Полиция делает все, что в ее силах, для того чтобы обнаружить убийцу. Я тоже занимаюсь этим, только по-своему. Но мне кажется, что союз тех, кто имеет персональную заинтересованность в раскрытии преступлений, а также близко и хорошо знал убитых, может дать результаты, которых никогда не получит «внешнее расследование». Мы говорим о трех убийствах: старой женщины, молодой девушки и пожилого джентльмена. Их связывает только одно — то, что убил их один и тот же человек. А это значит, что один и тот же человек был в трех раз-

ных местах, где его видело большое количество людей. То, что это человек сумасшедший, с сильно запущенной манией, не вызывает сомнения. То, что его внешний вид и поведение никак на это не указывают, тоже очевидно. Этот человек — и хотя я все время употребляю мужской род, это может быть как мужчина так и женщина — обладает всей той хитростью и изворотливостью, которыми может обладать больное сознание. До сих пор ему удавалось полностью скрывать свои следы. У полиции есть какие-то смутные подозрения, но нет ничего, что дало бы ей возможность действовать. Однако нам необходимы не смутные подозрения, а реальные факты. Только один пример: убийца не мог в полночь появиться в Бэксхилле и немедленно наткнуться на пляже на девушку, чья фамилия начинается с буквы «В».

— А что, это тоже необходимо обсуждать? — с мучением выдавил из себя Дональд Фрэйзер.

— Обсуждать необходимо абсолютно все, месье, — повернулся к нему Пуаро. — Вы здесь не для того, чтобы щадить свои чувства, не думая о деталях, а для того, чтобы, возможно, еще более ранить их, углубляясь в эти детали. Как я уже сказал, Бетти Барнард попала в лапы А. В.С. совсем не случайно. Наверняка он проводил тщатель-

ный отбор, а значит, задумал все это заранее. То есть он, если можно так сказать, заранее провел разведку на местности. Ведь существуют факты, о которых ему просто необходимо было знать заранее: например, время, когда лучше всего было совершить убийство в Андовере, *mise en scène*[59] в Бэксхилле, привычки сэра Кармайкла Кларка в Керстоне. Я, например, отказываюсь верить, что нет абсолютно никаких возможностей, чтобы определить его личность. Я полагаю, что вполне вероятно, что каждый из вас знает что-то, о чем он сам сейчас просто не подозревает. Уверен, что рано или поздно, благодаря вашему общению друг с другом, что-то появится — что-то, что впоследствии окажется невероятно важным. Это похоже на головоломку — у каждого из вас есть сейчас ее часть, которая может казаться вам бесполезной, но когда они все соединятся вместе, то мы увидим значительную часть всей картины.

— Слова! — сказала Меган Барнард.

— Простите? — Пуаро вопросительно посмотрел на нее.

— Все, что вы сейчас сказали, — это просто слова, которые не имеют никакого практического

---

[59] Сноски: 59
Мизансцену *(фр.)*.

значения. — Она произнесла это с той мрачной и отчаянной энергией, которая у меня прочно ассоциировалась с ее образом.

— Слова, мадемуазель, это только одежды, в которые рядятся мысли.

— А мне кажется, что в этом есть смысл, — сказала Мэри Дроуэр. — Правда, мисс. Очень часто, когда долго о чем-то говоришь или думаешь, внезапно появляется решение. Ваше сознание иногда само выполняет за вас работу, а вы даже не подозреваете об этом. Обсуждение всегда ведет ко множеству тех или иных результатов.

— Хотя и говорят, что разговоры только вредят делу, давайте будем разговаривать, — вступил в беседу Франклин Кларк.

— А что вы думаете по этому поводу, месье Фрэйзер?

— Сомневаюсь, что в том, что вы сказали, месье Пуаро, есть большой практический смысл.

— А вы как думаете, Тора? — спросил Кларк.

— Мне кажется, что принцип обсуждения произошедшего еще никому не вредил.

— В таком случае, — предложил мой друг, — пусть каждый из вас поточнее вспомнит, что происходило непосредственно перед убийством. Давайте начнем с вас, мистер Кларк.

— Дайте-ка вспомнить… Утром того дня, когда Кара убили, я пошел поплавать под парусами. Заодно поймал восемь макрелей. На заливе было просто прекрасно. Второй завтрак я съел дома… насколько я помню, подавали ирландское рагу. Потом поспал в гамаке. Выпил чай. Написал несколько писем, но пропустил почту, поэтому пришлось ехать в Пейнтон, чтобы послать их. Потом был обед, а после него, не побоюсь в этом признаться, я перечитывал книгу Эдит Несбит[60], которую любил читать еще подростком. А потом зазвонил телефон…

— Нет, об этом пока не надо. А теперь постарайтесь вспомнить, мистер Кларк, вы кого-нибудь встретили, когда утром шли к морю?

— Массу людей.

— Они вам чем-то запомнились?

— Абсолютно ничем.

— Вы в этом уверены?

— Подождите, дайте подумать… Я помню невероятно толстую женщину в шелковом полосатом платье… я еще подумал, зачем она его надела… с ней было двое детей… Потом были двое молодых

---

[60] Сноски: 60

Эдит Несбит (1858–1924) — известная английская писательница и поэтесса XIX в., автор более 60 книг для детей, многие из которых были адаптированы для кино и телевидения.

людей с фокстерьером на берегу… они бросали ему поноску… Ах да, девушка с желтыми волосами визжала во время купания… Странно, как все всплывает в памяти — как будто негатив проявляется…

— У вас прекрасно получается. Ну а позже: сад, посещение почты?

— Садовник поливал сад… Почта? Чуть не сбил велосипедиста… какая-то глупая женщина, раскорячившись, кричала на свою подругу…

Пуаро повернулся к Торе Грей.

— Ну а вы что скажете, мисс Грей?

— В то утро я занималась корреспонденцией с сэром Кармайклом, — ответила девушка своим чистым и уверенным голосом. — Потом встретилась с экономкой. По-моему, во второй половине дня я писала письма и немного вышивала. Сложно вспомнить что-то особенное… Это был совершенно обычный день. В постель я легла рано.

К моему удивлению, Пуаро не стал задавать ей никаких вопросов. Вместо этого он сказал:

— Мисс Барнард, не могли бы вы вспомнить обстоятельства, при которых в последний раз встречались с вашей сестрой?

— Думаю, что это было недели за две до ее смер-

ти. Я приехала из Лондона на выходные. Стояла прекрасная погода, и мы съездили в бассейн в Гастингсе.

— А о чем вы в основном говорили?

— Я пыталась вправить ей мозги, — ответила Меган.

Девушка нахмурилась, стараясь вспомнить подробности.

— Она говорила, что нуждается в деньгах из-за того, что купила новую шляпку и два летних платья. Немножко говорила о Доне… Она еще сказала, что ей очень не нравится Милли Хигли, эта девушка, которая работала с ней в кафе… Помню, мы еще посмеялись над этой Мэррион, которая управляет кафе… Боюсь, что больше ничего не помню.

— А она не говорила ни о каких мужчинах… простите меня, мистер Фрэйзер… с которыми собиралась встретиться?

— Мне она ничего не говорила, — сухо ответила Меган.

Пуаро повернулся к рыжеволосому молодому человеку с квадратной челюстью.

— Мистер Фрэйзер, я хотел бы, чтобы вы вернулись в прошлое. Вы говорили, что в тот трагический вечер пошли к кафе. Вы собирались

подождать возле него и проследить, как выйдет Бетти Барнард. А вы помните кого-нибудь, на кого обратили внимание, пока ждали ее?

— По набережной гуляло очень много людей, но никто из них мне не запомнился.

— Простите, а вы действительно пытаетесь вспомнить? Ведь независимо от того, насколько заняты ваши мысли, ваши глаза продолжают механически, но довольно точно фиксировать окружающее…

Молодой человек упрямо повторил:

— Я никого не запомнил.

Пуаро вздохнул и повернулся к Мэри Дроуэр:

— Полагаю, вы получали письма от вашей тетушки?

— Конечно, сэр.

— И когда вы получили последнее?

— За два дня до убийства, — ответила девушка после секундного размышления.

— А что было в этом письме?

— Она писала, что «старый дьявол» опять появился у нее и ей пришлось послать его куда подальше, простите за грубость, сэр. А еще она писала, что ждет меня в ближайшую среду, это был мой выходной, и что мы вместе пойдем в кино. В тот день был мой день рождения.

Что-то, может быть, мысль о том маленьком несостоявшемся празднике, заставило глаза Мэри наполниться слезами. Она чуть не всхлипнула, а затем извинилась за это.

— Вы должны простить меня, сэр. Я совсем не хочу казаться дурочкой и понимаю, что слезами делу не поможешь. Просто я вспомнила, как мы с ней ждали этого дня, и расстроилась, сэр.

— Я прекрасно вас понимаю, — заявил Франклин Кларк. — Всегда расстраивают именно воспоминания о каких-то обыденных вещах, особенно когда вспоминаешь о каком-то планировавшемся празднике, о чем-то веселом и приятном. Помню, как однажды я видел сбитую женщину, которая, видно, только что купила новые туфли. И вот я помню, как она лежала на земле, а из разорванной коробки рядом с нею выглядывали эти смешные вечерние туфельки на высоком каблуке… Помню, на меня это произвело впечатление — все было так патетично…

— Это верно, абсолютно верно, — произнесла Меган с какой-то неожиданной теплотой. — То же самое произошло и после смерти Бетти. В тот день мама купила ей чулки в подарок. Бедная мамочка, она была совсем убита… Когда я ее увидела, она рыдала именно над этими чулками, все

повторяя: «Я купила их для Бетти… Я купила их для Бетти, а она их так и не увидела…»

Голос Меган слегка задрожал. Она подалась вперед и посмотрела прямо на Франклина Кларка. Между ними явно возникла какая-то симпатия, этакое «братство по несчастью».

— Я понимаю, — проговорил Кларк. — Я очень хорошо понимаю. Именно такие вещи бывает труднее всего вспоминать.

Дональд Фрэйзер неловко пошевелился.

Тора Грей решила перевести разговор на другую тему.

— А мы не собираемся подумать о том, что будем делать дальше? — спросила она.

— Ну конечно. — Франклин Кларк заговорил в своей обычной манере. — Мне кажется, что когда наступит момент, то есть, я хочу сказать, придет четвертое письмо, нам надо будет объединить усилия. А до того мы все можем испытать нашу удачу поодиночке. Не знаю, как вы считаете, месье Пуаро, есть ли какие-то вещи, которые требуют, на ваш взгляд, дополнительного изучения?

— У меня есть несколько предположений, — ответил мой друг.

— Отлично. Тогда, с вашего позволения, я их запишу. — Кларк достал записную книжку. —

Слушаю вас, месье Пуаро. Итак?

— Мне кажется, что официантка, Милли Хигли, может знать что-то полезное.

— А. Милли Хигли… — записал Франклин Кларк.

— Предлагаю подойти к этому вопросу двумя способами. Вы, мисс Барнард, должны использовать то, что я бы назвал «агрессивным» подходом.

— Вы что, считаете, что такой подход больше подходит к моему характеру? — сухо поинтересовалась Меган.

— Затейте с этой девушкой ссору. Скажите, что знаете, что она никогда не любила вашу сестру и что ваша сестра все вам о ней рассказала. Если я не ошибаюсь, то такое заявление вызовет целый поток ответных обвинений. Она расскажет вам все, что думает о вашей сестре! Среди всего этого может проскочить и что-то полезное.

— Ну а второй способ?

— Не могу ли я попросить вас, мистер Фрэйзер, проявить к девушке личный интерес?

— А что, это так необходимо?

— Нет, конечно. Это просто еще один из способов получения информации.

— А можно я попробую? — спросил Фран-

клин. — У меня достаточно большой опыт в таких делах, месье Пуаро. Позвольте мне попытать счастья с этой молодой леди.

— У вас есть свои дела, которыми вам надо заниматься, — довольно резко заметила Тора Грей.

Было видно, что мужчина слегка расстроился.

— Да, — согласился он, — конечно.

– *Tout de même*[61], я не думаю, что вы сейчас можете принести много пользы, — заметил Пуаро. — Мне кажется, что мадемуазель Грей может добиться гораздо большего.

— Понимаете, месье Пуаро, — прервала его Тора, — дело в том, что я покинула Девон навсегда.

— Простите? Я вас не понял.

— Мисс Грей любезно согласилась помочь мне разобраться с делами покойного брата, — объяснил Франклин, — но всем понятно, что ей будет гораздо интереснее найти работу в Лондоне.

Пуаро бросил на них острый взгляд.

— А как себя чувствует леди Кларк? — неожиданно спросил он.

В этот момент я залюбовался легким румянцем на щеках Торы Грей и почти пропустил ответ Кларка.

---

[61] Сноски: 61
Кстати *(фр.)*.

— Довольно плохо. Кстати, месье Пуаро, не могли бы выкроить время и нанести ей визит в Девоне? Перед тем как я поехал сюда, она выразила желание встретиться с вами. Правда, иногда состояние ее здоровья не позволяет ей ни с кем видеться, и это может продолжаться даже в течение нескольких дней, но, может быть, вы все-таки рискнете? Естественно, за мой счет.

— Ну конечно, мистер Кларк. Послезавтра вас устроит?

— Отлично. Я сообщу об этом медицинской сестре, и она соответствующим образом подберет дозировку лекарств.

— А вы, дитя мое, — повернулся маленький бельгиец к Мэри, — можете сослужить нам хорошую службу в Андовере. Вам надо поработать с детьми.

— С детьми?

— Именно так. Дети ведь не любят говорить с незнакомыми людьми, а вас на улице, на которой жила ваша тетя, все хорошо знают. Там играет очень много детей — они могли заметить, кто входил и выходил из магазина вашей тетушки.

— А чем заняться нам с мисс Грей? — спросил Кларк. — Я, правда, пока не собираюсь возвращаться в Бэксхилл.

— Месье Пуаро, — вмешалась в разговор Тора Грей, — какой штамп стоял на последнем, третьем конверте?

— Путни, мадемуазель.

— S.W.15, Путни, правильно? — задумчиво повторила девушка.

— Это удивительно, но на этот раз газеты перепечатали адрес совершенно правильно.

— Не говорит ли это о том, что А. В.С. — житель Лондона?

— На первый взгляд вы правы.

— Надо постараться выманить его на свет божий, — предложил Кларк. — Послушайте, Пуаро, а что, если я помещу объявление? Что-то вроде: Срочно: вниманию *А. В.С.! Э. П. взял ваш след. 100 фунтов за мое молчание. Х. Y.Z.* Ну, то есть не так прямолинейно, но как вам сама идея? Ведь это может его выманить.

— Над этим стоит подумать. Несомненно.

— Он ведь может попытаться заставить меня замолчать.

— Мне кажется, что это очень опасно и очень глупо, — резко заметила Тора Грей.

— А вы как думаете, месье Пуаро?

— Я думаю, что попробовать не помешает. Хотя мне лично кажется, что А. В.С. слишком умен,

чтобы попасться на такую удочку. — Сыщик слегка улыбнулся. — Я вижу — только не обижайтесь на меня, мистер Кларк, — что вы так и остались ребенком в душе.

Франклин слегка смутился.

— Ну что же, — сказал он, заглядывая в свою записную книжку, — вот что у нас получилось для начала:

A. Мисс Барнард и Милли Хигли
B. Мистер Фрэйзер и Милли Хигли
C. Дети в Андовере
D. Объявление

Сам я не верю, что это нам что-нибудь даст, но этим можно заняться, пока мы ждем следующего письма.

Кларк встал, и через несколько минут наша встреча закончилась.

Глава XIX
Шведская интерлюдия

Что-то негромко напевая себе под нос, Пуаро вернулся в свое кресло.

— Очень жаль, что она так умна, — произнес он.

— О ком это вы?

— О Меган Барнард. Мадемуазель Меган. «Слова», — бросила она мне в лицо. Она сразу же поняла, что все, что я говорил, не имеет никакого отношения к делу. Все остальные мне поверили.

— Мне показалось, что все прозвучало очень убедительно.

— Убедительно — да. Просто она сразу же все раскусила.

— Так вы что, сами не верите в то, что говорили?

— Все, что я говорил, можно было сформулировать в одном коротком предложении. Вместо этого я повторял это разными словами снова и снова, и никто, кроме мадемуазель Меган, этого не заметил.

— Но зачем?

– *Eh bien*, для того чтобы сдвинуть дело с мертвой точки! Чтобы все поверили, что нам многое надо сделать! Для того чтобы все наконец стали общаться друг с другом!

— И вы думаете, что что-то из того, что сегодня обсуждалось, может дать результаты?

— Такое всегда возможно. — Пуаро закашлялся. — И теперь, посреди всей этой трагедии, наступил черед комедии.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду человеческую трагедию, Гастингс. Вы только задумайтесь на минуточку! Три совершенно разные группы людей объединены одной общей трагедией. А вслед за ней назревает еще одна. Вы помните мое первое дело в Англии, Гастингс? Это было уже так давно! Я ведь тогда заставил встретиться двух любящих друг друга людей, просто арестовав одного из них по обвинению в убийстве![62] Ничто другое не могло их объединить. Смерть дает начало новой жизни! Гастингс, а вы никогда не замечали, что убийство — это прекрасная сваха?

— Послушайте, Пуаро, — я был несколько шокирован его словами, — я уверен, что никто из

---

[62] Сноски: 62

Об этом рассказывается в романе А. Кристи «Загадочное происшествие в Стайлзе».

них не думал ни о чем, кроме…

— Мой дорогой друг! А сами вы о чем думали?

— Я?

– *Mais oui*, когда они разошлись, разве вы не вернулись в комнату, тихонько напевая себе под нос?

— Но ведь за это меня нельзя обвинить в бессердечии?

— Конечно, но эта песенка раскрыла мне ваши мысли.

— Да неужели?

— Именно так. Должен вам сказать, что напевать что-то себе под нос всегда очень опасно. Мне кажется, что мелодия, которую вы напевали, относится к военному времени. *Comme ça*[63]…

И Пуаро запел отвратительным фальцетом:

> *Я брюнетку любил, был доволен вполне,*
>
> *Но блондинка из Швеции глянулась мне…*

— Разве можно быть более откровенным? *Mais je crois que la blonde l'emporte sur la brunette*[64].

---

[63] Сноски: 63
Примерно так *(фр.)*.

[64] Сноски: 64
Думаю, что блондинка вполне перевешивает брюнетку *(фр.)*.

— Но послушайте, Пуаро… — воскликнул я, слегка покраснев.

– *C'est tout naturel*[65]. Вы заметили, как неожиданно проснулась во Франклине Кларке симпатия к мадемуазель Меган? Как он нагнулся вперед и посмотрел на нее? А вы заметили, как это разозлило мадемуазель Тору Грей? А мистер Дональд Фрэйзер, он…

— Пуаро, — заметил я, — вы неисправимо сентиментальны.

— Вот здесь вы ошибаетесь, Гастингс. Из нас двоих сентиментальны как раз вы.

Я был уже готов яростно возразить, но в этот момент дверь открылась. К моему удивлению, в комнату вошла Тора Грей.

— Простите меня за то, что я вернулась, — сдержанно произнесла девушка. — Но мне кажется, месье Пуаро, что я должна вам кое-что рассказать.

— Конечно, мадемуазель. Прошу вас, присаживайтесь.

Она уселась и несколько минут сидела молча, как будто подбирала слова.

— Дело вот в чем, месье Пуаро. Мистер Кларк

---

[65] Сноски: 65
Это вполне естественно *(фр.)*.

дал вам понять, что я покинула Комбсайд по своему собственному желанию. Он очень благородный и добрый человек. К сожалению, все дело в том, что это не совсем так. Я была готова остаться в доме — ведь коллекции сэра Кларка требуют постоянного внимания. Однако леди Кларк пожелала, чтобы я уехала. Конечно, я делаю скидку на то, что она очень больной человек и ее мозг находится под сильным влиянием тех препаратов, которые она принимает. Это делает ее капризной и подозрительной. У нее появилась необъяснимая ненависть ко мне, и она настояла, чтобы я немедленно покинула дом.

Я не мог не восхищаться смелостью этой девушки. Она даже не пыталась приукрасить факты, что на ее месте сделали бы многие, но перешла к самой сути вопроса с восхитительной отвагой. Моя симпатия и восхищение были полностью на ее стороне.

— Я восхищаюсь тем, что вы решились прийти и рассказать нам об этом, — сказал я.

— Всегда лучше знать правду. — Девушка слегка улыбнулась. — Мне бы не хотелось прятаться за благородством мистера Кларка. Он настоящий рыцарь.

В ее словах чувствовалось теплота. Было видно,

что она искренне восхищается Франклином.

— Вы очень откровенны, мадемуазель, — заметил Пуаро.

— Для меня это настоящий удар, — печально призналась мисс Грей. — Я никогда не думала, что леди Кларк так меня ненавидит. Более того, мне всегда казалось, что она мне симпатизирует. — Лицо ее стало жестким. — Век живи, век учись… Вот и все, что я хотела вам рассказать. Всего хорошего, — девушка встала.

Я проводил ее до входной двери и, возвращаясь в комнату, заметил:

— Я бы сказал, что с ее стороны это очень рискованно. У этой девушки, несомненно, есть мужество.

— И расчетливость.

— Что вы хотите этим сказать?

— Хочу сказать, что она умеет смотреть вперед.

— Она очаровательная девушка, — сказал я в ответ, с сомнением посмотрев на маленького бельгийца.

— И одевается восхитительно. Это платье из «креп марокен»[66] и лисий воротник, *dernier*

---

[66] Сноски: 66

Плательная ткань с мелким волнистым рубчиком по ширине, из креповой пряжи.

cri![67]

— Вы настоящая модистка в мужском обличье, Пуаро. Я вот, например, никогда не замечаю, что надето на людях.

— Тогда вам надо жить на нудистском пляже.

Но когда я уже был готов дать ему достойный ответ, он неожиданно поменял предмет разговора:

— Знаете, Гастингс, я никак не могу избавиться от впечатления, что уже сегодня во время наших разговоров было произнесено что-то очень важное. Странно, но я никак не могу точно определить, что это было. Просто какое-то впечатление, которое промелькнуло у меня в голове. Что-то, что напомнило мне о чем-то, что я уже слышал, или видел, или заметил сам.

— Это связано с Керстоном?

— Нет, не с Керстоном… До него… Ладно, неважно. Рано или поздно я это вспомню.

Он посмотрел на меня (проверяя, насколько внимательно я его слушаю) и снова замурлыкал:

Я брюнетку любил, был доволен вполне,

Но блондинка из Швеции глянулась

---

[67] Сноски: 67
Модный *(фр.)*.

мне...

— Пуаро, — воскликнул я, — а не пошли бы вы к черту!

Глава XX
Леди Кларк

По сравнению с нашим первым посещением сейчас Комбсайд выглядел погруженным в глубокую и устойчивую меланхолию. Возможно, что в каком-то смысле это впечатление навевалось погодой — стоял серый сентябрьский день и воздух был напоен влагой. Было видно, что наступающая осень тоже внесла свою лепту в эту меланхолию.

Комнаты на нижнем этаже были заперты, а их окна плотно закрыты ставнями. Та, в которую нас привели, была душной, и в ней стоял запах сырости.

К нам вышла профессионального вида медицинская сестра, которая на ходу поправляла свои накрахмаленные манжеты.

— Месье Пуаро? — коротко уточнила она. — Я сестра Капстик. Мистер Кларк сообщил мне о том, что вы приедете.

Мой друг поинтересовался здоровьем леди Кларк.

— Вы знаете, не так плохо, если принять все во

внимание.

Я подумал, что «принять во внимание» надо было то, что женщина была приговорена к смерти.

— Конечно, мы не можем надеяться на серьезные улучшения, но некоторые виды лечения слегка облегчают ей жизнь. Доктор Логан вполне удовлетворен ее состоянием.

— Но ведь полностью поправиться она никогда не сможет, не правда ли?

— Знаете, мы так никогда не говорим. — Было видно, что сестра Капстик шокирована прямотой моего друга.

— Думаю, что смерть мужа оказалась для нее серьезным ударом?

— Знаете, месье Пуаро, не таким сильным, как это было бы в том случае, если бы она была совершенно здорова, если вы понимаете, что я хочу сказать. В своем состоянии леди Кларк не всегда адекватно воспринимает происходящее.

— Простите за вопрос, но насколько они были близки с мужем?

— Они были очень счастливой парой. Он, бедняга, очень волновался и беспокоился по ее поводу… Знаете, врачи всегда воспринимают такие вещи острее. Ведь они не могут тешить себя несбыточными надеждами. Мне кажется, что в

самом начале это здорово на него повлияло.

— В самом начале? А что же было потом?

— Человек ко всему привыкает, не так ли? И потом, у сэра Кармайкла была его коллекция. Иметь хобби — для мужчины это очень большое утешение. Иногда он ездил на аукционы, а потом, вместе с мисс Грей, занимался составлением каталогов и расположением экспонатов в соответствии с новой системой.

— Ах, ну да, мисс Грей. Она ведь уволилась, так?

— Вы все правильно говорите, и мне очень жаль. Хотя у дам в таком болезненном состоянии иногда появляются всякие фантазии… И спорить с ними в этом случае совершенно бесполезно. Лучше подчиниться. Мисс Грей проявила особую мудрость.

— А леди Кларк всегда ее не любила?

— Я бы так не сказала. Наоборот, мне казалось, что она хорошо к ней относится… Но довольно сплетничать, а то моя пациентка забеспокоится, что с нами могло случиться.

Она провела нас в комнату этажом выше. Бывшая спальня была переделана в жизнерадостно декорированную гостиную.

Сама леди Кларк сидела в большом кресле ря-

дом с окном. Она была болезненно худа, а на ее сером лице запечатлелось измученное выражение, которое бывает на лицах людей, которые уже долго страдают от сильной боли. У женщины был несколько отстраненный, сонный вид, и я заметил, что ее зрачки по размеру были не больше булавочных головок.

— Это месье Пуаро, которого вы хотели видеть, — доложила сестра Капстик своим высоким, жизнерадостным тоном.

— Ах да. Месье Пуаро, — неопределенно произнесла леди Кларк, протягивая руку.

— Это мой друг, капитан Гастингс, леди Кларк.

— Как поживаете? Очень мило, что вы приехали вдвоем.

Неопределенным жестом она предложила нам сесть. В комнате повисла тишина. Казалось, что леди Кларк погрузилась в сон.

— Ведь это все из-за Кара? Из-за его смерти? Не так ли? — с некоторым усилием заговорила она наконец.

Женщина вздохнула и продолжила все в той же отстраненной манере:

— Мы никогда не думали, что все произойдет именно так… Я была уверена, что уйду первой… — Она поразмышляла какое-то время. — Кар всегда

был очень сильным. Для своего возраста он чувствовал себя прекрасно. Никогда не болел. Ему было почти шестьдесят, но выглядел он не больше чем на пятьдесят… Очень сильный, да…

И она опять провалилась в свое полузабытье. Пуаро, который прекрасно знал, как некоторые лекарства действуют на человеческий организм, создавая иллюзию бесконечности времени, молчал. Внезапно леди Кларк заговорила снова:

— Да, очень мило, что вы приехали. Я говорила Франклину. Он сказал, что постарается не забыть сказать вам… Надеюсь, что Франклин не наделает глупостей… он ведь такой внушаемый, несмотря на то что жизнь побросала его по всему свету. Мужчины все такие. В душе они всегда остаются мальчишками. Особенно это касается Франклина.

— Да, характер у него импульсивный.

— Да, да… И он настоящий рыцарь. Мужчины такие дураки в этом смысле. Даже Кар был таким же… — Голос ее постепенно замер, затем снова зазвучал. — Все так туманно вокруг. — Леди Кларк со слабым нетерпением встряхнула головой. — Человеческое тело может быть невероятной обузой, месье Пуаро, особенно когда оно берет верх над духом. И тогда человека волнует только

одно — будет ли болеть, или боль утихнет… Ничто другое не имеет значения.

— Я знаю, леди Кларк. Это одна из трагедий нашей жизни.

— Из-за этого я иногда становлюсь совершенной дурочкой. Я даже не помню, что хотела вам сказать.

— Это как-то было связано со смертью вашего мужа?

— Со смертью Кара? Возможно… Он просто сумасшедший. Я имею в виду этого убийцу. В наши дни люди сходят с ума от всего этого шума и ритма жизни. Я всегда жалела сумасшедших. В голове у них должно происходить черт знает что. И потом, это, наверное, ужасно, когда тебя запирают. А что остается делать? Ведь если они убивают людей…

Леди Кларк осторожно покачала головой.

— Вы его уже поймали? — спросила она.

— Нет, еще не поймали.

— В тот день он, наверное, бродил где-то неподалеку.

— В округе было очень много незнакомых людей, леди Кларк. Курортный сезон.

— Да, я забыла… Но курортники обычно ходят по пляжам. К дому они редко подходят.

— Но в тот день к дому не подходил никто незнакомый.

— Это кто сказал? — потребовала леди Кларк с неожиданной энергией.

Пуаро был слегка ошеломлен.

— Слуги, — ответил он. — Мисс Грей.

— Эта девушка — лгунья, — очень четко произнесла леди Кларк.

Я заерзал на стуле. Мой друг бросил на меня предостерегающий взгляд.

Между тем леди Кларк лихорадочно продолжала:

— Мне она не нравится. И никогда не нравилась. Кар был о ней очень высокого мнения. Все время говорил о том, что она выросла сиротой и что у нее не было в мире ни единой родной души. А что такого плохого в сиротстве? Иногда это просто благословение Господне. Вот если бы у вас был ни на что не годный отец и мать-алкоголичка, вот тогда бы вы поняли, почем фунт лиха. А он все говорил, какой она хороший работник и какая она смелая… С тем, что она хорошо выполняла свою работу, я, пожалуй, соглашусь. А вот откуда взялась смелость — не понимаю.

— Не волнуйтесь так, моя дорогая, — вмешалась сестра Капстик. — Мы же не хотим, чтобы

вы устали.

— Поэтому я сразу же указала ей на дверь. Франк набрался наглости предположить, что мне с ней будет спокойнее. Спокойнее, вы только подумайте! Но я сказала, что, чем скорее она уберется отсюда, тем будет лучше для всех. Франклин полный идиот! Я совсем не хочу, чтобы он с ней связался! Мальчишка! Никакого ума! Я сказала ему, что если он хочет, то я готова заплатить ей за три месяца вперед, но она должна убраться. Сказала, что не хочу, чтобы она задерживалась в доме хоть на один день дольше. У больного человека есть одно преимущество — люди не хотят с нами спорить. Поэтому Франк и сделал все, как я хотела, и она уехала. Уехала, наверное, как настоящая великомученица, во всей своей неземной кротости и великолепии.

— Дорогая, пожалуйста, не волнуйтесь так. Это вам вредно.

Больная отмахнулась от сестры Капстик.

— Вам ведь она тоже смогла задурить голову, как и всем остальным.

— Боже, леди Кларк, вы не должны так говорить! Я и сейчас считаю, что мисс Грей — очень романтическая девушка, прямо как из книги.

— У меня на вас на всех терпения не хватает, —

произнесла женщина слабым голосом.

— Успокойтесь, ведь теперь она уехала. Уехала насовсем.

Леди Кларк покачала головой со слабым нетерпением, но ничего на это не ответила.

— А почему вы назвали мисс Грей лгуньей? — спросил Пуаро.

— Потому что лгунья она и есть. Она же сказала вам, что у дома не было никого чужих, правда?

— Да.

— Просто прекрасно. А я собственными глазами видела, прямо вот из этого окна, как она говорила с совершенно незнакомым мужчиной на ступенях крыльца.

— А когда это было?

— Утром того дня, когда умер Кар. Около одиннадцати часов.

— И как же выглядел этот мужчина?

— Абсолютно обычно. В нем не было ничего запоминающегося.

— Как джентльмен или как коммивояжер?

— И вовсе не как коммивояжер. Такой довольно потасканный тип. Не помню… — Неожиданно на ее лице появилась гримаса боли. — Прошу вас уйти. Я немного устала. Сестра…

Мы повиновались и отправились в Лондон.

— Невероятная история, — сказал я маленькому бельгийцу на обратном пути. — Весь этот разговор о мисс Грей и незнакомце…

— Вот видите, Гастингс, все, как я и говорил. Всегда рано или поздно что-то всплывет.

— Но почему девушка солгала и сказала, что никого не видела?

— Могу назвать семь причин, причем одна из них совершенно элементарная.

— Это что, оскорбление?

— Скорее призыв хорошенько задуматься. Но не стоит ссориться. Самое простое — это спросить ее саму.

— А если она скажет нам еще одну ложь?

— Вот это будет интересно и о многом скажет.

— Совершенно ужасно предположить, что девушка, подобная ей, может иметь что-то общее с сумасшедшим.

— Вот именно. И мне самому это кажется маловероятным.

Я надолго задумался.

— Хорошенькой девушке нелегко жить в нашем мире, — со вздохом изрек я наконец.

– *Du tout*[68]. Освободитесь от этих иллюзий.

---

[68] Сноски: 68
Совсем не так *(фр.)*.

— Но ведь это правда, — настаивал я. — Все настроены против нее просто потому, что она хорошенькая.

— Вы говорите *bêtises*[69], мой друг. Кто был против нее в Комбсайде? Сэр Кармайкл? Франклин? Сестра Капстик?

— Леди Кларк, и этого вполне достаточно.

– *Mon ami,* вы полны снисхождения к молодым и хорошеньким девушкам, а я полон снисхождения к пожилым и больным леди. Вполне возможно, что леди Кларк была единственной, кто смог раскусить эту девицу, а ее муж, мистер Франклин Кларк и сестра Капстик были слепы, как летучие мыши и капитан Гастингс. Поймите же вы, мой друг, что в нормальной ситуации эти три трагедии никогда не переплелись бы друг с другом. Они развивались бы каждая своим путем и никак не влияли бы друг на друга. Сложность и запутанность происходящего в жизни не перестает меня восхищать, Гастингс.

— Уже Паддингтон. — Это все, что я смог на это ответить.

Когда мы прибыли в Уайтхэвен, нам сообщили, что Пуаро ожидает какой-то джентльмен. Я

---

[69] Сноски: 69
Вздор *(фр.).*

ожидал увидеть Франклина или на худой конец Джеппа, но, к моему удивлению, это был не кто иной, как Дональд Фрэйзер. Молодой человек был очень взволнован, и его косноязычие было заметно сильнее, чем когда-либо.

Мой друг не стал выяснять у него причину его приезда, а вместо этого предложил выпить вина и подкрепиться сэндвичами. Пока мы ждали еду, Пуаро беспрерывно говорил, объясняя, где мы были, и с большим сочувствием и добротой отзываясь о больной женщине.

И только когда мы съели все сэндвичи и сидели, попивая вино, мой друг перешел к делу.

— Вы приехали из Бэксхилла, мистер Фрэйзер?

— Да.

— Удалось чего-нибудь достичь с мисс Милли Хигли?

— С Милли Хигли?.. Милли Хигли… — Фрэйзер несколько раз повторил это имя, как будто слышал его впервые. — Ах, это та девушка! Нет, я этим еще не занимался. Я…

Он остановился и нервно сжал руки.

— Я не понимаю, почему приехал к вам, — выдал он наконец.

— Зато я понимаю, — заметил Пуаро.

— Не может быть. Как вы это можете понять?

— Вы приехали ко мне, потому что с вами произошло нечто, чем вы хотите с кем-нибудь поделиться. И вы поступили совершенно правильно. Я именно тот, кто вам нужен. Говорите же!

Уверенный вид Пуаро произвел необходимый эффект. Теперь Фрэйзер смотрел на него со странным выражением благодарного повиновения.

— Вы так думаете?

– *Parbleu*, я в этом уверен.

— Месье Пуаро, вы знаете что-нибудь о снах?

Это было последнее, что я ожидал от него услышать. Однако мой друг, казалось, совсем не удивился.

— Знаю, — ответил он. — А вам что, снились сны?

— Да. Наверное, вы скажете, что это совершенно естественно, что все это… все это мне снится, но это не совсем простой сон.

— Не простой?

— Он снится мне вот уже три ночи подряд… Мне кажется, что я схожу с ума…

— Расскажите мне о нем.

Лицо молодого человека было мертвенно-белым, а глаза его вылезли из орбит. Он действительно выглядел сумасшедшим.

— Это один и тот же сон. Я на берегу. Ищу Бетти. Она потерялась, просто потерялась, понимаете? И я должен ее найти. Я должен передать ей ее пояс, который у меня в руках. А потом…

— И что же потом?

— Сон меняется… Я уже никого не ищу. Она вот, прямо передо мной, сидит на пляже. Она не видит, как я подхожу к ней. Боже, нет, я больше не могу…

— Продолжайте. — Голос Пуаро прозвучал твердо и повелительно.

— Я подхожу к ней сзади… Она меня не слышит… Я обматываю пояс вокруг ее шеи и начинаю тянуть. Боже мой, тянуть!

Его голос полон пугающей агонии… Руки мои впились в подлокотники кресла. Все это казалось слишком реальным.

— Она задыхается… и умирает… Я ее задушил, а потом ее голова откидывается назад, и я вижу ее лицо, и это лицо Меган, а не Бетти!

Бледный и дрожащий Дональд откинулся на спинку кресла. Налив еще один стакан вина, Пуаро протянул его молодому человеку.

— Выпейте, — настойчиво приказал он ему.

— Что все это значит, месье Пуаро? Почему он мне снится? Каждую ночь…

— Выпейте вино, — приказал мой друг.

Молодой человек выпил, а потом спросил уже более спокойным голосом:

— Что все это может значить? Ведь это не я убил ее, правда ведь?

Я не услышал ответа Пуаро, потому что в этот момент раздался знакомый стук почтальона и я автоматически вышел из комнаты.

То, что я обнаружил в почтовом ящике, заставило меня полностью забыть невероятные откровения Дональда Фрэйзера. Я бросился назад в гостиную.

— Пуаро, — закричал я, — оно пришло! Четвертое письмо!

Вскочив, маленький бельгиец выхватил у меня из рук конверт и мгновенно вскрыл его ножом для разрезания бумаги. Письмо он разложил на столе.

Мы трое прочитали его одновременно:

Все еще безуспешно? Ну, это просто неприлично! Чем же вы и полиция занимаетесь? Разве это не изумительно? Ну, и где же теперь вы будете искать разгадку?

Бедняжка Пуаро, мне вас просто жаль.

Но если что-то не получилось с первого раза, то надо пытаться еще, и еще, и еще раз. У нас с вами

впереди еще долгий путь до Типперери...[70] *Нет, этому черед наступит позже. Я имею в виду букву «Т»*[71]*. Нет, наше следующее маленькое событие произойдет в Донкастере*[72] *11 сентября.*

Всего хорошего, А. В.С.

---

[70] Сноски: 70

Ссылка на популярную песню времен Второй мировой войны «Долог путь до Типперери».

[71] Сноски: 71

Буква T (ти) — двадцатая буква английского алфавита.

[72] Сноски: 72

Название населенного пункта в английском языке начинается с буквы D (ди) — четвертой буквы английского алфавита.

Глава XXI
Описание убийцы

Мне кажется, что именно в этот момент со сцены стало исчезать то, что Пуаро называл человеческим фактором. Казалось, что разум отказывается мириться с этим ужасом чистейшей воды, что наступило время, в котором нормальные человеческие чувства просто не существуют…

Все мы, как один, знали, что до прихода четвертого письма, в котором будет указано следующее место убийства, мы бессильны что-либо сделать.

Атмосфера ожидания заставила всех нас расслабиться. Но сейчас, с этими напечатанными на машинке словами, глумливо смотрящими на нас с чистого листа плотной белой бумаги, охота началась с самого начала.

Из Скотленд-Ярда прибыл инспектор Кроум, и пока он был у нас, появились также Франклин Кларк и Меган Барнард.

Девушка объяснила, что тоже приехала прямо из Бэксхилла.

— Я хотела обсудить кое-что с мистером Кларком, — попыталась объяснить она причину

своего приезда.

Казалось, что Меган хочет извиниться за то, что они с Кларком приехали вместе, и я автоматически отметил это про себя, не обратив на сей факт серьезного внимания.

Естественно, что письмо вытеснило у меня из головы все остальное. Мне показалось, что Кроум совсем не обрадовался, увидев у нас участников трагедии. Он, казалось, стал гораздо официальнее.

— Я возьму это с собой, месье Пуаро. Если вам нужна копия…

— Нет, нет, в этом нет необходимости.

— Каковы ваши планы, инспектор? — поинтересовался Кларк.

— Самые всеобъемлющие.

— На этот раз мы должны его схватить, — заметил Кларк. — Должен сообщить вам, инспектор, что мы создали свое собственное сообщество, чтобы положить всему этому конец. Так сказать, спецкоманду «заинтересованных лиц».

— Да неужели? — Инспектор и здесь решил не изменять своей всегдашней манере.

— Вижу, что вы не очень высокого мнения о любителях, инспектор.

— Маловероятно, чтобы в вашем распоряже-

нии были возможности, сопоставимые с моими, не так ли?

— Но у каждого из нас есть личная заинтересованность, а это кое-что да значит.

— Да неужели?

— Мне кажется, что ваша задача, инспектор, тоже будет не из легких. Более того, мне кажется, что старина А. В.С. опять обведет вас вокруг пальца.

Я уже и раньше заметил, что Кроума было довольно легко разговорить.

— Не думаю, что на этот раз общественность будет критиковать нас за нашу подготовку, — произнес он. — Этот идиот дал нам — на сей раз — достаточно времени. Ведь одиннадцатое число — это среда на следующей неделе. Так что мы успеем сделать публикации в газетах. В Донкастере будет проведена тщательная подготовка. Каждая живая душа, чья фамилия начинается с буквы D, будет обязательно предупреждена. Кроме того, большие силы полиции выйдут на улицы города. Это стало возможным благодаря совместному решению всех главных констеблей Англии. Все население Донкастера вместе с полицейскими выйдет на улицы, чтобы поймать одного сумасшедшего, и думаю, что с капелькой

удачи это нам удастся.

— Сразу видно, что вы неспортивный человек, инспектор, — спокойно заметил Кларк.

— Что вы хотите этим сказать? — удивленно спросил Кроум, уставившись на него.

— Боже ты мой, да неужели вы не знаете, что в следующую среду в Донкастере состоятся скачки на приз Сент-Леджера?

Челюсть инспектора отвалилась, и, наверное, впервые в жизни он не смог произнести свое коронное «да неужели?».

— Да, вы правы, — сказал он вместо этого. — Что ж, это усложнит нашу задачу.

— Пусть А. В.С. и сумасшедший, но он далеко не идиот.

На несколько минут мы все замолчали, обдумывая ситуацию. Толпы людей на ипподроме, толпы возбужденных английских любителей спорта на улицах, бесконечные осложнения.

– *C'est ingénieux. Tout de meme c'est bien imaginé, ça…*[73] — тихо произнес Пуаро.

— Уверен, что убийство произойдет именно на ипподроме, — предположил Кларк. — И скорее всего, во время главного заезда дня.

---

[73] Сноски: 73

Это гениально. Надо же придумать такое… *(фр.)*

Сама мысль об этом на мгновение порадовала его спортивный инстинкт…

Инспектор Кроум встал и взял в руки письмо.

— Скачки — это серьезная проблема, — заметил он. — К сожалению…

Кроум вышел, и в холле послышался звук голосов. Через несколько секунд в гостиную вошла Тора Грей.

— Инспектор сказал мне, что пришло еще одно письмо. — Было видно, что девушка взволнована. — И где на этот раз?

На улице шел дождь. Тора Грей была одета в черное пальто, юбку и меха. Маленькая черная шляпка каким-то чудом держалась у нее сбоку на голове.

Ее вопрос был адресован Франклину Кларку, и именно к нему она и подошла и взяла за руку в ожидании ответа.

— Донкастер, в день скачек.

Мы сели, чтобы обсудить создавшееся положение. Было очевидно, что все мы будем присутствовать в Донкастере, но вероятное количество зрителей на скачках значительно меняло те планы, которые мы обговорили заранее.

Меня охватило чувство уныния. Что, в конце концов, может сделать эта небольшая группа

из шести человек, несмотря на их общую заинтересованность? Ведь все вероятные места преступления будут находиться под неусыпным наблюдением десятков и сотен полицейских. Что могут сделать дополнительные шесть пар глаз?

Как будто отвечая на мой немой вопрос, Пуаро повысил голос. Сейчас он говорил как школьный учитель или как священник.

– *Mes enfants*[74], — сказал он, — мы должны сосредоточить наши усилия. Мы должны подойти к этому вопросу обдуманно и методично. И искать ответы нам надо не во вне, а внутри себя. Каждый из нас должен задать себе вопрос: что я лично знаю об этом убийце? И, таким образом, мы должны создать обобщенный портрет человека, которого ищем.

— Но ведь мы о нем ничего не знаем, — беспомощно произнесла Тора Грей.

— Нет, нет, вы не правы, мадемуазель. Каждый из нас что-то знает о нем, хотя, может быть, об этом и не догадывается! Я уверен, что у нас есть информация об этом человеке — мы просто не можем ее вычленить.

— Мы ничего о нем не знаем, — покачал го-

---

[74] Сноски: 74
Дети мои *(фр.)*.

ловой Кларк. — Мы не знаем, молодой он или старый, светловолосый или темный. Никто из нас никогда его не видел и никогда с ним не говорил. Мы ведь уже обсуждали всё, что знаем, несчетное количество раз.

— Нет, не всё! Вот, например, мисс Грей сказала нам, что не видела и не говорила ни с каким незнакомцем в день убийства сэра Кармайкла Кларка.

— Совершенно верно, — подтвердила Тора Грей.

— Но так ли это? Леди Кларк рассказала нам, мадемуазель, что из своего окна она лично видела, как вы общались с незнакомцем, стоя на ступеньках крыльца.

— Она видела, как я разговаривала с незнакомцем? — Девушка казалась искренне удивленной. Такой чистый и ясный взгляд не мог быть неискренним.

— Леди Кларк, по-видимому, что-то напутала, — сказала Тора, покачав головой. — Я никогда… О боже!

Это восклицание вырвалось у нее совершенно неожиданно. Щеки ее порозовели.

— Теперь я вспоминаю! Как все это глупо… Я об этом совершенно забыла. Но это абсолютно

неважно. Просто это был один из тех людей, которые ходят от дома к дому и продают чулки; знаете, один из этих бывших военных… Они очень прилипчивы, и мне пришлось избавиться от него. Я как раз проходила по холлу, когда он подошел к двери. Вместо того чтобы позвонить, заговорил со мной, но выглядел он совершенно безобидно, наверное, именно поэтому я о нем и забыла.

Пуаро качался в своем кресле, обхватив голову руками. Он что-то бормотал себе под нос в таком волнении, что никто больше не решился заговорить — все не отрываясь смотрели на моего друга.

— Чулки, — бормотал он. — Чулки… чулки… чулки… *ça vient*…[75] чулки… чулки… А ведь это улика… Три месяца назад… и позже… И вот теперь опять… *Bon Dieu*, я все понял!

Он выпрямился в кресле и повелительно посмотрел на меня.

— Вы помните, Гастингс? Андовер. Магазин. Мы поднялись наверх, в спальню. На стуле лежала пара новых шелковых чулок. И теперь я понимаю, что привлекло мое внимание пару дней назад. Вы, мадемуазель, — сыщик повернулся к

---

[75] Сноски: 75
Это подходит *(фр.)*.

Меган, — вы сказали, как рыдала ваша матушка, потому что купила вашей сестре новые чулки прямо в день убийства… Вот видите, — он торжествующе оглядел всех присутствующих, — эта улика повторяется три раза подряд. Это не может быть простым совпадением. Когда мадемуазель сказала про чулки, я почувствовал, что это может нас к чему-то привести. А теперь я понимаю, к чему. К словам, которые сказала соседка миссис Ашер, миссис Фаулер. Она рассказывала о назойливых людях, которые постоянно пытаются вам что-нибудь продать, и упомянула чулки. Скажите, мадемуазель, ведь ваша мать тоже купила те чулки не в магазине, ведь правда? Она ведь купила их у коммивояжера у дверей дома?

— Да, да, именно так она и рассказывала… Теперь я вспоминаю. Она еще сказала, что ей жаль этих несчастных мужчин, которые ходят от дома к дому и пытаются навязать свой товар.

— Ну, а в чем же здесь дело? — воскликнул Франклин. — То, что мужчина пытался продать чулки, нет ничего необычного!

— Говорю вам, друзья мои, это не может быть простым совпадением. Три преступления, и перед каждым появляется продающий чулки мужчина, который заодно осматривает местность.

Пуаро резко повернулся к Торе.

– *A vous la parole!*[76] Опишите же нам этого человека!

— Я… Я не знаю, как… — Девушка беспомощно смотрела на маленького бельгийца. — Мне кажется, что он был в очках… И в каком-то потертом пиджаке…

– *Mieux que fa*[77], мадемуазель.

— Он остановился… Не помню. Да я на него почти и не смотрела. Он не привлекал к себе внимания.

— Вы абсолютно правы, мадемуазель, — серьезно произнес Пуаро. — Весь секрет этих убийств заключен в том, как вы описали убийцу, потому что я ни на секунду не сомневаюсь, что именно он — убийца! «Он не привлекал к себе внимания». Именно так, без всякого сомнения… Именно так вы описали убийцу!

---

[76] Сноски: 76
Расскажите же нам! *(фр.)*

[77] Сноски: 77
Вполне возможно *(фр.)*.

Глава XXII
(написано не от имени капитана Гастингса)

Мистер Александр Бонапарт Каст не шевелясь сидел за столом. Перед ним на тарелке стоял остывший завтрак, к которому он даже не притронулся. На чайнике лежала газета, которую мистер Каст изучал с видимым интересом.

Внезапно он встал, несколько минут походил по комнате, а затем опустился в кресло перед окном. Затем с приглушенным стоном закрыл лицо руками.

Он не услышал звука открываемой двери. Его домохозяйка, миссис Марбери, появилась в дверном проеме.

— Хотела узнать, мистер Каст, не хотите ли вы… Боже, что с вами? Вам что, плохо?

Мистер Каст поднял голову.

— Ничего страшного. Не беспокойтесь, миссис Марбери. Я просто не очень хорошо себя чувствую с самого утра.

Женщина осмотрела завтрак, стоявший на подносе.

— Все ясно. Вы даже не дотронулись до завтрака. Вас опять беспокоит голова?

— Нет. По крайней мере… Да. Просто я немного не в себе.

— Поверьте, мне очень жаль. Так вы сегодня никуда не будете выходить?

— Нет, нет. Мне обязательно надо идти, — резко ответил мистер Каст. — У меня дела. Очень важные дела.

Руки у него дрожали, и, видя, как он разволновался, миссис Марбери постаралась успокоить своего постояльца:

— Ну конечно, если надо, так надо. И как далеко на этот раз?

— Не очень… — Несколько минут жилец колебался. — В Челтенхэм.

Название города он произнес таким странным голосом, что миссис Марбери с удивлением посмотрела на него.

— Челтенхэм — неплохое местечко, — проговорила она светским тоном. — Помню, один год я ездила туда из Бристоля. Там очень хорошие магазины.

— Да, наверное, вы правы.

Миссис Марбери с трудом нагнулась — ее фигура не была предназначена для глубоких на-

клонов, — чтобы поднять газету, которая смятая валялась на полу.

— В газетах не пишут ни о чем, кроме этих убийств, — заметила она, посмотрев на заголовки, прежде чем положить газету на стол. — У меня мурашки по коже бегают. Совсем не могу об этом читать. Как будто вернулись времена Джека-потрошителя.

Губы мистера Каста зашевелились, но он не издал ни одного звука.

— А теперь он собирается убить в Донкастере, — продолжила миссис Марбери. — И уже завтра! Если бы я жила в Донкастере и моя фамилия начиналась бы с D, я бы уже давно оттуда сбежала. Уж я бы рисковать не стала… Что вы сказали, мистер Каст?

— Ничего, миссис Марбери. Совсем ничего.

— К тому же там еще и эти скачки… Не сомневаюсь, он надеется, что это ему поможет. Пишут, что они собираются привлечь сотни полицейских… Мистер Каст, да что с вами? Вы ужасно выглядите. Может быть, вам стоит чуть-чуть выпить? Самую малость? Послушайтесь меня, вам сегодня нельзя никуда ездить.

— Это необходимо, миссис Марбери. — Постоялец выпрямился во весь рост. — Я всегда очень

точно выполняю свои обещания. Люди должны вам верить! Если я решил что-то сделать, то обязательно сделаю. Только так можно заниматься бизнесом.

— А если вы больны?

— Я не болен, миссис Марбери. Просто немного волнуюсь из-за некоторых личных дел. Плохо спал сегодня… А так со мною все в порядке.

Он сказал это таким твердым голосом, что домохозяйка собрала завтрак и нехотя вышла из комнаты.

Мистер Каст вытащил из-под кровати чемодан и стал собираться. Пижама, несессер, запасной воротничок, кожаные тапочки. Открыв комод, он переложил с десяток плоских коробок, приблизительно десять дюймов на семь, в чемодан. Затем, бросив взгляд на железнодорожный справочник, лежащий на столе, с чемоданом в руке вышел из комнаты.

В холле, поставив чемодан на пол, постоялец стал надевать шляпу и пиджак. При этом он вздохнул, причем так громко, что девушка, которая в этот момент вышла из комнаты, с тревогой посмотрела на него.

— С вами что-то случилось, мистер Каст?

— Нет, ничего, мисс Лили.

— А то вы так вздыхаете!

— А вы верите в предчувствия, мисс Лили? — неожиданно спросил мистер Каст. — В предсказания?

— Знаете, даже и не знаю… Конечно, бывают такие дни, когда вам кажется, что жизнь рушится; ну, а бывают дни, когда все очень даже хорошо.

— Вот именно, — сказал мистер Каст и опять вздохнул. — Что ж, прощайте, мисс Лили. Прощайте. Я знаю, что вы всегда были очень добры ко мне.

— А что это вы прощаетесь так, как будто уезжаете навсегда? — рассмеялась Лили.

— Нет, нет. Конечно, нет.

— Тогда до встречи в пятницу, — сказала девушка, продолжая смеяться. — Куда же вы направляетесь на этот раз? Опять на побережье?

— Нет. На этот раз в Челтенхэм.

— Тоже неплохо. Но не так здорово, как Торки. Вот там, должно быть, очаровательно. Я хочу поехать туда на каникулы на будущий год. Кстати, ведь вы же были совсем недалеко от того места, где произошло убийство. Ну, это «алфавитное» убийство… Ведь оно случилось именно тогда, когда вы там были, не так ли?

— В общем-то да, но только Торки находится в

шести-семи милях от Керстона.

— Но все равно, должно быть, это было очень волнительно! Ведь вы могли даже пройти на улице мимо убийцы! Вы могли быть с ним совсем рядом!

— Да, конечно, мог, — произнес мистер Каст с такой кривой и натянутой улыбкой, что девушка обратила на нее внимание.

— Мистер Каст, да вы совсем больны!

— Со мною все в порядке. В совершенном порядке. До свидания, мисс Марбери.

Он неловко приподнял шляпу, схватил чемодан и в спешке вышел за дверь.

— Смешной старикашка, — снисходительно произнесла Лили. — И, на мой взгляд, наполовину ку-ку.

— Найдите список всех чулочных фабрик и свяжитесь с ними, — сказал инспектор Кроум одному из своих подчиненных. — Мне нужны списки всех их агентов — знаете, этих коммивояжеров, ну, тех, кто работает за проценты и собирает заказы.

— Это связано с А. В.С., сэр?

— Да, одна из идей месье Пуаро. — Инспектор говорил презрительным голосом. — Вполне возможно, что это очередная пустышка, однако не

стоит пренебрегать даже малейшим шансом.

— Так точно, сэр. В свое время месье Пуаро добился немалого, но сейчас, мне кажется, он слегка не в себе, сэр.

— Он шарлатан, — заметил инспектор Кроум. — Все время выпендривается. На кого-то это и производит впечатление, но только не на меня. А теперь вернемся к нашим делам в Донкастере…

— Видел сегодня вашего полоумного старикашку, — сказал Том Хартиган Лили Марбери.

— Это кого? Мистера Каста?

— Именно Каста. На Юстонском вокзале. Как всегда, выглядел как потерявшаяся курица. Мне кажется, что этот парень — полный придурок. Сначала он уронил газету, а потом и свой билет. Я ему его поднял — ведь он даже не понял, что потерял его. Все благодарил меня, но, мне кажется, так и не узнал.

— Ну и что, — возразила Лили, — ведь он видел тебя всего пару раз, когда ты проходил по холлу.

Они станцевали еще один тур.

— Ты просто восхитительно танцуешь, — сказал Том.

— Не останавливайся, — ответила девушка, теснее прижимаясь к нему.

И они продолжили кружиться по танцполу.

— Ты сказал, Юстон или Паддинтон? — внезапно спросила Лили. — Я имею в виду место, где ты встретил старика Каста.

— Юстон.

— А ты уверен?

— Конечно, уверен, а ты как думаешь?

— Интересно. Я всегда думала, что поезда в Челтенхэм идут с Паддингтона.

— Так и есть. Только старина Каст ехал не в Челтенхэм. Он ехал в Донкастер.

— В Челтенхэм.

— В Донкастер. Детка, я это хорошо знаю. В конце концов, я ведь поднял его билет, нет?

— Но он сказал мне, что едет в Челтенхэм. Я в этом абсолютно уверена.

— Думаю, что ты все перепутала. Он точно ехал в Донкастер. Везет же некоторым… Я кое-что поставил на Светлячка в главном заезде и хотел бы посмотреть, как он побежит.

— Не думаю, чтобы мистер Каст поехал на скачки. На него это совсем не похоже. Том, милый, я так надеюсь, что его там не убьют… Ведь следующее убийство должно произойти в Донкастере.

— С Кастом все будет в порядке. У него фамилия начинается не на ту букву.

— Зато его могли убить в прошлый раз. Он ведь

был недалеко от Керстона, в Торки, когда произошло предыдущее убийство.

— Неужели? Странное совпадение, правда? — Том рассмеялся. — А в Бэксхилле, случайно, его не было?

— В тот день он точно был в отъезде… — Девушка нахмурила брови, вспоминая. — Я помню, что его не было, потому что он забыл свой купальный халат… Помню, мама его штопала. Она еще сказала: «Так мистер Каст и уехал без своего купального халата». А я еще ей ответила: «Да бог с ним, с этим несчастным халатом, когда случилось такое ужасное убийство — в Бэксхилле задушили молодую девушку…»

— Если ему нужен был купальный халат, то ехал он на побережье… Послушай-ка, Лили, — лицо молодого человека сморщилось от восторга, — а что, если этот твой старый скелет и есть убийца?

— Этот несчастный мистер Каст? Да он и мухи не обидит! — рассмеялась Лили.

И, счастливые, они продолжили свой танец, и их сознание было полно радости от того, что они вместе. Однако в их подсознании что-то зашевелилось…

Глава XXIII
11 сентября. Донкастер

Донкастер!

Думаю, что я буду помнить 11 сентября до конца своих дней.

И действительно, когда я читаю где-то о скачках на приз Сент-Леджера, я мысленно возвращаюсь не к ипподрому, а к убийству.

Когда сейчас я вспоминаю о тех своих ощущениях, то мне кажется, что главное чувство, которое мы все испытывали, было тошнотворное чувство непригодности. Мы все были на месте: Пуаро, я, Кларк, Фрэйзер, Меган Барнард, Тора Грей и Мэри Дроуэр, но на что мы все годились в тот момент?

Все свои расчеты мы строили на призрачной надежде, что нам удастся среди тысячной толпы узнать лицо или фигуру, которую мы случайно могли видеть один-два-три месяца назад.

Но наши шансы были еще ниже, ведь единственным человеком, который мог-таки узнать убийцу, была Тора Грей. Она чуть не плача сжимала руки и бессвязно говорила моему другу:

— Я ведь никогда по-настоящему на него не смотрела… Мне это было не нужно. Какая же я была дура… Ведь вы все надеетесь на меня… а я вас подведу. Потому что даже если я снова его увижу, то могу и не узнать. У меня очень плохая память на лица.

Пуаро, что бы он ни говорил мне наедине и как бы резко ни отзывался о девушке, вел себя как воплощение доброты. Его манеры были мягки донельзя. Мне пришло в голову, что мой друг был так же неравнодушен к расстроенным красивым девушкам, как и я.

— Не волнуйтесь, милая. Давайте без истерик, — говорил он, нежно поглаживая мисс Грей по плечу. — Истерику мы сейчас себе не можем позволить. Если вы увидите этого человека, то сразу же его узнаете.

— А почему вы так думаете?

— О, по очень многим причинам. И одна из них — это та, что красное всегда сменяет черное.

— Что вы имеете в виду, Пуаро? — воскликнул я.

— Я говорю с вами на языке рулетки. Ведь за столом может быть очень длинный период, когда выпадает черное, но красное обязательно должно его сменить. Это математический закон

случайных чисел.

— Вы хотите сказать, что удача может изменить преступнику?

— Вот именно, Гастингс. И именно здесь азартному игроку — так же как и убийце, который является высшим проявлением азартного игрока, потому что рискует не своими деньгами, а своей жизнью, — очень часто не хватает дара предвидения. Потому что он считает, что если выигрывал раньше, то это будет продолжаться до бесконечности! Он не желает вовремя встать из-за стола с полными карманами. Так же и при совершении преступления: успешный преступник не может представить себе, что его удача однажды от него отвернется! Он считает свои успехи только своей заслугой. Но я уверяю вас, друзья, что даже самое продуманное преступление не может быть успешным без чуточки удачи!

— Не слишком ли далеко вы зашли? — возразил Франклин Кларк.

Пуаро взволнованно взмахнул руками:

— Нет, нет! Когда вы садитесь за стол, ваши шансы такие же, как и у других игроков, поэтому необходимо что-то еще, чтобы выиграли именно вы! Только подумайте — ведь кто-то мог войти в магазин миссис Ашер именно в тот момент,

когда убийца выходил из него. Этот человек мог взглянуть за прилавок, обнаружить мертвое тело и либо сразу же схватить убийцу, либо дать полиции такое точное его описание, что она немедленно его арестовала бы.

— Конечно, такое возможно, — согласился Кларк. — Но это значит только то, что убийце приходится рисковать.

— Вот именно. Убийца — это всегда азартный игрок. И, как многие игроки, он зачастую не чувствует, когда надо остановиться. С каждым преступлением его самомнение растет. У него нарушены способности к логическому мышлению. Он не говорит себе: «Я умен и удачлив!», а вместо этого только: «Я умен!» Его самомнение постоянно растет… А потом, *mon amies*, шарик опять бежит по кругу и попадает совсем в другую ячейку, и крупье провозглашает: «Красное!»

— И вы думаете, что нечто подобное произойдет и сейчас? — нахмурившись, спросила Меган Барнард.

— Рано или поздно это не может не произойти! До сих пор удача была на стороне преступника, но рано или поздно она перейдет на нашу сторону. И я верю, что это уже произошло! И чулки, эта первая улика, — только начало. С этого момента

события, вместо того чтобы развиваться так, как хочет он, будут развиваться так, как хотим мы! А он начнет, в свою очередь, совершать ошибки…

— Все это вы говорите, чтобы подбодрить нас, — сказал Франклин Кларк. — Нам всем сейчас не помешает немного уверенности в своих силах. С момента пробуждения я, например, испытываю чувство беспомощности, которое не дает мне ничего делать.

— Мне кажется очень маловероятным, что мы сможем добиться каких-нибудь практических результатов, — подал голос Дональд Фрэйзер.

— Не будьте пораженцем, Дон, — резко заметила Меган Барнард.

Слегка раскрасневшись, Мэри Дроуэр произнесла:

— А я хочу сказать, что ничего нельзя знать заранее. Извращенец находится в этом городе, а ведь иногда приходится сталкиваться с людьми самым невероятным образом.

— Если бы мы могли сделать что-то конкретное, — раздраженно произнес я.

— Не забывайте, Гастингс, полиция делает все, что в ее силах. В город стянуты специально обученные констебли. У старины Кроума могут быть неприятные манеры, но он очень неплохой

полицейский, а полковник Андерсон, главный констебль, всегда был человеком действия. Они приняли неслыханные меры для наблюдения и охраны города и ипподрома. Полицейские в штатском будут повсюду.

— Не забывайте и о кампании в газетах. Общественность предупреждена.

Дональд Фрэйзер недоверчиво покачал головой.

— Он никогда не решится... — произнес он с надеждой в голосе. — Иначе этот человек будет сумасшедшим.

— К сожалению, — сухо заметил Кларк, — он и есть сумасшедший! А вы что скажете, месье Пуаро? Он откажется от своего замысла или все-таки попытается его выполнить?

— Мне кажется, что его болезнь зашла так далеко, что он попытается выполнить задуманное. Если он этого не сделает, то, по его собственному мнению, признает свое поражение, а этого его извращенное воображение не может допустить. Так же, хочу заметить, думает и доктор Томпсон. Нам остается только надеяться, что его возьмут во время этой попытки.

— Он очень хитроумен, — вновь недоверчиво покачал головой Дональд.

Пуаро посмотрел на свои часы, и мы все поняли намек. Было решено, что весь день мы все проведем на улицах города, пытаясь побывать на как можно большем их количестве и располагаясь на самых выгодных местах ипподрома.

Я сказал «мы». Конечно, в моем случае это патрулирование не могло принести никаких результатов, потому что я никогда в жизни не видел А. В.С. Но так как было предложено, чтобы все мы разделились и, таким образом, покрыли как можно большее количество улиц, то я предложил себя в качестве телохранителя одной из наших девушек.

Пуаро с этим согласился, однако мне показалось, что в глазах у него промелькнул некий огонек.

Девушки ушли за своими шляпками. Дональд Фрэйзер стоял у окна, полностью погруженный в свои мысли. Франклин Кларк взглянул на него, но, по-видимому, решил, что как слушатель Фрэйзер не представляет никакого интереса, поэтому, слегка понизив голос, он обратился к моему другу:

— Послушайте, месье Пуаро… Я знаю, что вы были в Керстоне и встречались с моей свояченицей. Она вам там на что-то намекала… или

говорила… то есть она высказала какие-то свои предположения? — Он в смущении остановился.

Когда Пуаро отвечал, на его лице было такое невинное выражение, что я не мог не заподозрить худшего.

– *Comment?*[78] Что должна была сказать, предположить или на что должна была намекнуть ваша свояченица?

— Может быть, вы думаете, что сейчас не время обсуждать какие-то личные вещи? — спросил Кларк, сильно покраснев.

– *Du tout!*[79]

— А я хотел бы расставить все точки над «i».

— Очень похвальное намерение.

На этот раз, как мне показалось, Кларк стал подозревать, что под непроницаемым лицом Пуаро скрывается искреннее веселье. Он продолжил достаточно неуклюже:

— Моя свояченица — очаровательная женщина. Я всегда очень хорошо к ней относился, но, к сожалению, она заболела. А при ее болезни человека постоянно пичкают наркотиками, что, должен сказать, несколько смазывает его карти-

---

[78] Сноски: 78
Как? *(фр.)*

[79] Сноски: 79
Вовсе нет! *(фр.)*

ну восприятия мира и ему начинают чудиться разные нелепицы!

— Ах вот как. — Теперь было уже совершенно ясно, что в глазах Пуаро прыгают озорные чертики.

Однако Франклин Кларк, полностью захваченный своей дипломатической миссией, этого не заметил.

— Я хотел бы поговорить о Торе Грей, — произнес он.

— Ах, так вы имеете в виду мисс Грей? — В голосе Пуаро звучало невинное удивление.

— Да. Дело в том, что у леди Кларк появились на ее счет странные мысли. Понимаете, все дело в том, что Тора Грей — довольно красивая девушка.

— Возможно, вы и правы, — согласился мой друг.

— А женщины, даже их лучшие представительницы, всегда несколько недоброжелательны по отношению к другим женщинам. Тора действительно была незаменима для моего брата, и он всегда говорил, что она была лучшим секретарем из тех, что у него были, и он тоже очень хорошо к ней относился. Но все это было абсолютно прямо и открыто. То есть я хочу сказать, что Тора не

такая девушка.

— Совсем не такая, — поддержал его Пуаро.

— Однако моя свояченица вбила себе в голову, что у нее есть повод для ревности, — так мне, по крайней мере, кажется. Хотя она этого никогда никак не показывала. Но после смерти Кара, когда встал вопрос о дальнейшей судьбе мисс Грей, Шарлотта, как бы это сказать, была довольно резка. Конечно, как считает сестра Капстик, все это связано с ее состоянием и с морфином, поэтому она говорит, что Шарлотту нельзя винить за те идеи, которые возникают у нее в голове… — Кларк замолчал.

— Я вас внимательно слушаю.

— Я хочу, чтобы вы поняли, месье Пуаро, что в идеях леди Кларк совсем ничего нет. Это просто воображение больной женщины. Вот взгляните, — он стал рыться в карманах, — взгляните вот на это письмо, которое я получил от своего брата, когда был в Малайзии. Я бы хотел, чтобы его прочитали, потому что из него понятно, в каких они были отношениях.

Пуаро взял письмо. Франклин подошел к нему сбоку и, указывая пальцем, прочитал вслух несколько строк:

У нас все идет как обычно. Боль вроде бы не

так сильно беспокоит Шарлотту. Хотелось бы, чтобы можно было сказать о ней что-то еще. Ты помнишь Тору Грей? Она милая девушка и приносит мне гораздо больше покоя, чем я мог ожидать. Без нее я бы не смог пережить эти сложные времена. Ее симпатия ко мне и интерес к тому, что мы вместе делаем, неиссякаемы. Она обладает изысканным вкусом и нюхом на красивые вещи и полностью разделяет мое восхищение искусством Китая. Мне повезло, что мы с нею встретились. Ни одна дочь не смогла бы быть более внимательным и близким другом. У нее была тяжелая и не всегда счастливая жизнь, поэтому я счастлив знать, что здесь, у меня в доме, она нашла себе крышу над головой и настоящую привязанность.

— Вот видите, — продолжил Франклин, — как мой брат к ней относился. Он считал ее своей дочерью. Мне кажется несправедливым то, что, как только мой брат умер, его жена практически выкинула ее из дома! Женщины иногда хуже дьявола, месье Пуаро.

— Не забывайте, что ваша свояченица недужна и испытывает постоянную боль.

— Об этом я всегда помню. И именно это не устаю себе повторять. Мы не должны судить ее

слишком строго. Но все равно, я подумал, что стоит показать вам это письмо. Мне бы не хотелось, чтобы вы составили себе неправильное мнение о Торе, основываясь только на том, что говорила вам леди Кларк.

Пуаро вернул письмо.

— Уверяю вас, — улыбнулся он, — что я никогда не делаю выводов, основываясь только на том, что люди мне иногда говорят. Я всегда предпочитаю делать выводы, основываясь на своих собственных наблюдениях.

— Ну что ж, — заметил Кларк, убирая письмо. — И все-таки я рад, что показал вам его. А вот и наши дамы. Думаю, нам пора.

Мы уже выходили из комнаты, когда Пуаро меня окликнул.

— Вы уверены, что хотите принять участие в этой экспедиции, Гастингс?

— Конечно. Я буду чувствовать себя неловко, бездельничая здесь, с вами.

— Но ведь, помимо активности тела, существует еще и активность разума, друг мой.

— Это у вас получается гораздо лучше, чем у меня.

— В этом вы абсолютно правы, Гастингс. Правильно ли я понимаю, что вы хотите выступить

в качестве сопровождающего одной из женщин?

— Именно так я и собираюсь поступить.

— И какой же из девушек вы собираетесь оказать честь своим вниманием?

— Знаете, я еще об этом не думал…

— А как насчет мисс Барнард?

— Мне она кажется слишком самостоятельной, — возразил я.

— Мисс Грей?

— Вот это уже лучше.

— Я нахожу вас, Гастингс, по-своему очень честным человеком! Ведь вы давно уже решили провести день с вашим белокурым ангелом?

— Да бросьте вы, Пуаро!

— Жаль, что мне придется нарушить ваши планы, но я хотел бы просить вас оказать эту услугу другой девушке.

— Ну конечно, вы же явно неравнодушны к этому живому воплощению голландской куклы.

— И тем не менее на этот раз я хочу попросить вас сопровождать мисс Дроуэр и не отходить от нее ни на шаг.

— Но почему, Пуаро?

— Потому, мой дорогой друг, что ее фамилия начинается с буквы «Д». Мы с вами не можем рисковать.

Я не мог не согласиться со справедливостью его замечания. Сначала мне это показалось слишком притянутым за уши, но потом я подумал, что если А. В.С. так фанатично ненавидит самого Пуаро, то он вполне может быть в курсе того, что собирается предпринять мой друг. И в этом случае убийство Мэри Дроуэр могло показаться ему достаточно привлекательным в свете четвертого преступления.

Я пообещал Пуаро оправдать его доверие.

Когда я выходил, маленький бельгиец продолжал сидеть в кресле возле окна. Перед ним стояла маленькая рулетка. Он раскрутил колесо и крикнул мне вслед:

— Красное! Это хороший знак, Гастингс. Удача поворачивается к нам лицом.

Глава XXIV
(написано не от имени капитана Гастингса)

Мистер Лидбеттер негромко, но нетерпеливо выругался, когда его сосед встал и неуклюже перебрался через его ноги. При этом мужчина умудрился уронить свою шляпу на передний ряд сидений и наклонился вперед, чтобы поднять ее.

И все это произошло в самый кульминационный момент фильма «Ни одна птица», этой интригующей драмы со звездным составом актеров, полной пафоса и красоты. Мистер Лидбеттер целую неделю с нетерпением ждал, когда же увидит ее еще один раз.

Именно в этот момент златокудрая героиня (ее играла Кэтрин Роял, самая выдающаяся, по мнению мистера Лидбеттера, актриса в мире) издала хриплый негодующий крик: «Ни за что. Я лучше умру от голода. Но я не умру от голода. Помните эти слова: ни одна птица не упадет…»[80]

Мистер Лидбеттер недовольно повертел голо-

---

[80] Сноски: 80

Цитата из Евангелия от Матфея: «И ни одна птица не упадет на землю без воли Отца Вашего…» (Мф. 10:29).

вой. Вот люди! Почему они не могут дождаться конца фильма… Да еще и уходят в такой душещипательный момент.

Ну, вот так-то лучше. Неприятный джентльмен наконец прошел и исчез из кинотеатра. Теперь ничто не мешало мистеру Лидбеттеру наслаждаться видом Кэтрин, которая стояла у окна особняка Ван Шрайнера в Нью-Йорке.

А теперь она садится на поезд с ребенком на руках… Какие странные поезда у них в Америке, совсем не похожи на английские.

А вот и снова Стив в своей лачуге в горах…

Действие фильма катилось к своей эмоциональной полурелигиозной развязке. Когда зажегся свет, мистер Лидбеттер с удовлетворением вздохнул и медленно поднялся, мигая на ярком свету.

Он никогда не любил быстро выходить из кинотеатра. Ему всегда требовалось несколько минут, чтобы вернуться к прозе жизни. Мистер Лидбеттер осмотрелся. Естественно, сегодня здесь не так уж много людей. Все на скачках. Он не одобрял скачек, игру в карты, курение и выпивку. Поэтому всю свою нерастраченную энергию тратил на походы в кино.

Зрители торопились к выходу. Мистер Лидбет-

тер приготовился следовать за ними. Человек, который сидел прямо перед ним, спал, согнувшись в кресле. Сама мысль о том, что кто-то может заснуть во время просмотра такой драмы, как «Ни одна птица», возмутила мистера Лидбеттера.

Возмущенный джентльмен говорил спящему, чьи ноги загораживали проход: «Простите, разрешите пройти, сэр».

Подойдя к выходу, мистер Лидбеттер оглянулся назад. Ему показалось, что в зале началась какая-то суета. Служитель… какая-то небольшая группка людей. Может быть, тот тип впереди него был мертвецки пьян, а вовсе не спал… Мистер Лидбеттер остановился, заколебавшись, но потом вышел из зала. И сделав так, пропустил самую большую сенсацию дня — большую даже, чем выигрыш Не-Половины в главной скачке дня с выдачей 85 к 1.

— Мне кажется, вы правы, сэр, — говорил меж тем служитель кинотеатра, — он, наверное, болен. Что случилось, сэр?

Стоящий рядом мужчина с криком отдернул свою руку и теперь внимательно рассматривал красное, липкое пятно на ней.

— Кровь…

Служитель сдавленно вскрикнул. Краем глаза он заметил что-то желтое, выглядывающее из-под кресла.

— О боже, — сказал он. — Это А. В.С.

Глава XXV
(написано не от имени капитана Гастингса)

Мистер Каст вышел из кинотеатра «Регал» и посмотрел на небо.

Прекрасный вечер… Действительно прекрасный вечер…

Ему в голову пришла цитата из Браунинга: «Бог на небе, все прекрасно на земле…» Он всегда очень ее любил. Хотя очень часто бывали моменты, когда он чувствовал, что это все неправда…

Мистер Каст быстро шел по улице, улыбаясь самому себе, пока не добрался до «Черного лебедя», гостиницы, в которой остановился. Там он взобрался к себе в комнату, душную коморку на втором этаже, окна которой выходили на двор и гараж.

Однако, когда мистер Каст вошел в комнату, улыбка сошла с его лица. На рукаве его пиджака, рядом с манжетой, виднелось пятно. Он задумчиво дотронулся до него… влажное и красное — кровь…

Каст быстро сунул руку в карман и достал отту-

да длинный тонкий нож. Его лезвие тоже было липким и красным от крови…

Мистер Каст долго стоял неподвижно.

Его глаза метались по комнате, как глаза загнанного животного. Языком он лихорадочно облизывал губы…

— Это не моя вина, — произнес мистер Каст.

Это прозвучало так, как будто он с кем-то спорил — школьник, оправдывающийся перед своим учителем.

Он вновь провел языком по губам.

И еще раз, очень осторожно, дотронулся до рукава пиджака.

Глазами он отыскал умывальник.

Минуту спустя мистер Каст уже наливал холодную воду из старомодного кувшина в раковину. Сняв пиджак, он прополоскал рукав и тщательно отжал его…

Ну вот… Вода покраснела…

Раздался стук в дверь.

Он стоял, замерев, и смотрел на дверь.

Она открылась. В проеме стояла пухлая девушка с кувшином в руках.

— Простите, сэр. Вот ваша горячая вода, сэр.

— Спасибо. Я уже помылся холодной, — едва смог с трудом выговорить он.

Зачем он это сказал? Горничная немедленно посмотрела на раковину.

— Я… я порезал руку… — В голосе его слышалось раздражение.

В комнате повисла пауза, да, очень длинная пауза, прежде чем она ответила:

— Ну конечно, сэр.

Девушка вышла, захлопнув за собой дверь.

Мистер Каст стоял, как каменная статуя.

Наконец-то это произошло…

Мужчина прислушался.

Это что, звуки голосов и шагов, взбирающихся по лестнице?

Но он ничего не слышал, кроме биения собственного сердца.

Неожиданно его неподвижность сменилась лихорадочной деятельностью.

Натянув пиджак, он на цыпочках подошел к двери и открыл ее. Никаких звуков, кроме знакомого невнятного бормотания, поднимавшегося из бара. Он прокрался по ступенькам…

Все еще никого. Повезло. Мужчина на секунду остановился у начала лестницы. Куда же теперь?

Решившись наконец, он быстро прошел по коридору и вышел в дверь, ведущую во двор. Пара шоферов полировала свои машины и лениво

обсуждала победителей и проигравших.

Мистер Каст поспешно пересек двор и вышел на улицу.

Он свернул за первый же угол, затем пошел направо, потом повернул налево и опять направо…

Стоит ли рискнуть и отправиться на вокзал?

Конечно, сейчас там толпы народа и дополнительные поезда, и если ему повезет, то все будет в порядке…

Если только ему повезет…

Глава XXVI
(написано не от имени капитана Гастингса)

Инспектор Кроум слушал взволнованный рассказ мистера Лидбеттера.

— Уверяю вас, инспектор, у меня сердце замирает, как только вспомню об этом. Ведь весь сеанс он сидел на соседнем месте.

Кроум, которого мало интересовало сердце мистера Лидбеттера, задал последнему вопрос:

— Ответьте, пожалуйста, только точно. Этот мужчина вышел, не дожидаясь окончания картины?

— «Ни одна птица» с Кэтрин Ройал, — автоматически проговорил мистер Лидбеттер.

— Он пролез мимо вас и в этот момент споткнулся?

— Он притворился, что споткнулся. Теперь я это хорошо понимаю. А потом он наклонился через кресло переднего ряда, чтобы поднять свою шляпу. Думаю, что именно в этот момент он и ударил беднягу ножом.

— А вы что-нибудь услышали? Может быть,

крик или стон?

Мистер Лидбеттер не слышал ничего, кроме громких, хриплых стенаний Кэтрин Ройал, но его живое воображение с готовностью подсказало ему, что он слышал стон.

Инспектор Кроум не дал обмануть себя упоминанием об этом стоне и попросил свидетеля продолжать.

— А потом он вышел.

— А вы можете его описать?

— Это был очень крупный мужчина. Не менее шести футов, настоящий великан.

— Блондин или брюнет?

— Знаете, я не очень уверен… Мне кажется, что он был лысым. И вид у него был довольно зловещий.

— Он не хромал?

— Да, да. Теперь, когда вы об этом спросили, думаю, что он хромал. У него была очень темная кожа — возможно, что это был метис.

— А он уже сидел на своем месте, когда погасили свет перед основной картиной?

— Нет. Он пришел уже после того, как она началась.

Инспектор Кроум кивнул, протянул мистеру Лидбеттеру протокол для подписи и избавился от

очевидца трагедии.

— Худшего свидетеля трудно себе представить, — пессимистически заметил он. — Если ему чуть-чуть намекнуть, то он вспомнит все что угодно. Совершенно очевидно, что у него нет ни малейшего представления о том, как выглядел этот человек. Давайте еще раз поговорим со служителем.

Служитель, очень напряженный и старающийся вести себя по-военному, вошел и вытянулся по стойке «смирно». Глазами он ел полковника Андерсона.

— Ну что же, Джеймсон, давайте теперь послушаем вас.

— Так точно, сэр. — Джеймсон отсалютовал. — По окончании сеанса мне сообщили, что в зале находится заболевший джентльмен, сэр. Он сидел на дешевых местах, согнувшись в кресле, вот, сэр. Вокруг стояли другие зрители. Вид джентльмена мне сразу не понравился, сэр. Один из зрителей, которые стояли рядом, сэр, приложил свою руку к груди этого джентльмена, сэр, и показал мне. На его руке была кровь. Было ясно, сэр, что джентльмена зарезали до смерти, сэр. И тут, сэр, я увидел под сиденьем алфавитный железнодорожный справочник, сэр. Я постарался ни до чего не дотра-

гиваться, сэр, и немедленно сообщил полиции об этом ужасе, сэр.

— Очень хорошо, Джеймсон, вы действовали абсолютно правильно.

— Благодарю вас, сэр.

— А вы не обратили внимания на человека, который покинул эти дешевые места минут за пять до случившегося?

— Выходило несколько человек, сэр.

— И вы можете их описать?

— Боюсь что нет, сэр. Один точно был мистер Джоффри Парнелл. И еще этот молодой парень — Сэм Бейкер — со своей девушкой. Никого больше я назвать не могу.

— Жаль. Благодарю вас, Джеймсон.

— Есть, сэр.

Служитель отдал честь и ретировался.

— Все медицинские подробности у нас уже есть, — заметил полковник. — Теперь нам надо переговорить с тем, кто его нашел.

Вошедший констебль отдал честь.

— Прибыл мистер Эркюль Пуаро, сэр, и с ним еще один джентльмен.

Инспектор Кроум нахмурился.

— Что ж, — сказал он, — делать нечего, придется, наверное, пригласить их сюда.

Глава XXVII
Убийство в Донкастере

Войдя в комнату вслед за Эркюлем Пуаро, я услышал только конец фразы инспектора. И он, и главный констебль выглядели взволнованными и напряженными.

Полковник Андерсон поприветствовал нас кивком.

— Рад видеть вас, мистер Пуаро, — вежливо произнес он. Скорее всего, главный констебль догадался, что мы могли услышать фразу инспектора. — Как видите, у нас опять проблемы.

— Еще одно убийство по алфавиту?

— Да. И на этот раз чертовски дерзкое. Убийца зарезал жертву ударом ножа в спину.

— На этот раз он применил нож?

— Вот именно. Старается разнообразить свои методы, правда? Сначала удар по голове, потом удушение — и вот теперь нож. Изобретательный мерзавец, а? Вот заключение судмедэксперта, если вас это интересует.

Он протянул бумаги моему другу.

— Справочник лежал на полу, между ногами

убитого, — добавил полицейский.

— А убитого уже опознали? — поинтересовался Пуаро.

— Да. И если это доставит вам удовольствие, то на этот раз А. В.С. ошибся. Убитого звали Эрлсфилд[81]. Джордж Эрлсфилд. Парикмахер по профессии.

— Любопытно, — заметил сыщик.

— Может быть, решил пропустить букву? — предположил полковник.

Мой друг в сомнении покачал головой.

— Тогда давайте пригласим следующего свидетеля? — предложил Кроум. — Ему не терпится уйти домой.

— Да, да. Давайте продолжим.

Ввели пожилого мужчину, на удивление похожего на лягушку из «Алисы в Стране чудес». Он был очень возбужден, и его голос звенел от переполнявших его эмоций.

— Ни с чем более шокирующим мне в жизни еще не приходилось сталкиваться, — провизжал он. — У меня очень слабое сердце, сэр, очень слабое сердце. Я бы вполне мог умереть от всего этого.

---

[81] Сноски: 81

Фамилия Эрлсфилд начинается с латинской буквы E (и) — пятой буквы английского алфавита.

— Ваше имя, пожалуйста, — проговорил инспектор.

— Доунз[82]. Роджер Эммануэль Доунз.

— Кто вы по профессии?

— Я преподаю в Хайфилдской школе для мальчиков.

— А теперь, мистер Доунз, не могли бы вы рассказать нам своими словами, что же все-таки произошло?

— Могу, только очень коротко, джентльмены. По окончании сеанса я встал со своего места. Место рядом со мною было пустым, а на следующем сидел мужчина, который выглядел спящим. Я не мог пройти мимо него, направляясь к выходу из зала, так как ноги свои он вытянул прямо через весь проход. Я попросил его пропустить меня. Так как он не пошевелился, я повторил свою просьбу несколько громче. Он и на это никак не среагировал. Тогда я дотронулся до его плеча, чтобы разбудить его. Его тело съехало в кресле еще ниже, и я понял, что он или без сознания, или серьезно болен. Тогда я воскликнул: «Этот джентльмен серьезно болен! Позовите служителя». Появился служитель. Когда я отнял свою руку

---

[82] Сноски: 82

Фамилия персонажа в английском языке начинается с буквы D (ди) — четвертой буквы английского алфавита.

от плеча мужчины, то увидел, что она влажная и красная… И тут я понял, что этого человека зарезали. И в этот же самый момент служитель заметил алфавитный справочник… Уверяю вас, джентльмены, что я был просто в шоке! В тот момент со мной могло случиться все что угодно. Уже многие годы я страдаю от болезни сердца.

Полковник Андерсон смотрел на мистера Доунза с очень странным выражением лица.

— Вы можете считать себя просто счастливчиком, мистер Доунз.

— А я так и считаю. Я не почувствовал даже учащенного сердцебиения.

— Вы не совсем понимаете, что я хочу сказать, мистер Доунз. Вы говорите, что сидели через два кресла от убитого?

— Дело в том, что сначала я сидел прямо рядом с убитым, но потом пересел, чтобы оказаться перед пустым креслом.

— Вы приблизительно того же роста и комплекции, что и убитый, не так ли? И на шее у вас, как и у него, был надет шарф?

— Я что-то не очень понимаю… — Голос мистера Доунза звучал напряженно.

— Я просто пытаюсь объяснить вам, — сказал полковник Андерсон, — в чем же вам так повез-

ло сегодня. Каким-то образом убийца, который вошел в кинотеатр вслед за вами, запутался. И выбрал не ту спину. Готов съесть свою собственную шляпу, если этот удар ножом не предназначался для вас, мистер Доунз.

Несмотря на то, что сердце свидетеля с честью выдержало все предыдущие проверки, этого было слишком много даже для него. Задохнувшись, он опустился в кресло. Лицо его побагровело.

— Воды, — сдавленным голосом попросил он, — воды…

Ему принесли стакан с водой, и пока он пил, его лицо постепенно принимало свой нормальный вид.

— Для меня? — переспросил он. — Но почему для меня?..

— Все указывает именно на это, — пояснил Кроум. — Это единственное логическое объяснение происшедшего.

— Вы что, хотите сказать, что этот мерзавец, этот враг рода человеческого, этот жаждущий крови псих следовал за мной в ожидании удобного случая?

— К сожалению, все было именно так.

— Но, ради всего святого, почему именно я? — потребовал взбешенный школьный учитель.

Инспектор Кроум с трудом подавил желание сказать: «А почему бы и нет?»

— Боюсь, что действия ненормального невозможно объяснить с точки зрения общечеловеческой логики, — сказал он вместо этого.

— Благодарю тебя, Господи, — всхлипнул мистер Доунз и встал. Внезапно он превратился в очень старого, сильно ошарашенного мужчину. — Если я вам больше не нужен, джентльмены, то я, пожалуй, пойду домой. Что-то я не очень хорошо себя чувствую.

— Конечно, конечно, мистер Доунз. Я велю констеблю проводить вас до дому, чтобы убедиться, что всё в порядке.

— Нет, нет. Спасибо, но этого не нужно.

— Напрасно вы так считаете, — угрюмо сказал главный констебль и взглянул на инспектора, незаметно задав ему немой вопрос.

Тот, так же незаметно, утвердительно кивнул.

Мистер Доунз удалился на трясущихся ногах.

— Не хватало еще, чтобы он свалился где-нибудь по дороге, — заметил полковник, — А то еще один труп появится, а?

— Да, сэр. Ваш инспектор Райс обо всем позаботился. За его домом будут следить.

— Вы что, думаете, — спросил Пуаро, — что

когда А. В.С. поймет свою ошибку, то он повторит попытку?

— Такую возможность нельзя полностью исключить, — кивнул Андерсон. — Этот А. В.С. выглядит очень методичным парнем. Уверен, что он расстроится, когда узнает, что все пошло не так, как он задумал.

Маленький бельгиец задумчиво кивнул.

— Хотелось бы все-таки получить описание этого убийцы, — раздраженно произнес полковник Андерсон. — А то мы продолжаем блуждать в потемках, как и раньше.

— Скоро все изменится, — заметил Пуаро.

— Вы так думаете?.. Что ж, возможно, вы и правы. Черт побери, неужели никто в кинотеатре не смог разглядеть его как следует?

— Запаситесь терпением, — посоветовал сыщик.

— Вы выглядите очень уверенным, месье Пуаро. У вас что, есть причины для подобного оптимизма?

— Да, полковник Андерсон. До сего момента преступник не совершил ни одной ошибки. Значит, он совершит ее в ближайшем будущем.

— Вы только это и повторяете все время, — фыркнул полковник, но его прервали.

— Пришел мистер Болл из «Черного лебедя» с молодой женщиной, сэр. Он говорит, что у него есть информация, которая нам поможет.

— Так пригласите же, пригласите их. Сейчас для нас важно абсолютно все.

Мистер Болл из «Черного лебедя» был крупным мужчиной, который медленно двигался и еще медленнее соображал. От него исходил стойкий запах пива. Вместе с ним пришла пухленькая девушка, круглые глаза которой выдавали крайнюю степень возбуждения.

— Надеюсь, что не помешал вам, — произнес мистер Болл медленным низким голосом. — Но эта вот служанка, Мэри, считает, что должна вам кое-что рассказать.

Мэри нерешительно хихикнула.

— Итак, милая девочка, — сказал Андерсон, — о чем же вы хотите нам рассказать? Как вас зовут?

— Мэри, сэр. Мэри Строуд.

— Ну что ж, Мэри, давайте…

Девушка круглыми глазами посмотрела на своего хозяина.

— Обязанность Мэри — разносить по комнатам горячую воду, — пришел ей на помощь мистер Болл. — Сейчас у нас живет человек пять постояльцев. Некоторые приехали на скачки, а

другие — по иным делам.

— Понятно, понятно, — нетерпеливо произнес Андерсон.

— Продолжай, детка, — сказал мистер Болл, — расскажи все, что знаешь. Тебе нечего бояться.

Мэри тяжело вздохнула и задыхающимся голосом приступила к своему рассказу.

— Я постучала в дверь, и мне никто не ответил, иначе бы я ни за что не вошла, если бы только джентльмен не сказал «Войдите», а поскольку он ничего не сказал, то я и вошла, а он стоял там и мыл руки.

Она замолчала и глубоко вздохнула.

— Продолжайте, дитя мое, — попросил ее Андерсон.

Мэри взглянула на своего хозяина и, как бы найдя поддержку в его медленном кивке, продолжила:

— «Вот ваша горячая вода, сэр, — сказала я, — и я к вам постучала». А он сказал: «А я уже вымылся холодной». Ну, а я посмотрела в раковину, а там, храни меня Господи, все было красным.

— Красным? — резко переспросил полковник.

— Девочка сказала мне, что мужчина снял пиджак, — вмешался Болл, — и держал его рукав над раковиной, и рукав был весь мокрый, ведь

так все было, детка?

— Да, сэр, именно так, сэр. И еще его лицо, сэр, — продолжила девушка, — оно было какое-то странное. Ну просто очень странное, сэр. Я тогда здорово перепугалась.

— А когда это все произошло? — задал вопрос полковник Андерсон.

— Насколько я помню, около четверти шестого.

— То есть три часа назад! — рявкнул главный констебль. — А почему вы сразу же не явились к нам?

— Да я ничего такого и не подумал, — сказал мистер Болл. — Ну, то есть пока не услышал об этом новом убийстве. Ну вот, а потом уже эта девчонка закричала, что в раковине была кровь, а я спросил ее, что она имеет в виду, и тут она мне все рассказала. Мне это не понравилось, и я пошел сам посмотреть. В комнате никого не было. Я поспрошал вокруг, и один из ребят во дворе сказал, что видел, как какой-то парень прокрался через двор, и по описанию это был тот же самый, что и в комнате. Поэтому я сказал жене, что Мэри лучше пойти в полицию. Но ей это не понравилось, я имею в виду Мэри, ну, и мне пришлось пойти вместе с ней.

Инспектор Кроум протянул ему лист бумаги.

— Опишите этого человека, — велел он. — И побыстрее, у нас не так много времени.

— Он был среднего роста, — сказала Мэри, — сутулый и в очках.

— А во что он был одет?

— В темный костюм и мягкую фетровую шляпу. И одежда была довольно поношенная.

Больше она ничего не смогла добавить.

Инспектор Кроум не стал настаивать. Скоро заработали все телефонные линии, но ни главный констебль, ни инспектор не проявляли по этому поводу особого оптимизма.

Кроум обратил внимание на то, что когда мужчина крался по двору, в руках у него не было ни чемодана, ни сумки.

— Это может быть наш шанс, — сказал он.

Двое полицейских были направлены в «Черный лебедь». Вместе с ними отправились мистер Болл, раздувшийся от гордости и осознания собственной важности, и чуть не плачущая Мэри.

Сержант вернулся спустя минут десять.

— Я принес регистрационный журнал, сэр, — доложил он. — Вот его подпись.

Все мы сгрудились вокруг журнала. Подчерк был мелкий и неровный — прочитать написан-

ное было не так легко.

— А. Б. Киз? Или, может быть, Кэш?[83] — сказал полковник.

— А. В.С., — со значением подчеркнул Кроум.

— А что насчет багажа? — поинтересовался Андерсон.

— Один достаточно большой чемодан, сэр, полный небольших картонных коробок.

— Коробок? И что же в них?

— Чулки, сэр. Шелковые чулки.

— Поздравляю вас, сэр, — Кроум повернулся к моему другу. — Ваша догадка оказалась верна.

[83] Сноски: 83

Фамилии Киз и Кэш начитаются с буквы С (си), третьей буквы английского алфавита.

Глава XXVIII
(написано не от лица капитана Гастингса)

Инспектор Кроум находился в своем кабинете в Скотленд-Ярде, когда на его столе негромко зазвонил телефон, и он снял трубку.

— Говорит Джейкобс, сэр, — раздалось в трубке. — Здесь пришел молодой человек, с историей, которую, мне кажется, вам стоит послушать, сэр.

Инспектор Кроум тяжело вздохнул. За день в Скотленд-Ярд приходило в среднем человек двадцать, и все они утверждали, что у них есть важная информация по делу А. В.С. Некоторые из них оказывались безобидными чудаками, некоторые — людьми, которые искренне верили, что действительно обладают важной информацией. Сержант Джейкобс должен был проводить их первичный опрос и докладывать суть сообщенного своему руководителю.

— Очень хорошо, Джейкобс, — ответил Кроум в трубку. — Пришлите его ко мне.

Через несколько минут в дверь инспектора постучали, и в проеме появился сержант Джей-

кобс, который сопровождал высокого, довольно приятного на вид молодого человека.

— Это мистер Том Хартиган, сэр. Он хотел бы кое-что рассказать нам, что может иметь отношение к делу А. В.С.

Инспектор встал навстречу вошедшему и пожал ему руку.

— Итак, — произнес он приятным голосом, — вы хотите сообщить нам что-то, что может иметь отношение к делу А. В.С. Мы вас слушаем.

— Вполне возможно, что в этом ничего и нет. — Том явно нервничал. — Это я просто так подумал. Но, может быть, я напрасно занимаю ваше время…

Инспектор Кроум вновь незаметно вздохнул. Сколько же времени он тратит на подбадривание таких людей!

— Позвольте нам решить это самим. Выкладывайте ваши факты, мистер Хартиган.

— В общем, дело обстоит так, сэр. Понимаете, у меня есть девушка, вот. Ну, и ее мать сдает комнаты. Это по Кэмденской дороге. И вот квартиру на втором этаже уже больше года снимает у нее мужчина по имени Каст.

— Каст?

— Совершенно верно. Пожилой человечек, весь

из себя такой рохля и, по-моему, слегка не от мира сего. Знаете, о таких говорят обычно, что они мухи не обидят. И мне ничего такого никогда бы не пришло в голову, если б не несколько очень странных вещей.

После этого, в довольно неуверенной манере, несколько раз повторившись, Том рассказал о своей встрече с мистером Кастом на Юстонском вокзале и о том, как тот уронил свой билет.

— Понимаете, сэр, смотрите на это как хотите, но все это довольно смешно. Лили, сэр, это моя девушка, совершенно уверена, что он ездил в Челтенхэм, да и мать ее утверждает то же самое. Она говорит, что помнит, как он сам сказал ей об этом в то утро. Ну, и в то время я не обратил на это никакого внимания. Лили, это моя девушка, сэр, сказала еще, что надеется, что он не столкнется с этим убийцей в Донкастере, а потом еще вспомнила, что по совершенной случайности этот жилец находился в Керстоне в то время, когда там произошло убийство. Ну вот, а я еще в шутку спросил у нее, не был ли Каст в Бэксхилле в день убийства, а Лили сказала мне, что точно не знает, но уверена, что в тот день он был где-то на взморье, сэр. Ну, а я тогда еще сказал ей, что вот будет хохма, если сам мистер Каст и окажется

этим убийцей, а она сказала, что жилец и мухи не обидит, и после этого мы вроде бы про это забыли. Но только, сэр, где-то внутри у меня продолжало свербеть. И я опять стал думать про этого Каста, и мне показалось, что, несмотря на то, что выглядит он совершенно безобидным, что-то в нем есть такое этакое.

Том глубоко вздохнул и продолжил рассказ. Инспектор Кроум слушал его не отвлекаясь.

— Ну вот, а после убийства в Донкастере во всех газетах опубликовали просьбу сообщать информацию о некоем джентльмене по имени Киз или Кэш, ну и дали описание, которое почти подходило. И в первый же свободный вечер я отправился к Лили и спросил ее про инициалы их жильца. Лили не помнила, но ее мать ответила сразу. Она сказала сразу же, что инициалы были А. Б., вот так, сэр. Тогда мы уже по-серьезному попытались вспомнить, был ли Каст в отъезде во время первого убийства в Андовере. Сами знаете, сэр, что вспомнить, что было три месяца назад, не так уж и легко. Так что нам пришлось попотеть, но в конце концов мы точно установили, что все было именно так. Потому что двадцать первого июня к миссис Марбери неожиданно приехал брат из Канады, и ей некуда было положить его на ночь,

а Лили предложила занять комнату мистера Каста, потому что тот был в отъезде. Но миссис Марбери на это не согласилась. Она сказала, что это неправильно по отношению к съемщику, а она всегда поступает с ними по-честному. Но дату мы установили совершенно точно, потому что в тот день корабль Берта Марбери пришвартовался в Саутгемптоне.

Теперь инспектор Кроум слушал Тома очень внимательно, изредка делая пометки в блокноте.

— И это всё? — спросил он.

— Да, сэр, это всё. Надеюсь, что вы не подумаете, что я делаю из мухи слона.

— Совсем нет. Вы совершено правильно сделали, что пришли к нам. Конечно, улики выглядят не очень надежными, ведь все эти даты могут быть простым совпадением, да и похожесть имени еще ничего не значит. Однако всего, что вы тут наговорили, достаточно, чтобы я побеседовал с этим вашим мистером Кастом. Он сейчас дома?

— Да, сэр.

— А когда он вернулся?

— Вечером в день убийства в Донкастере, сэр.

— И чем же он сейчас занимается?

— Почти все свое время проводит дома. И мис-

сис Марбери говорит, что ведет он себя более чем странно. Покупает множество газет. Выходит рано утром и покупает утренние выпуски, а потом вечером выходит за вечерними. И еще миссис Марбери говорит, что он очень много разговаривает сам с собой. Она считает, что с головой у него становится все хуже и хуже.

— А какой адрес у миссис Марбери?

Том продиктовал адрес.

— Благодарю вас. Скорее всего, я сегодня наведаюсь туда. Думаю, что вам не надо говорить, что если вы встретитесь с Кастом, то вам следует быть осторожнее.

Инспектор встал и пожал Тому руку.

— Вы можете гордиться тем, что абсолютно правильно поступили, придя к нам. Всего хорошего, мистер Хартиган.

— Итак, сэр, — сказал сержант Джейкобс, входя через несколько минут в кабинет Кроума. — Интересно, правда?

— Достаточно многообещающе, — сказал инспектор. — То есть я хочу сказать, если все обстоит так, как рассказал этот юноша. Пока нам не везло с чулочными фабриками, поэтому время для везения уже давно наступило… Кстати, подайте-ка мне папку с материалами по убийству в

Керстоне.

Несколько минут он рылся в бумагах, пытаясь найти то, что его заинтересовало.

— Ах да, вот оно. Это одно из показаний, записанных полицией Торки. Показания молодого человека по имени Хилл. Рассказывает о том, что когда выходил из кинотеатра в Торки после фильма «Ни одна птица», то столкнулся с человеком, который очень странно себя вел. Разговаривал сам с собой. И Хилл слышал, как он сказал: «А это идея…» В Донкастере ведь тоже показывали фильм «Ни одна птица», так ведь?

— Так точно, сэр.

— Не исключаю, что во всем этом может что-то быть. В смысле, в то время это могла быть просто мысль, но вполне возможно, что идея следующего преступления пришла в голову нашему преступнику именно в Торки. У нас здесь есть адрес этого Хилла. Его описание мужчины довольно расплывчато, но оно хорошо состыкуется с показаниями Мэри Строуд, а теперь еще и этого Тома Хартигана…

Инспектор задумчиво кивнул.

— Становится горячее, — сказал он, погрешив против истины, потому что ему в этот момент стало зябко.

— Какие будут распоряжения, сэр?

— Направьте пару человек, чтобы взяли под наблюдение этот адрес по Кэмденской дороге, но только пусть не спугнут нашу пташку. Мне надо переговорить с помощником комиссара. И, наверное, Каста надо привезти сюда и спросить у него, не хочет ли он сделать заявление.

В это время на улице Том подошел к Лили Марбери, которая ждала его на набережной.

— Всё в порядке, Том?

Молодой человек утвердительно кивнул.

— Я говорил с самим инспектором Кроумом. С тем, кто возглавляет расследование.

— И как он тебе?

— На мой вкус, слишком спокоен и все такое. Я не так представлял себе детектива.

— Это все новые люди, которых набрал лорд Тренчард[84]. Некоторые из них, говорят, очень хороши. Так что он тебе сказал?

Том кратко передал ей содержание своей беседы с Кроумом.

— То есть они считают, что это действительно он?

---

[84] Сноски: 84

Хью Тренчард, комиссар полиции Метрополии в 1931–1935 гг. Провел достаточно серьезные преобразования в Скотленд-Ярде.

— Они считают, что это вполне вероятно. В любом случае они встретятся с ним и зададут парочку вопросиков.

— Бедный мистер Каст…

— Не стоит считать его бедным, девочка моя. Если он действительно А. В.С., то он совершил четыре жестоких убийства.

Лили вздохнула и покачала головой.

— Все это выглядит просто ужасно, — заметила она.

— Ну, а теперь пошли что-нибудь перекусим. Ты только представь себе, если все это верно, то мое имя наверняка попадет в газеты.

— Неужели, Том?!

— Конечно. И твое тоже. И имя твоей матери. Вполне возможно, что газеты напечатают и твою фотографию.

— О, Том! — Девушка в восторге сжала руку молодого человека.

— Ну а пока суд да дело, как начет ланча в «Корнер-хаус»?

Лили сжала его руку еще сильнее.

— Так пошли скорее!

— Хорошо, только подожди полминуты. Мне надо позвонить со станции.

— Кому?

— Подружке, с которой собиралась встретиться.

Лили перебежала через дорогу и вернулась ровно через три минуты с раскрасневшимися щеками.

— Ну а теперь, Том, — сказала она, крепко взяв молодого человека под руку, — расскажи мне о Скотленд-Ярде. А другого ты там не видел?

— Кого это другого?

— Ну, этого джентльмена из Бельгии. Того, которому А. В.С. пишет письма?

— Нет, его там не было.

— Но все равно расскажи мне все-все. Что произошло, когда ты вошел? С кем ты говорил и что сказал?

Мистер Каст осторожно повесил телефонную трубку.

Он повернулся туда, где в дверном проеме стояла миссис Марбери. Было видно, что дама сгорает от любопытства.

— Не так уж часто вам звонят по телефону, мистер Каст?

— Нет, миссис Марбери, вы совершенно правы.

— Надеюсь, что ничего страшного не произошло?

— Нет, нет, что вы.

Как настойчива эта женщина… Его взгляд упал на страницу газеты, которую он держал в руках. Рубрика «Рождения, свадьбы, похороны»…

— Моя сестра только что родила мальчика, — вырвалось у мужчины.

Черт побери, у него же никогда не было сестры!

— О господи! Как это мило! — Про себя же миссис Марбери подумала: «И за все эти годы ни разу не заговорил о сестре… Какие же они все-таки, эти мужчины». — Скажу вам честно, я очень удивилась, когда женский голос попросил вас к телефону. Сначала мне даже показалось, что это была Лили. Голос очень на ейный похож, только, знаете, такой спесивый и гораздо выше, чем у нее. Ну что же, мистер Каст, примите мои поздравления! А это первый, или у вас уже есть маленькие племянники и племянницы?

— Этот пока единственный, — ответил Каст. — Единственный, который у меня есть, и больше, я думаю, не будет. Поэтому, мне кажется, надо немедленно ехать. Они… они хотят, чтобы я приехал. Если я потороплюсь, то смогу еще успеть на поезд.

— А вы надолго, мистер Каст? — крикнула ему вслед хозяйка, когда он взбегал по лестнице.

— Нет, нет. Два-три дня максимум.

Постоялец исчез в своей комнате. Миссис Марбери вернулась на кухню, сентиментально размышляя о «крохотном существе».

Неожиданно она вздрогнула.

Женщина вспомнила вчерашний вечер и как они все — и она, и Том, и Лили — пытались вспомнить точные даты! Пытались понять, был ли мистер Каст этим жутким монстром А. В.С.! Основываясь на его инициалах и нескольких совпадениях по датам…

— Не думаю, чтобы дети серьезно так считали, — успокоила она себя. — А теперь, так им просто стыдно будет.

Каким-то непостижимым образом, чего миссис Марбери никак не могла себе объяснить, упоминание о рождении младенца начисто стерло из ее сознания все сомнения, касавшиеся ее жильца.

Надеюсь, что бедняжка не очень мучилась при родах, подумала миссис Марбери, поднеся утюг к щеке, чтобы проверить его температуру, прежде чем принялась гладить шелковую комбинацию Лили.

Мысли ее вернулись в старую, проверенную колею.

С чемоданом в руке мистер Каст тихо спустился

по лестнице. На секунду его взгляд остановился на телефоне.

В его голове все еще звучал короткий телефонный разговор.

«Это вы, мистер Каст? Думаю, что вам будет интересно узнать, что инспектор из Скотленд-Ярда собирается нанести вам визит».

А что он ответил? Это стерлось из его памяти.

Спасибо, спасибо, милочка… как это мило с вашей стороны.

Да, что-то в этом роде.

Почему она ему позвонила? Она что, о чем-то догадалась? Или хотела удостовериться, что он дождется визита инспектора?

Но откуда она узнала, что к нему должен прийти инспектор? И этот ее голос… она постаралась изменить его, чтобы ее не узнала мать… Все говорит о том, что она знает… Но если она знает, то она бы не…

Хотя все возможно. Женщины очень странные существа. Иногда они бывают неожиданно жестоки, а иногда неожиданно добры. Однажды он наблюдал, как Лили выпускала мышку из мышеловки.

Добрая девочка…

Хорошенькая добрая девочка…

Каст остановился рядом с вешалкой в холле, которую было почти не видно за пальто и зонтиками.

Может быть?

Негромкий шум, который доносился с кухни, остановил его.

Времени совсем нет…

Миссис Марбери может выйти в любую минуту.

Он открыл входную дверь, вышел и закрыл ее за собой.

И куда теперь?..

Глава XXIX
В Скотленд-Ярде

Еще одно совещание.

Помощник комиссара, инспектор Кроум, Пуаро и я.

— Неплохая мысль, Пуаро, — произнес помощник комиссара, — насчет того, что надо проверить всех продавцов чулок.

— Это само собой напрашивается. — Мой друг развел руками. — Ведь очевидно, что это не постоянный сотрудник фабрики. Он ведь просто продает, а не занимается продвижением этого товара.

— Пока все ясно, инспектор?

— Думаю, да, — Кроум сверился со своими бумагами. — Вы позволите подвести промежуточный итог, сэр?

— Да, пожалуйста.

— Мы проверили Керстон, Пейнтон и Торки. Смогли составить список людей, которых он посетил и которым продал чулки. Должен сказать, что он ко всему подходил очень тщательно. Останавливался он в «Питте» — это небольшая

гостиница рядом со станцией Торре в Пейнтоне. В день убийства он вернулся в гостиницу около половины одиннадцатого вечера. Мог выехать из Керстона на поезде в двадцать два ноль пять, который прибывает в Пейнтон в двадцать два пятнадцать. Однако ни в поезде, ни на станции никто не видел человека, подходящего под его описание. Хотя в тот четверг в Дартмуте проходила регата и в поездах было довольно много пассажиров. В Бэксхилле все происходило по приблизительно такой же схеме. Остановился в гостинице «Перчатка» под своим собственным именем. Посетил с десяток адресов, предлагая купить чулки, включая миссис Барнард и «Рыжую кошку». Из гостиницы выехал рано вечером. В Лондон вернулся в одиннадцать тридцать утра следующего дня. В Андовере то же самое. Остановился в «Перине», предложил купить чулки миссис Фаулер, соседке миссис Ашер, и еще с полдесятку других людей. Ту пару, которую купила миссис Ашер, передала мне ее племянница (ее зовут Дроуэр). Они, несомненно, получены из того же источника, что остальные чулки.

— Что же, пока неплохо, — заметил помощник комиссара.

— Действуя на основании полученной инфор-

мации, я направился по адресу, который сообщил мне Хартиган, но там выяснилось, что Каст покинул дом за полчаса до меня. Мне сказали, что ему якобы передали какое-то сообщение по телефону. Его хозяйка сказала, что такое с ним случилось впервые за все время, пока он снимал у нее комнату.

— Сообщник? — предположил помощник комиссара.

— Маловероятно, — сказал Пуаро, — если только…

Он остановился, и мы все вопросительно посмотрели на него. Однако мой друг отрицательно покачал головой, и инспектор продолжил:

— Я тщательно обыскал комнату, которую он занимал. Этот обыск развеял последние сомнения. Я обнаружил стопку бумаги для записей, идентичной той, на которой были напечатаны все письма, большое количество чулочных изделий, а за ними, на полке в шкафу, где они хранились, сверток, в котором были не чулки, а новые алфавитные железнодорожные справочники.

— Что и требовалось доказать, — заключил помощник комиссара.

— Я нашел еще кое-что, — заметил инспектор, и в его голосе, наполненном триумфом, прозвучали

почти человеческие нотки. — Обнаружил я это только сегодня утром и не успел еще отобразить в отчете. Дело в том, что в его комнате не было никаких следов ножа.

— Надо было быть полным идиотом, чтобы принести оружие убийства к себе в дом, — заметил Пуаро.

— Ну, в конце концов, мы ведь говорим о не совсем нормальном человеке, — ответил инспектор. — В любом случае, мне в голову пришла мысль, что, может быть, он все-таки принес его в дом, а потом, как правильно указывает Пуаро, понял всю опасность хранить его у себя в комнате и решил его спрятать? И какое же место в доме он бы в этом случае выбрал? Я сразу понял, где это. Вешалка в холле, которая никогда не сдвигается, простая вешалка. Приложив немало усилий, я все-таки смог отодвинуть ее от стены — и именно там он и лежал!

— Нож?

— Да, нож. И без всяких сомнений, тот самый. На нем еще сохранилась засохшая кровь.

— Отличная работа, Кроум, — сказал помощник с одобрением. — Теперь вам осталось сделать всего ничего.

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Поймать преступника.

— Не волнуйтесь, сэр. Мы его поймаем. — Голос инспектора звучал абсолютно уверенно.

— А вы что скажете, месье Пуаро?

— Простите? — произнес мой друг, выбираясь из своих грез.

— Мы говорили о том, что поимка преступника — это теперь только вопрос времени. Вы с этим согласны?

— Ах, с этим… Ну, конечно. Без всякого сомнения. — Он произнес это таким отстраненным тоном, что все посмотрели на него с любопытством.

— Вы чем-то не удовлетворены, месье Пуаро?

— Да есть один вопрос, ответ на который не дает мне покоя. Почему? Каковы мотивы преступника?

— Но, мой дорогой друг, — нетерпеливо заметил помощник комиссара, — этот человек сумасшедший.

— Думаю, что понимаю, что имеет в виду месье Пуаро, — сказал инспектор Кроум, изящно приходя на выручку бельгийцу. — Он абсолютно прав. Мы имеем дело с какой-то совершенно определенной навязчивой идеей. Думаю, что причина этого лежит в развитом комплексе неполноцен-

ности. Кроме того, у преступника может быть мания преследования, и он может каким-то образом ассоциировать месье Пуаро с этой манией. У него может быть навязчивая идея, что месье Пуаро — это детектив, нанятый специально для того, чтобы поймать его.

— Ну что ж, — проворчал помощник комиссара. — Сейчас все говорят на таком жаргоне. В наше время если человек был сумасшедшим, то он был сумасшедшим, и мы не пытались никакими научными терминами смягчить этот факт. Думаю, что современный врач предложит поместить А. В.С. в клинику, где ему в течение сорока пяти дней будут повторять о том, какой он хороший человек, а затем выпустят его на волю, как полноправного члена общества.

Пуаро улыбнулся, но ничего не сказал.

Совещание закончилось.

— Согласен с вами, Кроум, — заключил помощник комиссара, — что арест этого преступника теперь вопрос времени.

— Мы бы его уже давно арестовали, — объяснил инспектор, — если б он не был таким обычным. Нам и так уже пришлось побеспокоить массу ни в чем не повинных добропорядочных граждан.

— Интересно, где же он сейчас находится? — за-

дал риторический вопрос помощник комиссара.

Глава XXX
(написано не от имени капитана Гастингса)

Мистер Каст находился в зеленной лавке.

Он внимательно смотрел через дорогу.

Вот это место.

Миссис Ашер. Продавец газет и табачных изделий… В пустом окне было видно объявление.

«Сдается».

Пусто… и безжизненно…

— Простите, сэр… — Жена зеленщика пыталась дотянуться до лимонов.

Каст извинился и отступил в сторону. Затем медленно зашаркал в сторону главной улицы города.

Теперь, когда у него не было денег, все становилось непросто, очень непросто.

Он не ел уже целый день, поэтому голова у него была удивительно легкой, а чувствовал он себя довольно странно…

Каст посмотрел на плакат в окне газетного киоска:

Дело А. В.С. Убийца все еще на свободе. Интервью

с месье Эркюлем Пуаро.

— Эркюль Пуаро, — сказал Каст сам себе, — если бы он только знал…

Он опять возобновил свое движение. Не годится просто стоять, уставившись на этот плакат…

«Долго так продолжаться не может», — подумал он про себя.

Сначала одна нога, потом за ней другая… как это, должно быть, смешно выглядит со стороны…

Одна нога за другой — как нелепо.

Очень нелепо…

Но ведь человек — это очень нелепое животное…

А он, Александр Бонапарт Каст, особенно нелеп…

Всегда им был…

Люди всегда над ним смеялись…

И ему не за что было обижаться на них…

Куда он идет? Он не знает. Просто он уже дошел до самого конца. И теперь он больше никуда не смотрел, кроме как на свои ноги.

Одна нога за другой.

Каст поднял голову. Перед ним было освещенное здание с какими-то буквами.

Полицейский участок.

— Смешно, — произнес мистер Каст и хихик-

нул.

А потом он вошел внутрь. И когда сделал это, вдруг покачнулся и упал лицом вперед.

Глава XXXI
Эркюль Пуаро задает вопросы…

Стоял ясный ноябрьский день. Доктор Томпсон и старший инспектор Джепп зашли к Пуаро, чтобы ознакомить его с результатами досудебных слушаний по делу «Народ против Александра Бонапарта Каста».

Сам Пуаро страдал от легкого бронхита и поэтому не смог лично присутствовать на заседании. К счастью, он не стал настаивать, чтобы я тоже остался с ним дома.

— Дело решили передать в суд, — сообщил Джепп. — Вот так.

— А разве не необычно, — спросил я, — что защита приняла участие в прениях уже на этом этапе? Я всегда думал, что подозреваемые предпочитают, чтобы защита вступала несколько позже.

— Да нет, в этом нет ничего необычного, — ответил Джепп. — Мне кажется, что молодой Лукас надеялся закончить дело по-быстрому. Он всегда так себя ведет. А в данном случае сумасшествие — это единственный надежный способ защиты.

— Но в случае сумасшествия суд не может вынести оправдательный приговор, — пожав плечами, заметил Пуаро. — Тюремное заключение на срок вплоть до помилования Его Величеством мало чем отличается от смертного приговора.

— Думаю, что Лукас полагал, что у него есть шанс, — предположил Джепп. — Все обвинение могло легко рассыпаться при наличии такого первоклассного алиби по убийству в Бэксхилле. Я думаю, что он просто недооценил доводы обвинения. В любом случае для Лукаса это просто повод соригинальничать. Он еще молод и жаждет обратить на себя внимание публики.

— А вы что обо всем этом думаете, доктор? — обратился сыщик к Томпсону.

— О Касте? Положа руку на сердце, я не знаю, что вам сказать. Он просто великолепно притворяется абсолютно нормальным. Хотя и страдает от эпилепсии.

— Да, это был просто потрясающий заключительный эпизод всей пьесы, — заметил я.

— Вы имеете в виду, когда он ввалился в полицейский участок Андовера в эпилептическом припадке? Да уж, занавес был опущен по всем законам драматического искусства… А. В.С. всегда идеально подбирал время и место для своих

эскапад.

— А разве можно совершить преступление и ничего не знать об этом? — поинтересовался я.

— Все дело в том, что его объяснения очень похожи на правду, — доктор Томпсон слегка улыбнулся. — Но вы не должны позволить этой театральной позе под названием «Клянусь Господом Богом» увести вас от сути вопроса. По моему мнению, этот Каст полностью осознает, что совершил эти убийства.

— Да, его лихорадочное состояние тоже говорит за это, — согласился Джепп.

— Что же касается самого вашего вопроса, — продолжил психиатр, — то эпилептик, находясь в состоянии сомнамбулизма, вполне может совершать действия, о которых потом и не вспомнит. Однако существует общее мнение специалистов, что эти действия не могут противоречить тем действиям, которые он готов совершить в состоянии бодрствования.

И Томпсон пустился в длинное обсуждение этого вопроса, упоминая большие и малые эпилептические припадки и так далее. Сказать по правде, он меня полностью запутал, как это часто бывает, когда специалист слишком увлекается обсуждением профессиональных вопросов.

— Однако я против того, что Каст совершил убийства, ничего не зная о них. Я бы с этим согласился, если б у нас не было писем. А эти письма полностью разрушают его показания. Они показывают наличие злого умысла и тщательное планирование преступлений.

— Кстати, наличие этих писем мы так до сих пор и не можем объяснить, — заметил Пуаро.

— И вас это волнует?

— Естественно, ведь написаны они были лично мне. А по вопросу писем Каст молчит как рыба. До тех пор пока я не доберусь до причины, по которой эти письма были мне написаны, я не буду считать дело законченным.

— Ну что же, я понимаю эту вашу точку зрения. У вас все еще нет никаких причин думать, что у этого мужчины была к вам какая-то личная неприязнь?

— Абсолютно никаких.

— Я могу высказать только свое предположение: эта причина — ваше имя!

— Мое имя?

— Именно. По всей видимости, Каст находится под очень сильным влиянием капризов своей матери (здесь мы, несомненно, наблюдаем яркий пример эдипового комплекса) — ведь она

дала ему два совершенно невероятных имени: Александр и Бонапарт. Чувствуете возможные последствия? Александр Великий, со своей невероятной популярностью, который мечтает о завоевании все новых и новых земель, и Бонапарт, великий французский император. Касту необходим противник, но противник, я бы сказал, одного с ним уровня — и вот тут появляетесь вы, Геркулес[85] Всемогущий.

— Интересное предположение, доктор. Есть о чем подумать.

— Ну, это только предположение… Простите, но мне пора.

И с этими словами доктор Томпсон ушел. Джепп остался с нами.

— Вас что, беспокоит это алиби? — поинтересовался мой друг.

— Немного, — признался инспектор. — Понимаете, я в него не верю, потому что знаю, что это ложь. Но опровергнуть его будет чертовски трудно. Этот Стрэндж — та еще штучка.

— Расскажите мне о нем.

— Ему около сорока лет. Жесткий, уверенный в себе горный инженер, который по любому вопро-

---

[85] Сноски: 85
На французском языке имя Геркулес произносится как Эркюль.

су имеет свое мнение. Мне кажется, что именно он настоял на том, чтобы его показания были заслушаны на досудебном слушании дела. Ему надо возвращаться в Чили, и он надеялся, что все дело будет закончено на этих слушаниях.

— Он один из самых уверенных в себе людей, которые встречались мне в жизни, — заметил я.

— Относится к тем людям, которые не любят признавать свои ошибки, — задумчиво произнес Пуаро.

— Он четко придерживается своей версии, и сбить его с нее очень трудно. Он клянется всеми святыми, что познакомился с Кастом в отеле «Белый крест» в Истборне вечером двадцать четвертого июля. Говорит, что ему было одиноко и он хотел общения. Насколько я понимаю, Каст был идеальным слушателем. Он никогда не прерывал собеседника! После обеда Стрэндж и Каст сели играть в домино. Оказывается, Стрэндж настоящий профессионал, но, к его удивлению, Каст составил ему достойную партию. Странная это игра — домино. Люди сходят по ней с ума. Могут играть часами. Именно это и произошло с двумя нашими джентльменами. Каст хотел идти спать, но Стрэндж и слышать об этом желал — поклялся, что они будут играть по крайней

мере до полуночи. Именно так все и произошло. Они разошлись в десять минут первого. А если Каст был в «Белом кресте» в Истборне в десять минут первого утра двадцать пятого июля, то он никак не мог задушить Бетти Барнард на пляже в Бэксхилле между полуночью и часом.

— Да, проблема на первый взгляд неразрешимая… — Пуаро глубоко задумался. — Вне всякого сомнения, здесь есть над чем поразмыслить.

— Да уж, все это здорово озадачило Кроума, — сказал Джепп.

— А этот человек, Стрэндж, он уверен в том, что говорит?

— Да, совершенно. Чертовски упертый парень. И очень трудно определить, в чем же он ошибается. Предположим, что человек, с которым играл Стрэндж, — не Каст; тогда почему, черт побери, он назвался Кастом? Да и запись в регистрационной книге отеля сделана рукой Каста. Нельзя сказать, что Стрэндж его сообщник, — серийные маньяки-убийцы не имеют сообщников! Или девушка умерла позже? Но врач был совершенно уверен в своем заключении, да и в любом случае Касту понадобилось бы какое-то время, чтобы незаметно выбраться из гостиницы в Истборне и добраться до Бэксхилла в четырнадцати милях от него.

— Да, это серьезная проблема, — согласился маленький бельгиец.

— С другой стороны, если уж говорить начистоту, это не имеет никакого значения. От убийства в Донкастере Каст никак не отвертится — у нас есть испачканный кровью пиджак и нож; все эти доказательства безукоризненны. По этому убийству его не оправдает ни один суд присяжных. Однако логика событий нарушается. Он убил в Донкастере, он убил в Керстоне, он убил в Андовере. И, по логике вещей, он, черт возьми, должен был убить в Бэксхилле. Но я не могу понять, каким образом ему это удалось!

Джепп покачал головой и встал со своего места.

— Теперь все в ваших руках, месье Пуаро, — сказал он. — Кроум совершенно запутался. Введите в действие те ваши клеточные механизмы, о которых я столько слышал. Расскажите нам, как это ему удалось.

И с этими словами Джепп ушел.

— Ну, и как вы думаете, Пуаро? Смогут ли ваши маленькие серые клетки справиться с этой задачей?

— Скажите, Гастингс, а вы считаете, что это дело закончено? — ответил Пуаро вопросом на

мой вопрос.

— С практической точки зрения — да. У нас есть убийца. У нас есть достаточно доказательств его вины. Осталось только слегка подработать некоторые детали.

— Дело закончено! — Мой друг покачал головой. — Дело! Дело, Гастингс, это в первую очередь человек. И пока мы не узнаем об этом человеке всего, загадка так и останется неразрешенной. И то, что мы посадили его за решетку, еще отнюдь нельзя считать нашей победой!

— Но ведь мы знаем о нем не так уж мало.

— Мы о нем вообще ничего не знаем! Мы знаем, где он родился. Мы знаем, что он был на войне, получил там легкое ранение в голову и был комиссован по причине эпилепсии. Мы знаем, что он снимал комнату у миссис Марбери в течение почти двух лет. Мы знаем, что он был тихим и застенчивым человеком — на таких обычно обращают мало внимания. Мы знаем, что он разработал и претворил в жизнь исключительно эффективную схему системных убийств. И мы знаем, что он умудрился при этом совершить несколько совершенно идиотских ошибок.

Мы знаем, что убивал он совершенно безжалостно. Однако знаем и то, что у него хватило

благородства не подставлять других, невиновных людей. Ведь если б он хотел оставаться незамеченным, то не мог бы не подставить других. Разве вы не видите, Гастингс, что этот человек соткан из одних противоречий? Глупый и хитрый, безжалостный и благородный — должен же быть какой-то один доминирующий фактор, который соединяет две такие противоречивые натуры?

— Вне всякого сомнения. Особенно если вы будете смотреть на него как на клинический случай… — начал я.

— А этот случай и был клиническим с самого начала! С самого начала я искал способ получше узнать убийцу. И вот теперь, Гастингс, я понимаю, что совсем не знаю его! Я в абсолютной растерянности.

— Жажда власти? — предположил я.

— Что ж, это может многое объяснить… Но меня это не удовлетворяет. Есть вещи, которые я хочу знать. Почему он совершил эти убийства? Почему выбрал именно эти жертвы?

— По алфавиту, — ответил я.

— А разве Бетти Барнард была единственным жителем Бэксхилла, фамилия которого начиналась с «В»? Здесь должно быть какое-то другое объяснение. Но если это так…

Мой друг замолчал. Я не решился прервать его размышления. По правде сказать, я, по-видимому, задремал.

Проснулся я от того, что Пуаро тряс меня за плечо.

– *Mon cher* Гастингс, — с чувством говорил он, — мой добрый гений.

Я был несколько потрясен столь высокой оценкой моей скромной персоны, неожиданно прозвучавшей из уст моего друга.

— Я говорю чистую правду, — настаивал Пуаро. — Всегда — всегда — вы помогаете мне. Вы меня вдохновляете и приносите мне счастье.

— И как же я вдохновил вас на этот раз?

— Когда я задавал себе некоторые вопросы, я вспомнил одно из ваших замечаний — замечание совершенно восхитительное в своей сияющей простоте. Разве я вам уже не говорил, что вы абсолютный гений очевидного? А я этому очевидному никогда не придавал большого значения.

— И что же это за великолепное замечание?

— Оно делает все кристально понятным. Теперь я вижу ответы на свои вопросы. Вижу причину убийства миссис Ашер (правда, о ней я давно догадывался), убийства сэра Кармайкла Кларка, донкастерского убийства — и, последнее, но

самое важное, причину участия во всем этом Эркюля Пуаро!

— А не будете ли вы так добры объяснить все это мне? — поинтересовался я.

— Только не сейчас. Мне нужна дополнительна информация. А ее я смогу получить от нашей спецкоманды. И вот тогда… когда у меня будет ответ на один вопрос, я пойду и встречусь с А. В.С. И наконец мы сядем с ним друг напротив друга — А. В.С. и Эркюль Пуаро, противники.

— А что потом? — спросил я.

— А потом, — ответил мой друг, — мы начнем разговаривать! *Je vous assure*[86], Гастингс, что для человека, которому есть что скрывать, нет ничего страшнее открытой беседы! Однажды старый мудрый француз сказал мне, что человек придумал речь, чтобы люди разучились думать. Беседа — это идеальный способ выяснить то, что ваш собеседник хочет скрыть. Человеческое существо, Гастингс, не способно противостоять соблазну раскрыться в беседе. И каждый раз в открытой беседе человек будет выдавать себя!

— И что же вы ожидаете услышать от Каста?

— Ложь, — улыбнулся Пуаро. — И эта ложь

---

[86] Сноски: 86
Уверяю вас *(фр.)*.

расскажет мне всю правду.

Глава XXXII
...и рассуждает об охоте на лис

В течение нескольких последовавших дней мой друг был очень занят. Он неожиданно и таинственно куда-то исчезал, очень мало разговаривал, часто хмурился и начисто отказывался удовлетворить мое естественное любопытство относительно гениальности, которую я, по его словам, продемонстрировал в прошлом.

Пуаро не приглашал меня сопровождать его во время его таинственных отлучек, что, по правде сказать, сильно меня расстраивало.

Однако в конце недели он сообщил о своем намерении побывать в Бэксхилле и его окрестностях и предложил мне поехать вместе с ним. Не стоит говорить, что я принял это предложение с восторгом.

Позже я выяснил, что был не единственным приглашенным. Все члены нашей спецкоманды были тоже приглашены.

Сначала мой друг навестил мистера и миссис Барнард и получил от матери убитой точный отчет о том, во сколько Каст был у нее и что он

при этом сказал. Затем направился в гостиницу, в которой останавливался Каст, и получил там подробнейшее описание его отъезда. Насколько я могу судить, маленький бельгиец не узнал никаких новых фактов, но выглядел он абсолютно удовлетворенным.

После этого Пуаро побывал на пляже, где было обнаружено тело Бетти Барнард. Несколько минут он ходил там кругами, внимательно изучая гальку. Цель этого я понять так и не смог, так как прилив дважды в сутки смывает все с берега.

Правда, к этому времени я уже хорошо знал, что во всех своих действиях мой друг всегда руководствуется четкой идеей, какой бы абсурдной она на первый взгляд ни казалась.

Потом он пешком прошел с пляжа до ближайшего места, где можно было бы оставить машину. А оттуда опять вернулся к тому месту, где стояли автобусы, направлявшиеся из Бэксхилла в Истборн.

И наконец он привел нас всех в «Рыжую кошку», где нас напоили чуть теплым чаем, который нам принесла пухлая официантка Милли Хигли.

Со своим всегдашним галльским темпераментом мой друг сделал комплимент ее коленкам.

— Ноги англичанок, они всегда слишком тон-

кие! Но у вас, мадемуазель, у вас идеальные ноги. У них есть и форма, и колени.

Милли Хигли много хихикала и попросила его не продолжать больше в этом духе. Она сказала, что хорошо знает, что из себя представляют французские джентльмены.

Пуаро не стал разуверять ее относительно своей национальности. Вместо этого он с таким вожделением посмотрел на официантку, что я, в шоке, оцепенел.

— Voila! — произнес наконец сыщик. — С Бэксхиллом, похоже, окончательно покончено. Теперь я направляюсь в Истборн. Мне надо там выяснить один совсем незначительный факт. Всем нам ехать туда совсем не обязательно. Давайте лучше вернемся в гостиницу и выпьем по коктейлю. Этот чай был совершенно отвратителен!

Когда мы пили коктейли, Франклин Кларк с любопытством спросил:

— Думаю, что мы можем попытаться угадать, что вы здесь пытаетесь обнаружить. Готов биться об заклад, что вы ищете факты, чтобы разрушить алиби. Но я никак не могу понять, чем вы так довольны? Ведь вы же не обнаружили ни одного нового факта.

— Вы не совсем правы.

— Так в чем же тогда дело?

— Терпение. Терпение, и со временем все образуется.

— В любом случае вы выглядите очень довольным собой.

— Наверное, это потому, что я не нашел ничего, что противоречило бы моей маленькой теории. — Маленький бельгиец стал серьезным. — Мой друг Гастингс рассказывал мне как-то, что в молодости он играл в игру, которая называлась «Угадай правду». В этой игре каждому по очереди задавали по три вопроса, на два из которых он должен был ответить абсолютно правдиво. Третий ответ мог быть каким угодно. Естественно, что вопросы, которые при этом задавались, были самыми нескромными. Перед началом игры каждый должен был поклясться, что будет говорить правду, одну правду и ничего, кроме правды.

Пуаро замолчал.

— И?.. — подала голос Меган.

– *Eh bien*, мне… я бы тоже хотел сыграть в такую игру. Правда, три вопроса, на мой взгляд, многовато. Одного будет вполне достаточно. По одному вопросу для каждого из вас.

— Ну, конечно, — нетерпеливо сказал Кларк, — мы готовы ответить на все, что угодно.

— Подождите минутку. Я хочу, чтобы все было по-серьезному. Вы все клянетесь говорить только правду?

Он говорил об этом так торжественно, что остальные, озадаченные, тоже приняли торжественный вид. И все принесли клятву, как он того и требовал.

– *Bon*[87], — живо сказал Пуаро, — тогда начнем.

— Я готова, — произнесла Тора Грэй.

— Ну, на этот раз мы не станем из вежливости пропускать женщин вперед. Мы начнем с кого-нибудь другого. Что вы думаете, *mon cher* месье Кларк, о шляпках, которые в этом году женщины носили в Аскоте?[88]

— Это что, шутка? — уставился на него Кларк.

— Нет, я абсолютно серьезен.

— Вы серьезно хотите это знать?

— Да.

---

[87] Сноски: 87

Хорошо *(фр.)*.

[88] Сноски: 88

Скачки в Аскоте — одно из крупнейших ежегодных великосветских мероприятий в Англии. Обычно на нем присутствуют члены королевской семьи.

— Понимаете, месье Пуаро, — губы Кларка растянулись в улыбке, — в этом году я не был в Аскоте. Но то, что мне удалось увидеть, когда они проезжали на машинах по Лондону, говорит о том, что шляпки для скачек в Аскоте — это еще большее посмешище, чем те, которые они носят каждый день.

— Экстравагантные, правда?

— Совершенно анекдотические.

Пуаро улыбнулся ему в ответ и повернулся к Дональду Фрэйзеру:

— Когда у вас был отпуск в этом году, мистер Фрэйзер?

— Отпуск? — настал черед Фрэйзера удивляться. — Первые две недели августа.

Его лицо неожиданно исказилось. Я подумал, что вопрос, должно быть, напомнил ему о потере девушки, которую он любил.

Однако Пуаро, казалось, не обратил внимания на его ответ. Он повернулся к Торе Грей, и я услышал, как его голос слегка изменился — он стал напряженнее. Его вопрос прозвучал четко и ясно.

— Мадемуазель, в случае смерти леди Кларк вы согласились бы выйти замуж за сэра Кармайкла, если б он вам это предложил?

— Как вы смеете задавать мне подобные вопросы? — резко выпрямилась девушка. — Это… это просто возмутительно!

— Возможно, но вы поклялись говорить только правду. Итак, да или нет?

— Сэр Кармайкл был необыкновенно добр ко мне. Он относился ко мне почти как к дочери. Именно так же и я относилась к нему — с благодарностью и привязанностью.

— Простите меня, мадмуазель, но это не ответ «да» или «нет».

— Естественно, ответ отрицательный, — произнесла Тора после недолгого раздумья.

— Благодарю вас, мадемуазель, — сказал Пуаро без всяких комментариев.

Теперь он повернулся к Меган Барнард. Лицо девушки было очень бледным. Она прерывисто дышала, как будто приготовилась к тяжелому испытанию.

Вопрос Пуаро прозвучал как удар хлыста.

— Мадемуазель, каким, по вашему мнению, будет результат моего расследования? Вы хотите, чтобы я выяснил всю правду, или нет?

Девушка гордо откинула голову. Я был совершенно уверен в ответе. Как я успел узнать, Меган была фанатичным сторонником правды во всем.

Ее ответ прозвучал очень четко и совершенно ошеломил меня.

— Нет!

Все мы подпрыгнули на месте.

Наклонившись вперед, Пуаро очень внимательно посмотрел ей в лицо.

— Мадемуазель Меган, — торжественно произнес он, — вы, может быть, и не хотите узнать правду, но, *ma foi*[89], вы не боитесь в этом признаться!

Мой друг уже повернулся к двери, но, вспомнив что-то, подошел к Мэри Дроуэр.

— Скажите мне, дитя мое, у вас есть молодой человек?

Мэри, на лице которой было испуганное выражение, посмотрела на моего друга с удивлением и залилась румянцем:

— О, мистер Пуаро, я не знаю наверняка…

– *Alors c'est bien, mon enfant*[90], — улыбнулся мой друг.

Он оглянулся вокруг и нашел меня глазами.

— Пойдемте, Гастингс, нам пора ехать в Истборн.

---

[89] Сноски: 89
Клянусь *(фр.)*.

[90] Сноски: 90
Все хорошо, дитя мое *(фр.)*.

Машина уже ожидала нас, и очень скоро мы ехали по прибрежной дороге, которая вела через Певенси в Истборн.

— Думаю, что спрашивать вас о чем-то сейчас бесполезно, Пуаро?

— Не сейчас, мой друг. Попробуйте сделать свои собственные выводы из того, что делаю я.

Я погрузился в молчание.

Пуаро с очень довольным видом мурлыкал себе под нос какой-то мотивчик.

Когда мы проезжали мимо Певенси, он предложил остановиться и осмотреть замок.

Возвращаясь к машине, мы остановились понаблюдать за группой девочек, судя по одежде, скаутов-младшеклассниц. Они что-то пели высокими, немузыкальными голосами…

— О чем они поют, Гастингс? Я не могу разобрать слов.

Я долго прислушивался, пока не разобрал припев:

А поймав лису, в клетку посадить
И больше никогда, никогда не выпустить…

— Поймать лису, посадить ее в клетку и больше никогда не выпускать, — повторил за ними

мой друг.

Неожиданно его лицо стало мрачным и жестким.

— Это все совершенно ужасно, Гастингс. — Он помолчал. — А вы сами охотитесь на лис?

— Я — нет. Я никогда не мог себе этого позволить. И я не думаю, что в этих местах вы найдете много охотников.

— Я говорю вообще об Англии. Странный вид спорта… Сначала ждешь в засаде, а потом крики: «Ату! Ату!» — я правильно говорю? А потом начинается гонка по полям, через канавы и кусты, и лиса тоже бежит и иногда хочет повернуть назад и улизнуть, но собаки…

— Гончие.

— …гончие мчатся по ее следу и наконец ловят ее, и она умирает быстрой, но ужасной смертью.

— Наверное, это выглядит достаточно жестоко, но такова реальность.

— И что, вы думаете, что лисице это нравится? Не говорите *les bêtises* мне, мой друг. *Tout de même*, такая быстрая и жестокая смерть все-таки лучше, чем то, о чем пели эти дети… Навечно запереть в клетке… Нет, это просто ужасно.

Пуаро покачал головой, а затем изменившимся голосом сказал:

— Завтра я встречусь с этим Кастом. — И обратился к шоферу: — В Лондон, пожалуйста.

— А разве мы не поедем в Истборн? — воскликнул я.

— А смысл? Я уже знаю вполне достаточно.

Глава XXXIII
Александр Бонапарт Каст

Я не присутствовал на беседе Эркюля Пуаро с этим странным человеком, Александром Бонапартом Кастом. Благодаря своим связям в полиции и необычности самого преступления Пуаро без труда получил разрешение Хоум офис[91] встретиться с убийцей, но это разрешение на меня не распространялось. Кроме того, мой друг считал очень важным, чтобы на этой беседе присутствовали только двое — он и преступник.

Однако он рассказал мне все, что произошло между ними, в таких подробностях, что я записал все это с такой уверенностью, как будто сам при сем присутствовал.

Казалось, что в тюрьме мистер Каст сильно уменьшился в размерах. Его сутулость стала еще больше заметна, а пальцы нервно теребили полу пиджака.

Думаю, что какое-то время Пуаро сидел молча. Сидел и смотрел на мужчину, находившегося на-

---

[91] Сноски: 91
Министерство внутренних дел Великобритании.

против него. Постепенно в комнате установилась спокойная, умиротворенная и расслабляющая атмосфера. Думаю, что это был очень трагический момент — встреча двух противников в этой длинной и кровавой драме. На месте Пуаро я точно почувствовал бы этот драматический настрой.

Мой друг же был спокоен, если не сказать равнодушен. Он был занят тем, что пытался произвести на человека, сидящего напротив него, определенное впечатление.

— Вы знаете, кто я? — мягко спросил он наконец.

— Нет. Думаю, что нет, — покачал головой мужчина. — Если, конечно, вы не помощник мистера Лукаса. Или вы от Майнарда?

(«Майнард и Коул» была известная адвокатская фирма.)

Говорил Каст вежливым, но не слишком заинтересованным голосом. Казалось, что он полностью погружен в свой внутренний мир.

— Я Эркюль Пуаро… — произнес Пуаро очень мягко и стал наблюдать за произведенным эффектом.

— Да неужели? — мистер Каст слегка приподнял голову.

Он произнес это так же естественно, как

произносил это инспектор Кроум, но без его надменности.

Через минуту он повторил:

— Да неужели? — И на этот раз его тон был другим, в нем явно слышался интерес. Мужчина поднял голову и посмотрел на Пуаро.

Мой друг встретил его взгляд и сам в ответ кивнул один или два раза.

— Да, — подтвердил он. — Я именно тот человек, которому вы писали письма.

Установившийся было контакт был мгновенно разрушен. Каст заговорил раздраженно и прерывисто:

— Я вам никогда не писал. Те письма были написаны не мною. Я это уже много раз говорил.

— Знаю, — согласился с ним Пуаро. — Но если это делали не вы, тогда кто же?

— Враг. У меня должен быть враг. Они все против меня. И полиция, и остальные — все они против меня. Это колоссальный заговор.

Пуаро ничего не ответил.

— Все всегда были против меня, — продолжил мистер Каст.

— Даже в вашу бытность ребенком?

Казалось, Каст задумался.

— Нет, нет, тогда этого еще не было. Моя мать

меня очень любила. Но она была амбициозна, страшно амбициозна. Именно поэтому и дала мне эти нелепые имена. У нее была глупая надежда, что я стану мировой знаменитостью. Она все время призывала меня самоутверждаться, говорила о силе воли… о том, что человек сам кузнец своего счастья… о том, что мне любое дело по плечу.

Мужчина замолчал.

— Конечно, она сильно ошибалась. И я сам это очень скоро понял. Я был не тем человеком, которому суждено преуспеть в жизни. Все время совершал какие-то глупые поступки, в которых выглядел совершенно нелепо… Был очень застенчив и боялся людей… Мне пришлось туго в школе после того, как ребята узнали, как меня зовут, — они меня постоянно дразнили. Я очень плохо учился и совершенно не умел играть в эти школьные игры и все такое. — Каст потряс головой. — К счастью, моя бедная матушка рано умерла, а то она была бы очень разочарована… Даже когда я поступил в Коммерческий колледж, я был глупее других детей — пишущая машинка и стенография давались мне с большим трудом. И в то же время самому себе я совсем не казался глупым, если вы понимаете, о чем я.

Неожиданно он с мольбой посмотрел на моего друга.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — сказал Пуаро, — продолжайте, пожалуйста.

— Просто меня не покидало ощущение, что все другие считают меня глупцом. Эта мысль совершенно парализовала меня. И то же самое происходило потом в офисе.

— А потом и во время войны? — подсказал сыщик.

— Знаете, — лицо мистера Каста неожиданно осветилось, — война мне понравилась. То есть то, что я успел испытать. Впервые в жизни я почувствовал себя таким же, как и остальные. Все мы были в одном и том же положении, и я был совсем не хуже прочих. — Его улыбка увяла. — А потом меня ранило в голову. Совсем не сильно, но в больнице выяснили, что у меня бывают припадки… То есть я всегда знал, что случаются моменты, когда я не совсем уверен в том, что делаю. Знаете, такие провалы… Ну, и пару раз я действительно упал. Но не думаю, чтобы им надо было комиссовать меня из-за этого. Нет, я не думаю, что они поступили правильно.

Мне удалось получить место клерка. Конечно, в то время считалось, что мне сильно повезло.

Да и вообще, после войны все было не так уж плохо. Правда, зарплата была поменьше… И что-то у меня не получалось. Меня все время обходили при повышениях — почему-то я совсем не продвигался по служебной лестнице. Мне было тяжело, правда, очень тяжело… Особенно когда работы прибавилось. Сказать по правде, я с трудом держался в форме — а ведь клерк всегда должен прилично выглядеть, — поэтому, когда мне предложили эту работу с чулками, то я согласился. Работал я за небольшое регулярное вознаграждение, а кроме того получал процент от продаж.

— Но вы ведь знаете, — мягко напомнил мой друг, — что та фирма, которую вы называете как своего работодателя, это отрицает.

Каст опять возбудился.

— Это все потому, что они тоже участвуют в этом заговоре, говорю вам. У меня же есть письменные доказательства, — продолжил он. — Письменные доказательства! У меня есть письма, которые они мне писали, в которых сообщали мне, куда надо ехать и с кем встречаться.

— Ну, это скорее не письменные, а печатные доказательства.

— Это одно и то же. Вы же понимаете, что в

больших фирмах, которые занимаются и производством, и торговлей, такие письма печатаются на машинке.

— А вы разве не слышали, мистер Каст, что машинку можно довольно легко идентифицировать? Все эти письма были напечатаны на одной и той же, и при этом хорошо известной, машинке.

— Ну и что из того?

— А то, что эта машинка принадлежит вам и ее нашли при обыске в вашей комнате.

— Фирма прислала мне ее, когда я начал там работать.

— Да, но все письма были посланы уже после того, как вы начали, как вы говорите, «работать». То есть все выглядит так, как будто вы сами печатали эти письма, а потом посылали их самому себе.

— Нет, нет! Все это части заговора против меня. — Внезапно преступник добавил: — А кроме того, ведь их письма в этом случае были бы написаны на этой же машинке?

— На похожей, но совсем не обязательно на этой же.

— Это все заговор! — настойчиво повторил мистер Каст.

— А алфавитные железнодорожные справочники, которые нашли у вас в шкафу?

— Я о них ничего не знаю. Я был уверен, что это всё только чулки.

— А почему вы отметили имя миссис Ашер на первой странице жителей Андовера?

— Потому что я решил начать с нее. Должен же человек с чего-то начинать?

— Вот здесь вы правы. С чего-то обязательно надо начинать!

— Я совсем не это имел в виду! — воскликнул мистер Каст. — Я совсем не имел в виду то, что вы имеете в виду.

— Но вы понимаете, что я имею в виду?

Мистер Каст ничего не ответил — он дрожал, как в лихорадке.

— Я этого не совершал, — заявил он после паузы. — Я абсолютно невиновен! Все это какая-то ошибка. Да вы посмотрите на второе убийство в Бэксхилле — ведь я в то время играл в домино в Истборне. С этим же вы не будете спорить!

В его голосе послышались нотки триумфа.

— Да, — согласился Пуаро, голос его был мягким и задумчивым. — Но ведь ошибиться на один день совсем не сложно, не так ли? А если вы упрямый, самоуверенный человек — такой,

как мистер Стрэндж, — то маловероятно, что вы согласитесь признать эту свою ошибку. Вы будете продолжать утверждать то, что сказали в самом начале. Он именно такой человек. Ну а в регистрационном журнале в гостинице поставить не то число вообще не составляет никакого труда. Скорее всего, на это никто даже не обратит внимания.

— В тот вечер я играл в домино!

— Вы ведь очень хорошо играете в домино, насколько я знаю?

Это несколько сбило мистера Каста с толку.

— Ну, я не знаю… наверное, вы правы.

— Игра эта очень захватывающая и требующая недюжинных способностей, не так ли?

— Да, да, играть в нее очень увлекательно. Еще в офисе мы все время играли в нее во время обеда. Вы не представляете себе, как легко совершенно незнакомые люди сходятся друг с другом во время игры…

Каст откашлялся.

— Никогда не забуду того, что сказал мне один человек за партией в домино. Мы встретились за чашкой кофе, а потом стали играть в домино — и уже через двадцать минут я чувствовал себя с ним так, как будто знаю его всю жизнь.

— Так и что же он вам сказал? — спросил Пуаро.

— Он тогда здорово меня потряс. — Лицо Каста омрачилось. — Действительно здорово. Стал говорить о том, что будущее человека можно предсказать по его руке. И вот он показал мне свои руки и показал линии на них, которые говорили о том, что он дважды чуть не утонет в жизни. И действительно, он дважды чуть не утонул. А потом он изучил мою руку и сказал мне парочку фантастических вещей. Сказал, что перед смертью я стану одним из самых известных людей в Англии. Что вся страна будет обо мне говорить. Он это сказал, действительно сказал!

Мистер Каст замолчал, совершенно опустошенный…

— И что же?

Голос Пуаро гипнотизировал. Каст посмотрел на него, потом отвернулся, а потом опять посмотрел, совсем как завороженный кролик.

— Он сказал… сказал, что я умру какой-то страшной смертью, а потом рассмеялся и добавил: «Выглядит так, как будто вы умрете на эшафоте», — а потом опять рассмеялся и сказал, что это была только шутка.

Внезапно преступник замолчал. Он отвел глаза

от Пуаро, и теперь они у него бегали из стороны в сторону.

— Голова, у меня очень часто болит голова. Боли иногда бывают просто непереносимы… А бывают моменты, когда я совершенно не знаю, что со мной происходит.

Мистер Каст совершенно потерял самообладание.

Пуаро подался вперед. Когда он заговорил, голос его звучал тихо, но очень уверенно:

— Но вы же знаете, что совершили эти преступления, правда?

Каст поднял глаза. Смотрел он просто прямо перед собой. Этот человек давно уже прекратил всякое сопротивление и теперь выглядел удивительно умиротворенным.

— Да, — ответил он, — я знаю.

— Но вы сами не знаете, почему их совершили, правильно?

Каст отрицательно покачал головой.

— Да, — произнес он, — этого я не знаю.

Глава XXXIV
Пуаро объясняет

Все мы с напряженным вниманием слушали объяснения Пуаро.

— Все это время, — говорил он, — меня волновал вопрос «почему». Не так давно Гастингс сказал мне, что дело закончено, но я ответил ему, что оно неразрывно связано с человеком. И тайна заключалась не в убийствах, а в самой личности А. В.С. Почему он решил совершить эти убийства? Почему выбрал меня в качестве своего противника?

Объяснить это тем, что человек был душевно болен, — значит не объяснить ничего. Сказать, что сумасшедший человек совершает сумасшедшие поступки, — это просто невежественно и глупо. Сумасшедший так же логичен и уверен в своих поступках, как и любой нормальный человек; правда, причины у этих поступков несколько другие. Например, если человек настаивает на том, что хочет выйти на улицу в одной набедренной повязке, его поведение может показаться окружающим, мягко говоря, эксцентричным. Но

если вы знаете, что этот человек твердо убежден в том, что он — Махатма Ганди, тогда его поведение становится логичным и правильным.

При расследовании этого дела мне надо было понять, что же это была за логика, которая допускала совершение четырех убийств, о которых заранее оповещали письма, посланные Эркюлю Пуаро.

Мой друг Гастингс подтвердит, что с того момента, когда я получил первое письмо, я был расстроен и чувствовал себя не в своей тарелке. Мне сразу же показалось, что с этим письмом что-то не так…

— И вы были совершенно правы, — сухо заметил Франклин Кларк.

— Да. Но тогда, в самом начале, я совершил трагическую ошибку. Я позволил своему ощущению — своему очень сильному ощущению того, что с письмом что-то не так, — остаться просто ощущением. Я отнесся к этому как к интуитивной реакции. Но в хорошо сбалансированном, думающем мозгу не может возникнуть такая штука, как интуитивная догадка! Конечно, догадка как таковая возможна, и она может быть или правильной, или нет. Если она правильная, то ее называют интуицией. Если же нет, то о

ней предпочитают побыстрее забыть. Но то, что называют интуицией, в большинстве случаев мнение, основанное на логической дедукции и опыте. Когда эксперт чувствует, что с картиной, или с предметом мебели, или с чеком что-то не то, то его мнение основывается на целой куче мелких деталей и признаков. Ему не надо скрупулезно изучать их все — его опыт позволяет ему предположить: что-то здесь не в порядке. Но это не догадка, а мнение, основанное на предыдущем опыте.

Eh bien, я признаю, что не уделил этому первому письму должного внимания. Просто, получив его, я почувствовал себя очень тревожно. Полиция решила, что это письмо — простой розыгрыш; я же, со своей стороны, воспринял его очень серьезно. Я был уверен, что, как и было сказано в письме, в Андовере произойдет убийство. Как вы все знаете, так оно и случилось.

В тот момент я прекрасно понимал, что у меня нет никакого способа узнать, кто его совершил. Единственное, что мне было доступно, это попытаться понять, что представляет собою совершивший его человек. Для этого у меня были некоторые зацепки — само письмо, способ убийства, личность убитой. Я должен был определить

мотив преступления и мотив написания письма.

— Жажда славы, — предположил Кларк.

— Всем понятно, что главное здесь — комплекс неполноценности, — поддержала его Тора Грей.

— Согласен. Это было очевидное направление расследования. Но при чем здесь я? Почему Эркюль Пуаро? Гораздо большую известность можно было заработать, посылая письма прямо в Скотленд-Ярд. А еще большую — посылая их в газеты. Они, скорее всего, не напечатали бы первое письмо, но после первого убийства А. В.С. была гарантирована вся известность, которую только могла бы дать ему пресса. Поэтому — при чем здесь Эркюль Пуаро? Может быть, здесь крылась какая-то личная причина? В письме чувствовалось некоторое неприятие иностранцев, но оно было слишком мягким, чтобы такое объяснение меня удовлетворило.

Потом я получил второе письмо, за которым последовало убийство Бетти Барнард в Бэкс-хилле. Стало понятным — а я подозревал это и раньше, — что убийства будут следовать в алфавитном порядке. Но то, что не вызывало сомнения у большинства людей, все-таки не отвечало на главный вопрос, который не давал мне покоя: зачем А. В.С. совершать эти убийства?

Меган Барнард заерзала на стуле.

— А разве мы не можем в данном случае говорить о жажде крови?

— Вы абсолютно правы, мадемуазель, — повернулся к ней Пуаро. — Такая вещь существует. Так же как и жажда убивать. Но данное предположение не может объяснить все факты произошедшего. Маньяк-убийца, который жаждет крови, обычно стремится убить как можно больше людей. Именно в этом состоит его страстное, маниакальное желание. И главной своей задачей этот тип считает необходимость как можно лучше замести свои следы, а не рассказывать о них на каждом углу. И если мы подумаем о четырех выбранных жертвах или по крайней мере о трех из них (я почти ничего не знаю ни о мистере Доунзе, ни о мистере Эрлсфилде), то поймем, что убийца мог вполне легко убить их, не вызывая никаких подозрений.

Полиция стала бы подозревать, даже если б у нее не было никаких прямых доказательств, Франца Ашера, Дональда Фрэйзера, или Меган Барнард, или, на худой конец, мистера Кларка. Никому бы в голову не пришло подумать о неизвестном серийном убийце! Почему же в таком случае убийца так хотел привлечь к себе

внимание? И зачем ему нужно было оставлять на месте преступления алфавитный железнодорожный справочник? Это что, была еще одна навязчивая идея? А может быть, это был какой-то комплекс, связанный с железнодорожными справочниками? В тот момент я посчитал для себя невозможным пытаться проникнуть в мысли убийцы. Можно ли здесь было говорить о великодушии? О боязни ответственности за то, что твое преступление будет приписано невинным людям?.. И хотя я не мог ответить на главный вопрос, я чувствовал, что начинаю что-то понимать в этом убийце.

— Ну, например? — задал вопрос Фрэйзер.

— Начнем с того, что я понял, что у него системный образ мышления. Все его преступления вписывались в определенную алфавитную прогрессию, которая, по-видимому, была для него важна. С другой стороны, он довольно странно выбирал сами жертвы: миссис Ашер, Бетти Барнард, сэр Кармайкл Кларк — все они сильно отличались друг от друга. Невозможно было проследить никаких предпочтений ни по полу жертвы, ни по ее возрасту, и меня это сильно озадачивало. Ведь если человек убивает без всякой системы, то обычно он делает это для того, чтобы убрать всех,

кто стоит у него на пути или раздражает его. Но наличие алфавитной прогрессии говорило за то, что это не наш случай. Другой тип убийцы всегда выбирает определенный тип жертвы — обычно противоположного пола. В том, как беспорядочно делал этот свой выбор А. В.С., имелся какой-то авантюризм, который никак не состыковывался с алфавитным порядком отбора.

На этом этапе я позволил себе сделать несколько небольших предположений. Выбор А. В.С. позволил мне подумать о человеке, как я это для себя назвал, с железнодорожным складом ума. Это более характерно для мужчин, чем для женщин. Маленькие мальчики любят поезда больше, чем маленькие девочки. Это может также указывать на инфантильность мышления, когда в поведении субъекта доминантным является мотив «ребенка».

Смерть Бетти Барнард и то, как она умерла, позволило мне сделать еще несколько выводов. Особенно это касалось самого способа убийства… прошу прощения, мистер Фрэйзер. Начнем с того, что ее задушили собственным поясом, то есть сделать это мог только тот, кого она знала и кому доверяла. А когда я побольше узнал о ее характере, в голове у меня сложилась совершенно

определенная картина.

Бетти Барнард была кокеткой и любила внимание со стороны мужчин. Поэтому для того, чтобы А. В.С. смог уговорить ее пойти с ним, он должен был обладать большой долей чисто мужской привлекательности! Он должен был уметь, как вы говорите в Англии, «подкатиться» к женщине! Он должен был уметь добиваться своего! А теперь представьте себе следующую сцену на пляже: мужчина восхищается поясом Бетти. Она снимает его. Он, как бы играючи, обвивает поясом ее шею и, вполне возможно, говорит в шутку: «Я тебя сейчас задушу». Все это выглядит очень игриво, и она хихикает, а он тянет за концы пояса.

Дональд Фрэйзер в ярости вскочил со стула.

— Прошу вас, месье Пуаро, ради всего святого!..

— Я уже все сказал. Все закончилось. Больше ни слова. — Пуаро поднял руку. — Мы переходим к следующему убийству — сэра Кармайкла Кларка. Здесь убийца возвращается к способу первого убийства — удару по голове тяжелым предметом. Тот же самый алфавитный принцип, но одна вещь продолжает меня беспокоить. Ведь чтобы быть до конца последовательным, убийца должен выбирать города тоже по какой-то системе. И если Андовер — это сто пятьдесят пятый город

в списке на букву «А», то следующее преступление должно произойти в сто пятьдесят пятом городе из списка на букву «В», или в сто пятьдесят шестом, а следующее убийство тогда должно произойти в сто пятьдесят седьмом городе из списка на букву «С». А здесь города опять выбираются с каким-то авантюризмом.

— А не потому ли, Пуаро, вы обратили на это внимание, что сами имеете привычку так себя вести? — спросил я. — Вы ведь в обычной жизни всегда очень методичны, и ваши действия всегда очень упорядоченны. И у вас это принимает форму болезни!

— При чем здесь болезнь? *Qu'elle idée!*[92] Но я соглашусь с вами — вполне вероятно, что я уделяю этому слишком много внимания. *Passons!*[93] Убийство в Керстоне не принесло мне почти ничего нового. Нам с ним откровенно не повезло, поскольку письмо, в котором о нем сообщалось, затерялось, и никаких приготовлений сделать было невозможно. Но к тому моменту, когда было объявлено об убийстве «D», нам удалось выстроить достаточно стройную оборонительную

---

[92] Сноски: 92
Что за идея! *(фр.)*

[93] Сноски: 93
Далее! *(фр.)*

систему, и было очевидно, что у А. В.С. очень мало шансов уйти безнаказанным.

Более того, именно в тот период я получил в свое распоряжение улику с чулками. Было абсолютно ясно, что присутствие на месте преступления, или около него, человека, продающего чулки, не могло быть простым совпадением, а это говорило о том, что этот продавец и был убийцей. Должен признаться, что его описание, данное мисс Грей, не совсем совпадало с моим представлением о человеке, который мог задушить Бетти Барнард.

Я совсем коротко расскажу вам о дальнейших событиях. Следующим убитым оказался Джордж Эрлсфилд, которого, как все решили, убили вместо мужчины по имени Доунз, который был такого же роста, как и убитый, и сидел недалеко от него в кинотеатре.

И вот именно тогда удача изменила А. В.С. Происходящее стало играть против него. Его заметили, обложили со всех сторон и наконец арестовали.

— И дело, как говорит Гастингс, закончилось!

— В том, что касается публики, — несомненно. Преступник в тюрьме и, вне всяких сомнений, будет в конце концов направлен в Бродмур.

Убийств больше не будет. Конец! *Finis!*[94] Покойтесь с миром!

Но для меня ничего еще не закончилось. Я ведь совсем ничего не знаю об этом деле! Я не знаю ни «зачем», ни «по какой причине».

И есть еще один очень досадный факт. У Каста алиби на момент совершения убийства в Бэкс-хилле.

— Меня это тоже все время волновало, — вставил Франклин Кларк.

— Да. И меня это беспокоило. Потому что это алиби выглядело совершенно реальным. Но оно не могло быть реальным, если только мы не сделаем два очень интересных предположения.

Давайте представим себе, друзья, что Каст, совершив убийства «A», «C» и «D», не имеет никакого отношения к убийству «B».

— Но, месье Пуаро…

Взглядом мой друг заставил Меган Барнард замолчать.

— Помолчите, мадемуазель. Поверьте, я тоже выступаю за правду! Мне надоела ложь. Я же сказал: давайте представим себе, что А. В.С. не совершал второго убийства. Вспомните, оно про-

---

[94] Сноски: 94
Конец! *(фр.)*

изошло ранним утром двадцать пятого июля, именно в тот день, когда он прибыл на место преступления. А может быть, его кто-то опередил? И что в этом случае он будет делать? Совершит еще одно убийство или заляжет на дно и воспримет первое как какой-то жуткий подарок?

— Месье Пуаро! — вмешалась Меган. — Это совершенно фантастическое предположение! Все убийства должны были быть совершены одним и тем же человеком.

Маленький бельгиец не обратил на нее никакого внимания и продолжил твердым голосом:

— Это предположение позволяет объяснить расхождения в личности Александра Бонапарта Каста — который никогда бы не смог обольстить девушку, — и убийцы Бетти Барнард. Широко известно, что некоторые будущие убийцы пользовались преступлениями, совершенными другими людьми. Например, не все убийства, приписываемые Джеку-потрошителю, были совершены им самим. Но достаточно об этом.

Потому что вскоре я столкнулся с настоящей проблемой.

До момента убийства мисс Барнард никакие подробности этого дела в газеты не сообщались. Убийство в Андовере вообще мало кого заин-

тересовало. При сообщении о нем алфавитный справочник вообще не упоминался. Из этого следовало, что человек, убивший Бетти Барнард, должен был иметь доступ к информации, известной только очень ограниченному кругу лиц — полиции, мне и нескольким родственникам и соседям миссис Ашер. Так что эта линия расследования, казалось, привела меня к глухой стене.

На лицах людей, смотревших на моего друга, было озадаченное и недоуменное выражение.

— Ну, в конце концов, полицейские тоже люди, — задумчиво заметил Дональд Фрэйзер. — И часто достаточно привлекательные… — Он замолчал и вопросительно посмотрел на Пуаро.

— Все гораздо проще, — мягко покачал головой Пуаро. — Я же сказал вам, что есть и второе предположение. Предположим, что Каст не виноват в убийстве Бетти Барнард. Предположим, что ее убил кто-то другой. Мог ли этот другой совершить и остальные убийства?

— Но в этом нет никакого смысла! — выкрикнул Кларк.

— Да неужели? И тогда я сделал то, что должен был сделать с самого начала. Я еще раз изучил полученные письма, но смотрел на них уже с

совсем другой точки зрения. С самого начала я чувствовал, что с ними что-то не так, — совсем как эксперт по живописи чувствует, что картина поддельная…

Вначале, без долгих размышлений, я решил что «что-то не так» было тем, что письма написаны сумасшедшим. Теперь я еще раз перечитал их и пришел к совершенно противоположному выводу. «Не так» было то, что они были написаны совершенно нормальным человеком!

— Что?! — воскликнул я.

— Да, именно так! В них было «что-то не так», как и в картине, потому что и они и картина были подделками. Они были написаны так, чтобы сойти за письма сумасшедшего маньяка-убийцы, однако в действительности все было наоборот.

— Но в этом нет никакого смысла, — повторил Кларк.

– *Mais oui*. Надо просто постараться задуматься. С какой целью писались эти письма? Привлечь внимание к писавшему, привлечь внимание к убийце! *En verité*[95], на первый взгляд в этом нет никакого смысла. А потом я увидел свет в конце тоннеля! Их целью было привлечь внимание к

---

[95] Сноски: 95
Истинно *(фр.)*.

нескольким убийствам, к серии убийств… Разве не ваш великий Шекспир сказал: «Невозможно за лесом увидеть деревья»?[96]

Я не стал исправлять литературные реминисценции Пуаро. Вместо этого я пытался понять, к чему он ведет. И мне показалось, что я стал догадываться. А мой друг в это время продолжал:

— Где проще всего спрятать иголку? Среди других иголок. Когда вы меньше всего внимания обратите на отдельное преступление? Когда оно идет в ряду схожих преступлений! И я понял, что мне противостоит расчетливый, умный, безжалостный убийца, азартный и дерзкий, да к тому же еще и игрок. И он совсем не похож на мистера Каста. Тот никогда бы не смог совершить эти убийства! Нет, мне пришлось иметь дело с совсем другим типом мужчины: с темпераментом мальчишки (вспомните эти, похожие на школьные, письма и железнодорожные справочники); обладающим мужской привлекательностью; совершенно равнодушным к человеческой жизни. То есть с мужчиной, чья личность должна была быть легко заметна в одном из преступлений! Подумайте, когда убивают мужчину или женщи-

---

[96] Сноски: 96

В «Макбете» Шекспир говорит о том, что «за деревьями леса не видать».

ну, что в первую очередь интересует полицию? В первую очередь возможность совершения преступления — где находились люди в этот момент? Мотив — кто получает наибольшую выгоду от этой смерти? А если мотив и возможность очевидны, то спрашивается: что будет делать вероятный убийца? Попытается создать себе алиби, каким-то образом манипулируя временем? Но это всегда довольно рискованное мероприятие. Наш убийца придумал гораздо более интересную линию защиты. Он создал серийного убийцу.

Теперь мне оставалось только еще раз изучить все преступления и попытаться найти виновника. Убийство в Андовере? Наиболее вероятный виновник — Франц Ашер. Но я не мог себе представить, что этот Ашер способен на создание такой сложной, многоходовой комбинации. Убийство в Бэксхилле? Дональд Фрэйзер был вполне вероятным кандидатом. Он умен, методичен, и у него были соответствующие возможности. Но убить свою девушку он мог только из ревности, а ревность и долгосрочное планирование — две вещи несовместные. Кроме того, я узнал, что в начале августа он был в отпуске, а значит, маловероятно, что он имел какое-то отношение к убийству в Керстоне.

Итак, мы подошли к преступлению в Керстоне, и ситуация с ним оказалась гораздо более многообещающей. Сэр Кармайкл Кларк был очень богатым человеком. Кто наследует ему в случае его смерти? Его умирающая жена получит эти деньги, но после нее они достанутся его брату Франклину.

Пуаро медленно повернулся и встретился взглядом с Франклином Кларком.

— И тогда ко мне пришла уверенность. Человек, которого я так долго рисовал себе в своих мыслях, был не кем иным, как человеком, которого я знал лично. А. В.С. и Франклин Кларк оказались одним и тем же лицом. Отчаянный авантюрный характер, жизнь, проведенная в скитаниях по свету, пристрастие к Англии и всему английскому, что слегка проявлялось в нелюбви к иностранцам. Приятная и свободная манера поведения — для него не составляет никакой проблемы «снять» девочку в кафе. Методичный, системный подход ко всему — несколько дней назад он составил здесь список, четко пометив пункты: A, B и C; и наконец мальчишеский взгляд на жизнь, о котором говорила леди Кларк и который можно было определить по тем книгам, которые он читал. Я взял на себя труд и убедился, что в биб-

лиотеке есть книга Несбит, которая называется «Дети железной дороги». После этого у меня не осталось никаких сомнений в том, что А. В.С., совершивший убийства, и Франклин Кларк — это один и тот же человек.

— Как все это остроумно, — неожиданно рассмеялся Кларк. — А как же тогда наш друг Каст, которого схватили, можно сказать, за руку? Как же быть с кровью на его пиджаке? Ножом в его квартире? Хотя он может отрицать, что совершил эти преступления…

— А вот здесь вы глубоко ошибаетесь, — прервал его Пуаро. — Он признается в них.

— Что? — Кларк выглядел совершенно потрясенным.

— Именно так, — ответил мой друг. — Как только я начал с ним разговаривать, я сразу же понял, что он считает себя виновным.

— И даже это вас не удовлетворило, месье Пуаро?

— Нет. Потому что, как только я его увидел, я сразу же понял, что он не может быть убийцей. У него для этого нет ни воли, ни дерзости, ни, если позволите, мозгов, чтобы все спланировать! И теперь я понимаю, как все происходило. В этом принимали участие два человека: настоящий

убийца — умный, находчивый и изобретательный, и псевдоубийца — глупый, нерешительный и внушаемый. Легко внушаемый — именно в этом состоит загадка мистера Каста!

Вам недостаточно было, мистер Кларк, разработать план серийных убийств, чтобы отвлечь внимание от одного-единственного, вам еще было нужно и подставное лицо! Думаю, что впервые эта идея пришла вам в голову после того, как вы встретились в городском кафе с этим странным персонажем с его фантастическими именами. В то время вы как раз обдумывали различные варианты убийства вашего брата.

— Правда? А зачем?

— Затем, что вы были серьезно озабочены своим будущим. Не знаю, осознаете ли вы это, мистер Кларк, но вы сами очень помогли мне, когда дали прочитать одно письмо, написанное вам вашим братом. В этом письме он недвусмысленно дает понять о своем увлечении мисс Торой Грей. Вполне возможно, что его отношение носило отеческий характер, или он предпочитал так думать. В любом случае существовала достаточно серьезная опасность, что после смерти вашей свояченицы он может, будучи совсем одиноким, обратиться к этой красивой девушке за поддерж-

кой и сочувствием. А это, в свою очередь, может привести, как это часто бывает с пожилыми мужчинами, к свадьбе. Сей страх усиливался тем, что вы хорошо знали мисс Грей. Мне кажется, что вы очень хорошо, хотя и несколько цинично, разбираетесь в людях. И вы решили — не знаю, правильно или нет, — что мисс Грей относится к категории охотниц за мужьями. Вы были абсолютно уверены, что она ни за что не упустит своего шанса стать леди Кларк.

Ваш брат был очень здоровым и жизнелюбивым мужчиной, поэтому у них вполне могли появиться свои дети, а в этом случае ваши шансы на наследство сводились к нулю.

Думаю, что всю свою жизнь вы жили с чувством глубокого неудовлетворения. Вас носило по миру как перекати-поле, и вы так и не смогли ничего добиться на благо себе самому. Поэтому вы бесконечно завидовали богатству вашего брата.

И я хочу еще раз повторить, что встреча с мистером Кастом как раз в тот момент, когда вы обдумывали убийство вашего брата, открыла для вас новые перспективы. Услышав о его нелепых именах, узнав о его эпилептических припадках и приступах головной боли, увидев его со стороны, такого жалкого и незаметного, вы решили, что

он идеально подходит на роль того козла отпущения, который так вам был нужен. И вам пришел в голову весь этот план с алфавитом — вы сразу оценили инициалы Каста, то, что имя вашего брата начиналось на «С», и то, что он жил в Керстоне[97]. Именно это и стало основой вашего плана. Вы даже решились намекнуть Касту на возможность его необычной смерти, хотя и не ожидали, что это принесет такие богатые плоды.

Сама организация была великолепна. От имени Каста вы письменно заказали большую партию чулочных изделий. Одновременно с этим вы сделали так, что ему прислали пачку алфавитных железнодорожных справочников, упакованных схожим образом. Вы послали ему напечатанное на машинке письмо, в котором от имени крупной фирмы предложили ему приличную зарплату и хорошие комиссионные. Вы настолько хорошо все продумали, что заранее напечатали все необходимые письма на машинке, которую потом передали несчастному.

Теперь вам надо было найти две жертвы, имена которых начинались бы с «А» и «В» и которые, соответственно, жили бы в городах, названия

---

[97] Сноски: 97

В английском языке название «Каст» и «Керстон» начинаются с латинской буквы С.

которых начинались бы с этих же букв.

Вы посетили Андовер, как возможное место для совершения первого преступления, и там ваш выбор пал на миссис Ашер и ее магазинчик, как место первого убийства. Ее имя было ясно написано на двери магазина, а наблюдение за ним показало вам, что в магазине она обычно была одна. Для успешного выполнения первой части вашего плана вам нужны были железные нервы, изрядная дерзость и немного удачи.

Для второго убийства вам пришлось предусмотреть иную тактику. Вы понимали, что одиноких хозяек небольших магазинчиков могли предупредить об опасности. Думаю, что вам пришлось походить по кафе и чайным, флиртуя и обмениваясь шутками с официантками, пока вы не нашли подходящую кандидатку на новую жертву. Бетти Барнард оказалась именно той девушкой, которую вы искали. Пару раз вы пригласили ее на обед, объяснив при этом, что вы человек женатый и поэтому ваши встречи надо держать в тайне.

А затем, закончив все приготовления, вы приступили к выполнению вашего плана!

Вы послали Касту список жителей Андовера с указанием быть там в определенный день и направили ваше первое письмо, подписанное

инициалами А. В.С., мне.

В назначенный день вы отправились в Андовер и безо всяких осложнений убили вашу первую жертву — таким образом первая часть вашего плана была успешно выполнена.

Что касается второго убийства, то вы решили совершить его, для безопасности, накануне указанного в вашем письме дня. Я почти уверен, что Бетти Барнард была убита до полуночи двадцать четвертого июля.

Вот мы и дошли до убийства номер три, до самого важного для вас, «настоящего», убийства.

И здесь я должен воздать должное Гастингсу, который в свое время высказал предположение, на которое никто не обратил внимания. Он предположил, что третье письмо было намеренно послано не по тому адресу. И оказался совершенно прав…

В объяснении этой мнимой ошибки и лежит ответ на вопрос, который мучил меня с самого начала. Почему все письма направлялись на имя Эркюля Пуаро, частного детектива, а не в полицию?

Каюсь, что поначалу я предположил какие-то личные мотивы. Но это было совсем не так! Письма посылались мне, потому что основной

деталью вашего плана было то, что одно из них, с неправильным адресом, должно было потеряться, но письмо, адресованное в Департамент криминальных расследований Скотленд-Ярда, потеряться просто не может. Поэтому вам было необходимо найти частный адрес. Вы выбрали меня, как достаточно известную личность, которая обязательно передаст письма в полицию. И кроме этого, вы, с вашим примитивным воображением, получали дополнительное удовольствие от того, что вам удалось посадить в калошу иностранца.

Вы очень умно адресовали ваше третье письмо: Уайтхэвен — Уайтхорс — описка вполне естественная. И только Гастингс, с его прозорливостью, смог отбросить все вторичное и проникнуть в самую суть вопроса!

А суть состояла в том, что письмо должно было затеряться! Полиция должна была пойти по следу только после того, как убийство было уже совершено. Ежевечерние прогулки вашего брата представили вам великолепную возможность. А ужас перед А. В.С. к этому времени уже настолько охватил всех, что ваша возможная вина никому не могла прийти в голову.

Естественно, что после смерти вашего брата

ваша главная цель была достигнута и вам уже не хотелось убивать дальше. Однако если бы убийства столь резко и беспричинно прекратились, то кто-то мог бы заподозрить неладное.

Ваше подставное лицо, мистер Каст, настолько великолепно исполнял роль незаметного, а потому никем не замеченного человечка, что никому и в голову не пришло обратить внимание на то, что один и тот же человек присутствовал недалеко от места совершения всех трех убийств! К вашему разочарованию, даже его визит в Комбсайд остался незамеченным. О встрече с ним мисс Грей попросту забыла!

Будучи авантюристом по своей природе, вы решили, что должно произойти еще одно убийство, но на этот раз след, ведущий к преступнику, должен быть ясно виден. И вы выбрали Донкастер, как место проведения операции. План был очень прост. Вы сами окажетесь там, причем так, что ваше появление ни у кого не вызовет никаких подозрений. Мистер Каст будет направлен в Донкастер своей фирмой. Вы планировали проследить за ним в надежде на благоприятную случайность. И вам опять повезло. Мистер Каст зашел в кино. Все остальное было очень просто. Вы сели в нескольких местах от него. Когда он

встал, чтобы выйти, вы сделали то же самое. Затем, притворившись, что споткнулись, наклонились вперед и зарезали мужчину, дремавшего в кресле в переднем ряду. После этого вы оставили у него на коленях справочник и умудрились намеренно столкнуться с мистером Кастом в темном проходе. При этом вы засунули ему в карман окровавленный нож и испачкали в крови рукав его пиджака.

На этот раз вы не пытались найти жертву, чья фамилия начиналась бы на «D». Вполне подходил любой из зрителей. Вы справедливо решили, что все было бы списано на случайную ошибку преступника! Наверняка недалеко от убитого нашелся бы кто-нибудь с нужной фамилией — и все решили бы, что он и был целью преступника.

А теперь, друзья, давайте взглянем на происходившее глазами фальшивого А. В.С., глазами мистера Каста.

Убийство в Андовере ничего для него не значит. Но он удивлен и шокирован убийством в Бэксхилле — как же так, ведь он сам был там приблизительно в это же время! А потом приходит черед Керстону и всей этой шумихе в газетах.

Убийство в Андовере, когда он там был, убийство в Бэксхилле, когда он там был, а теперь и

еще одно, не так уж далеко… Три убийства — и он был рядом с местом преступления во всех трех случаях. У людей, страдающих эпилепсией, очень часто бывают провалы в памяти, когда они совершенно не помнят о том, что делали… Не забывайте, что Каст был нервным, я бы даже сказал, невротическим типом, легко поддающимся внушению!

И вот он получает указание направиться в Донкастер.

Донкастер! Ведь это возможное место совершения очередного преступления. Наверное, к тому времени Каст уже решил, что это судьба. Он уже потерял самообладание, ему начинает казаться, что его хозяйка смотрит на него подозрительно, поэтому он говорит ей, что едет в Челтенхэм. А едет в Донкастер, потому что ему надо именно туда. Днем идет в кино — вполне возможно, он даже задремал там на несколько минут…

Представьте себе, что он ощутил, когда, вернувшись в гостиницу, обнаружил кровь у себя на рукаве и окровавленный нож в своем кармане! Все его смутные подозрения сразу же превратились в реальность! Так, значит, настоящий убийца — это он сам? Он помнит о своих головных болях и провалах в памяти, поэтому ни в чем

не сомневается. Он, Александр Бонапарт Каст, — серийный маньяк-убийца!

После этого его поведение напоминает поведение загнанного животного. Он возвращается к себе в Лондон. Здесь его все знают, и он чувствует себя в безопасности. Ведь все думают, что он был в Челтенхэме. Однако у него все еще есть оружие убийства — очень большая глупость! Он прячет его за вешалкой в холле.

А потом в один прекрасный день его предупреждают, что к нему придет полиция. Это конец! Им все известно! И загнанное животное делает последнюю попытку вырваться на свободу… Я не знаю, почему он выбрал Андовер — скорее всего, это было навязчивое желание увидеть то место, где было совершено преступление. Преступление, которое, как был уверен Каст, совершил он сам, хотя ничего об этом и не помнил…

У него не осталось никаких денег, он измучен… и ноги сами приводят его в полицейский участок.

Но даже загнанное в угол животное может бороться! Мистер Каст верит, что совершил эти убийства, но с маниакальной настойчивостью твердит о своей невиновности. Он с отчаянием цепляется за алиби, которое у него есть по вто-

рому убийству. Хотя бы это не смогут на него повесить.

Как я уже сказал, увидев его, я сразу же понял, что он не убийца, а мое имя для него ничего не значит. Но я знал, что он считает себя убийцей! И вот, когда он мне во всем признался, я убедился, что моя теория верна!

— Ваша теория, — вставил Франклин Кларк, — абсурдна!

— Нет, мистер Кларк, — покачал головой маленький бельгиец. — Вы были в безопасности, пока на вас не падало подозрение. А как только вас стали подозревать, то найти доказательства было уже делом техники.

— Доказательства?

— Именно. Я нашел трость, которой вы воспользовались в Андовере и Керстоне, в шкафу в Комбсайде. Обычная трость с круглым набалдашником. В этом набалдашнике была высверлена часть дерева, вместо него залит расплавленный свинец. Вашу фотографию, среди дюжины других, узнали два человека, которые видели, как вы выходили из кинотеатра в Донкастере в то время, когда должны были находиться на ипподроме. А позавчера в Бэксхилле вас опознали Милли Хигли и официантка из придорожного «Пурпур-

ного бегуна», где вы обедали с Бетти Барнард в тот роковой вечер. Ну и, кроме всего прочего, вы умудрились забыть о самой элементарной улике! Вы забыли стереть свой отпечаток пальца с пишущей машинки Каста, до которой, если вы действительно невиновны, вы никак не могли дотрагиваться.

Кларк несколько мгновений сидел неподвижно, а потом произнес:

— Красное, нечет, выигрывает казино![98] Вы выиграли, месье Пуаро, но попытаться все равно стоило.

Почти неуловимым движением он вытащил из кармана небольшой автоматический пистолет и приставил его к виску.

Я вскрикнул и невольно зажмурился, ожидая услышать звук выстрела.

Но раздался только щелчок спускового механизма.

Кларк в недоумении посмотрел на пистолет и выругался.

— Ничего не получится, мистер Кларк, — сказал мой друг. — Вы заметили, что у меня сегодня новый лакей? Это лучший карманник в Лондоне.

---

[98] Сноски: 98
Термины при игре в рулетку.

Он вытащил пистолет у вас из кармана, разрядил его и вернул на место, да так, что вы ничего даже не почувствовали.

— Вы жалкий, мерзкий иностранный негодяй! — выкрикнул Кларк, побагровев от ярости.

— Да, да, мистер Кларк. Именно так вы все это и ощущаете. Но не ждите легкой смерти. Вы ведь говорили мистеру Касту, что пару раз чуть не утонули — так вот, судьба хранила вас совсем для другого.

— Вы… — Кларк не мог найти слов. Лицо его посерело, а кулаки угрожающе сжались.

Из соседней комнаты появились два представителя Скотленд-Ярда. Одним из них оказался Кроум. Он сделал шаг вперед и произнес свою сакраментальную фразу:

— Предупреждаю вас, что все сказанное вами может быть впоследствии использовано против вас…

— А он уже и так достаточно сказал, — заметил Пуаро и обратился к Кларку: — Вы полны вашего островного превосходства, но хочу заметить, что ваше преступление — совсем не английское преступление; оно совсем не джентльменское и не спортивное.

К сожалению, должен сказать, что, как только

за Кларком закрылась дверь, на меня напал истерический смех.

Пуаро посмотрел на меня с легким удивлением.

— Это все из-за того, что вы сказали, что это не «спортивное» преступление. — Я чуть не задохнулся.

— Но ведь это правда. Преступление было просто омерзительным — и не только потому, что речь идет об убийстве его брата, но и потому, что он без малейших колебаний приговорил невинного человека к смерти заживо. Поймать лису — и запереть ее навечно! Это совсем не поспортивному.

Меган Барнард глубоко вздохнула.

— Я просто не могу в это поверить. Неужели все это правда?

— Да, мадемуазель. Кошмар наконец закончился.

Она посмотрела на него и покраснела.

— Мадемуазель Меган все это время боялась, — Пуаро повернулся к Фрэйзеру, — что вы совершили это второе убийство.

— В какой-то момент мне и самому стало так казаться. — Слова Дональда Фрэйзера были еле слышны.

— Из-за вашего сна? — Пуаро приблизился к молодому человеку и деликатно понизил голос. — У вашего сна есть вполне естественное объяснение. Все объясняется тем, что образ одной сестры в вашем воображении стирается и замещается образом другой. Мадемуазель Меган вытесняет свою сестру из вашего сердца, но постольку, поскольку вы не можете думать о другой женщине так скоро после смерти вашей возлюбленной, то пытаетесь избавиться от этой мысли, убить ее! Вот и все объяснение вашего сна.

Фрэйзер перевел взгляд на Меган.

— Не бойтесь забыть. — Голос Пуаро звучал очень мягко. — Да она и не очень достойна того, чтобы о ней помнили. А мадемуазель Меган — одна из тысячи, *un coeur magnifique!*[99]

Глаза Дональда Фрэйзера заблестели.

— Я думаю, что вы абсолютно правы!

Мы все сгрудились вокруг Пуаро, задавая вопросы и пытаясь уточнить ту или иную деталь.

— А эти вопросы, Пуаро? Те, что вы всем задавали. В них был хоть какой-то смысл?

— Некоторые из них были *simplement une*

---

[99] Сноски: 99
Прекрасное сердце *(фр.)*.

blague[100]. Но я выяснил одну вещь, которая для меня была очень важна, — это то, что Кларк был в Лондоне в тот момент, когда было отправлено первое письмо. А кроме того, я хотел увидеть выражение его лица, когда он услышал мой вопрос Торе Грей. В тот момент он думал, что за ним никто не наблюдает, и я увидел в его глазах угрозу и ярость.

— Мои чувства вы тоже не пощадили, — заметила девушка.

— Не думаю, чтобы вы честно ответили на мой вопрос, мадемуазель, — сухо сказал мой друг. — А теперь вы лишились и второй своей надежды. Кларк не получит в наследство денег своего брата.

— Какой смысл мне оставаться здесь и выслушивать все эти оскорбления? — гордо вскинула голову Тора Грей.

— Абсолютно никакого, — ответил маленький бельгиец и вежливо открыл для нее дверь.

— Да, Пуаро, — задумчиво произнес я, — этот отпечаток поставил жирную точку во всем этом деле. Когда он услышал про него, то практически развалился на куски.

---

[100] Сноски: 100
Просто шутка *(фр.)*.

— Да, отпечатки пальцев еще никому не мешали… — Мой друг задумался, а потом добавил: — Этот я упомянул специально для вас.

— Как, Пуаро, — воскликнул я, — так это неправда?

— Абсолютная неправда, *mon ami*, — ответил маленький бельгиец.

Мне остается только рассказать о том, что через несколько дней нас посетил Александр Бонапарт Каст. После того как пожал руку моему другу и очень запутанно и непонятно попытался его поблагодарить, он выпрямился во весь рост и сказал:

— А знаете, газета предложила мне сто фунтов за мою краткую биографию и всю эту историю. Прямо даже не знаю, что делать.

— Я бы не соглашался на сотню, — ответил Пуаро. — Будьте тверды. Скажите, что меньше чем за пятьсот вы не согласны. И не замыкайтесь на одной газете.